

16805
А. І. Доливо-Добровольскій.

48691.

ЭТЮДЫ И КАРТИНКИ
ИЗЪ

КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

Въ имперіи Богдыхана. — На парадномъ китайскомъ обѣдѣ. — Сорокъ семь могилъ. — Черная Королева. — Роковой островъ. — Аборигены Японіи. — Святая Ночь въ океанѣ.

ЦѢНА 50 КОП.

КРОНШТАДТЪ.

Типографія «Кронштадтскаго Вѣстника».

1894.

THE [illegible] OF [illegible]

11

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

[Faint, illegible text]

А. І. ДОЛЖОВО-ДОВРОВОЛЬСКІЙ

ЭТЮДЫ И ~~КАРТИНКИ~~

ИЗЪ

КРУГОСВѢТНАГО ПЛАВАНІЯ

Въ имперіи Богдыхана. — На парадномъ китайскомъ обѣдѣ. — Сорокъ семь могилъ. — Черная королева. — Роковой островъ. — Аборигены Японіи. — Святая Ночь въ океанѣ.

Чистый доходъ съ этого изданія поступить въ Морское Благотворительное Общество.

КРОНШТАДТЪ.

Типографія «Кронштадтскаго Вѣстника».

1894.

39

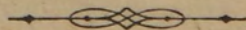
К

Дозволено цензурою. Кронштадтъ, 28-го Мая, 1894 г.

79967

ПОСВЯЩАЕТСЯ

**Евгениі Павловнѣ
ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКОЙ.**

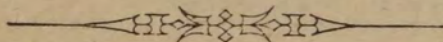
Вале-Маре, 1894.

16805

ВЪ ИМПЕРІИ БОГДЫХАНА.

(Картинки жизни Китая и его шансы на
будущность).

*Публичная лекція, читанная въ Одессѣ въ пользу
семей моряковъ, погибшихъ съ бронен. „Русалка“ *).*

*) Лекція эта не представляетъ цѣликомъ оригиналь-
наго труда автора: она составлена, большею частью,
по нѣкоторымъ изъ статей и замѣтокъ, найденнымъ
имъ въ ежедневной прессѣ Китая (Шанхайская га-
зета, Сѣверо-Китайскій Вѣстникъ и др.), а 3-я и 8-я
главы — по запискамъ миссіонера Гюга.

Библиотека НКО СССР

Въ имперіи Богдыхана.

Картинки жизни Китая и его шансы на будущность.

*Публичная лекція, читанная въ Одессѣ въ пользу
семей моряковъ, погибшихъ на бронен. „Русалка“.*

ГЛАВА I.

**Введеніе. — Миролубіе китайцевъ. — Указъ импера-
тора Канъ-си. — Китайское воинство.**

Находясь подолгу на станціяхъ въ портахъ Небесной Имперіи, я посвящалъ свои досуги изученію необыкновеннаго народа этой страны, приковавшаго, къ себѣ уже давно мое вниманіе.

На пути этого изученія, кромѣ описаній лучшихъ авторовъ (Williams Simon, Douglas, Grey, Meadows, Пясецкій, Пржевальскій и друг.), миссіонерскихъ мемуаровъ (Beal, Hug, Smith и пр.) и монографій глубокихъ синологовъ (Julien Legge, Васильевъ, Георгіевскій, о. Іоа-

кинфъ, Abel Remusat и пр.), — громадную помощь оказываетъ чтеніе мѣстныхъ газетъ.

Богатство, новость и разнообразіе фактовъ, сообщаемыхъ ими, очень драгоцѣнны, а то обстоятельство, что матеріалы эти безслѣдно исчезаютъ и вовсе неизвѣстны въ Россіи, давно склонило меня къ мысли обнародовать ихъ по возвращеніи домой.

Представляю ихъ теперь на судъ любознательныхъ читателей.

Въ рядѣ очерковъ пройдетъ передъ вами вся самобытная и поразительная китайская жизнь. Подарите имъ ваше вниманіе, и я обѣщаю вамъ много смѣха, немножко скуки, иногда ужасъ, порой негодованіе и всегда удивленіе.

Знатокъ-ли вы Китая, или же знаете его по однимъ картинкамъ на чайныхъ ящикахъ, — предстоящіе очерки не потеряютъ своего значенія, такъ какъ, повторяю, содержимое въ нихъ появляется впервые въ русской печати.

Да не посѣтуютъ на меня читатели за преждевременное восхваленіе собственнаго труда. Я тѣмъ охотнѣе и тѣмъ живѣе стою за интересъ этихъ очерковъ, что личные лавры мои здѣсь не причемъ: очерки почерпнули свое происхожденіе въ ежедневной прессѣ Китая.

Главной-же цѣлью моею было разобратъся въ разнохарактерныхъ свойствахъ китайскаго народнаго духа; опредѣлить въ ихъ разнообразіи то, что я склоненъ считать задатками будущности и высказать то, чѣмъ эта будущность, по моему мнѣнію, можетъ обусловиться.

Естественная скромность не позволяетъ мнѣ думать, что такая цѣль достигнута мною, хотя-бы и отчасти. Но если на дальнѣйшихъ страницахъ мнѣ удастся лишь убѣдить читателей въ важности этой цѣли, то и тогда я сочту свою задачу выполненной.

А теперь, заручившись вашимъ вниманіемъ и наобѣщавъ вамъ столько — поднимаю занавѣсъ.

Посѣтите Китай, и изъ первыхъ-же вашихъ впечатлѣній будетъ несомнѣнно его громадность.

Китай дѣйствительно громаденъ; громаденъ и самъ азіатскій континентъ. Многіе находятъ его черезчуръ большимъ во всѣхъ отношеніяхъ: его равнины слишкомъ обширны, его горы непомерно высоки, рѣки переполнены, населенія безчисленны, а бѣдствія отъ неурожаевъ и наводненій превосходятъ всякое описаніе.

Профессоръ Де-Морганъ утверждалъ, что нѣмецкій языкъ имѣетъ семь смертныхъ грѣховъ: „слишкомъ много книгъ, любая книга кишитъ фразами, фраза—словами, слово изобилуетъ слогами, слогъ—буквами, страница—строчками, а строка слишкомъ черна“.

Не такъ-ли и въ Китаѣ? Черезчуръ много странъ, въ странѣ слишкомъ много провинцій, провинція содержитъ слишкомъ много учрежденій, въ вѣдѣніи которыхъ, въ свою очередь, слишкомъ много участковъ; участокъ изобилуетъ деревьями; деревня переполнена семьями, въ которыхъ кишитъ избытокъ людей.

Когда я думаю объ этомъ избыткѣ людей въ Китаѣ, то цифра миллионъ теряетъ свое обыкновенное значеніе.

Тамъ, гдѣ хотя немного воды, они переполняютъ даже ее, обращаясь если не въ водяныхъ, то земноводныхъ.

Въ приморскихъ портахъ тысячи лодокъ, соединенныхъ между собою, представляютъ цѣлый водяной городъ съ магазинами, мастерскими и съѣстными лавками.

Тамъ, внутри имперіи, на поверхности необозримыхъ озеръ вы встрѣтите просто сказочное зрѣлище цѣлыхъ участковъ земли и земледѣльческихъ фермъ,

построенныхъ на плотяхъ. Но пойдѣте дальше.

Тамъ, гдѣ горы поднялись изъ земли, онѣ тотчасъ-же изрыты дорогами и проходами, на подобіе яблока, источеннаго червями.

Но есть обстоятельство, которому вы обязаны удивиться необычайно, если примите во вниманіе упомянутую густоту населенія. Это сравнительное *миролюбіе* китайской расы.

Вы спросите : что-же сдерживаетъ всѣ эти милліоны скученныхъ людей отъ перспективы вцѣпиться другъ въ друга и огласить воздухъ воплями коллективной рѣзни?

На это я отвѣчу вамъ маленькой бытовой сценкой, моментальнымъ снимкомъ простого уличнаго инцидента. Гуляя по китайскому городу, вы наткнетесь на него ежечасно.

Два китайца поссорились.

Сойдясь, они начинаютъ другъ на друга страшно кричать. Унизительныя ругательства, отборные эпитеты оглашаютъ окрестность. Глаза ихъ наливаются кровью, пѣна показалась у рта, жилы на шеѣ напрягаются отъ усилія перекричать другъ друга.

Но вотъ что происходитъ : изъ публики моментально отдѣляются „посред-

ники“. Какъ-бы выростая изъ земли, они скучиваются около каждой стороны и, громко вопя, начинаютъ увѣщевать и мирить.

Тогда происходитъ любопытное явленіе: оба противника, видя свою тяжбу въ рукахъ судей, сначала приходятъ въ крайнее бѣшенство, катаются по землѣ, издавая пронзительные вопли. Но это, будьте увѣрены, просто *crescendo* передъ финаломъ, а финаль неизбѣженъ.

Всякое несогласіе и раздоръ блѣднѣютъ предъ авторитетомъ посредниковъ; всякая ссора, какъ-бы ни была она „вокально-демонстративна“, въ драку не перейдетъ.

И это все не потому, чтобы китайцы чувствовали расположеніе другъ къ другу. Вотъ, на примѣръ, ихъ употребительнѣйшія поговорки: „крупная рыба ѣстъ мелкую, мелкая—червей, а черви питаются иломъ“; или „двое никогда не должны смотрѣть въ тотъ-же колодезь одновременно“ (смыслъ тотъ, что всегда есть опасеніе, что васъ туда сбросятъ).

Отчего-же драка такое рѣдкое явленіе въ Китаѣ?

Глубокій мыслитель Мидоусъ былъ правъ, сказавъ, что въ Китаѣ нравственный, или, вѣрнѣе, духовный элементъ взялъ перевѣсъ надъ физическимъ.

Вспомните кровопролитную войну Квантунгъ, произошедшую въ провинціи Квантунгъ. При подобныхъ стихійныхъ взрывахъ тамъ молчитъ власть администраціи, не желая попасть подъ раскрышіеся острыя ножницы мятежа.

Но вотъ пролились рѣвки крови, стихли крики жертвъ, *ножницы сомкнулись*, и мандарины спѣшатъ съ развѣвающимися флагами мира констатировать вернувшееся „благополучіе“.

Избытокъ населенія и зависимость взаимныхъ интересовъ, разумѣется, вызываютъ въ Китаѣ множество ссоръ и несогласій. Но къ силѣ прибѣгаютъ рѣдко; по крайней мѣрѣ этого не видно, а уже и это много говоритъ.

Миролюбивыя свойства китайцевъ связуютъ ихъ общественный организмъ прочнымъ и надежнымъ цементомъ. Изъ всѣхъ азіатскихъ народовъ легче всего управлять китайцами, если придерживаться ихъ традицій.

Въ этомъ и секретъ манджурской династіи.

Бывали, правда, случаи, когда правительственный механизмъ Небесной имперіи трещалъ подъ сильнымъ давленіемъ извнѣ. Но всегда упругость брала свое; какъ въ человѣческомъ тѣлѣ, малое количество питательныхъ соковъ вы-

дѣлялось по каплямъ и всегда поспѣвало когда и куда нужно.

Миролюбіе китайцевъ тѣмъ удивительнѣе, что для разрѣшенія своихъ несогласій они рѣдко обращаются къ суду.

Отправленіе правосудія обратилось въ лавочку, что вызвано несоразмѣрно малымъ жалованьемъ должностныхъ лицъ; а между тѣмъ отъ нихъ требуется большая представительность, какъ то: наряды, слуги, паланкины. Кромѣ того, низшіе чиновники, состоящіе при судѣ, вовсе лишены содержанія и живутъ тѣмъ, что продаютъ свое вліяніе той или другой изъ сторонъ. Къ началу царствованія современной династіи злоупотребленія достигли такихъ размѣровъ, что совѣтники обратились къ императору Канг-си съ докладной запискѣй, на которую былъ полученъ слѣдующій изумительный отвѣтъ:

„Императоръ, соображая многомилліонность населенія, сложность поземельныхъ раздѣловъ и свойственный китайцамъ духъ тяжбы,—заключаетъ, что число процессовъ возрастетъ до неимовѣрнаго количества, если не будутъ бояться судовъ, а напротивъ того находить въ нихъ всегда внимательность и справедливыя рѣшенія. Такъ какъ, добавляетъ императоръ, человекъ склоненъ увле-

каться собственными интересами, то споры станутъ безконечны, и половины имперіи не хватитъ для разрѣшенія всѣхъ дѣлъ другой половины. Я, такимъ образомъ, полагаю, — говоритъ императоръ, — что со всѣми прибѣгающими къ суду, надо обращаться безъ милосердія и такъ поступать, дабы всѣмъ внушить отвращеніе къ тяжбѣ и страхъ появиться въ судѣ. Такимъ образомъ зло будетъ уничтожено въ корнѣ; добрые граждане мои будутъ улаживать свои распри по братски, обращаясь къ посредству стариковъ и деревенскихъ старшинъ. Тѣ-же, кто упорствуютъ и ссорятся, — да найдутъ въ судахъ свою погибель: въ этомъ и состоитъ правосудіе“.

Интересы Россійскаго государства настолько зависятъ отъ миролюбія Китая, что, можетъ быть, кстати сказать нѣсколько словъ о поднебесномъ воинствѣ.

Китайскіе солдаты совсѣмъ не такъ плохи, какъ это принято думать. Они способны къ большой преданности и мужеству. Ихъ лѣтописи полны героическихъ чертъ не хуже древняго Рима.

Когда пробѣгаешь ихъ исторію междоусобныхъ войнъ, удивляешься энтузіазму, съ которымъ цѣлыя населенія муж-

чинъ, женщинъ, дѣтей и стариковъ выдерживали ужасныя осады, не покидая стѣнъ города, пока всѣ не бывали убиты до послѣдняго человѣка.

Дальше я расскажу случай, когда жители опустошили свои-же берега до 30 верстъ отъ моря, истребляя селенія и города, сжигая лѣса и жатвы, оставляя необозримыя пустыни, для того, чтобы парализовать могущественнаго пирата, подрывавшаго государство.

Многіе смѣялись надъ поведеніемъ китайскихъ солдатъ предъ англійскими войсками. Послѣ первыхъ выстрѣловъ они бросали оружіе и разбѣгались, какъ стадо барановъ оттуда, куда попала бомба. Изъ этого заключали, что китайцы рѣшительные трусы, лишены духа и способности сражаться. Это сужденіе несправедливо. Со стороны китайцевъ это было только проявленіемъ здраваго смысла. Оружія противниковъ были слишкомъ несоразмѣрны, чтобы могла идти рѣчь о храбрости. Съ одной стороны стрѣлы и аркебузы, а съ другой ружья и митральезы. Истребленіе приморскаго города было простѣйшимъ дѣломъ: англійскій фрегатъ отдавалъ якорь и завозилъ верпъ, т. е. помѣщался отъ города въ желаемомъ разстояніи и направленіи. Пока штабъ, сидя на ютѣ за столомъ, развле-

кался мадерой и шампанскимъ, комендоры методически бомбардировали городъ, не оставляя камня на камнѣ; снаряды же китайцевъ падали въ воду, не долетая и половины пути. Дворцы и храмы падали, точно поражаемые громомъ. Англійская артиллерія представлялась несчастнымъ какимъ-то дьявольскимъ навожденіемъ. Откуда тутъ взяться мужеству? Не будучи въ состояніи настичь врага, который громилъ по произволению, они могли лишь спастись, и это они дѣлали съ большою предусмотрительностью и мудростью.

Достойно порицанія было развѣ лишь правительство, выславшее тысячи беззащитныхъ людей на вѣрную и бесполезную смерть.

Англійскія войска полны отваги, но будучи поставлены на мѣсто китайскихъ, — какъ-бы онѣ поступили? *Chi lo sa*, (кто знаетъ?) какъ говорятъ итальянцы.

Въ высокой степени вѣроятно, что въ Китаѣ можно найти всѣ элементы для организаціи такой ужасной арміи, какой еще не видывалъ свѣтъ. Китайцы умны, изобрѣтательны, полны смѣтливости и умственной гибкости; они быстро схватываютъ, чему ихъ обучаютъ и легко запоминаютъ. Они, помимо того, настойчивы и изумительно дѣятельны, когда за-

хотятъ. Духъ подчиненія власти создастъ у нихъ неслыханную дисциплину.

У китайцевъ есть и еще одно драгоценное для войны качество и притомъ въ размѣрахъ колоссальныхъ. Это невѣроятная выносливость, преодоленіе жара, холода, голода и жажды, утомленія отъ огромныхъ переходовъ. Вспомните монгольскую конницу среднихъ вѣковъ, когда всадникъ, имѣя сырое мясо подъ сѣдломъ, спалъ и ѣлъ, не сходя съ коня и какъ-бы съ нимъ срастааясь.

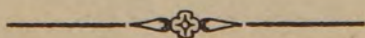
И такъ, вотъ наличіе духовныхъ и физическихъ качествъ. Что касается численности, то число милліоновъ будетъ *no more you*. Экипированіе этой огромной арміи не представитъ большихъ затрудненій. Не нужно и обращаться за границу: они найдутъ дома изобильный матеріаль и рабочихъ быстро подготовленныхъ. И средства къ созданію флота неисчислимы въ Китаѣ.

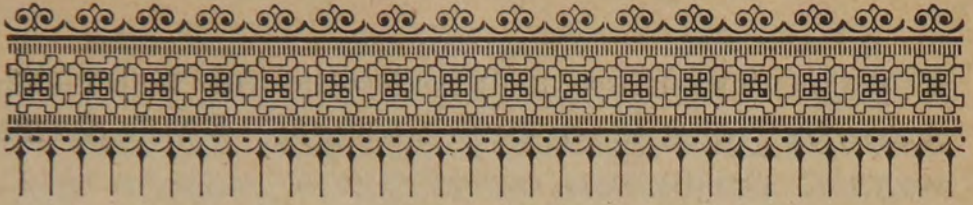
Не говоря объ обширности береговъ съ населеніемъ закаленнымъ въ морской жизни,—большія рѣки имперіи и необозримыя внутреннія озера, покрытыя милліонами рыбаковъ дадутъ контингентъ для рекрутированія превосходныхъ моряковъ. Мы, морскіе офицеры, плавая въ китайскихъ водахъ, всегда изумлялись ловкости рыбаковъ, презирающихъ бурю

и управляющихся виртуозно на плохихъ джонкахъ, среди огромныхъ бѣшеныхъ волнъ, готовыхъ ежеминутно ихъ залить. Когда эскадра Е. И. В. Наслѣдника Цесаревича шла въ Китайскомъ морѣ, то она встрѣтила продолжительный туманъ, что не помѣшало китайскимъ конвоирамъ не только не растеряться, но сохранить мѣста, ко всеобщему удивленію. Они по чутью знали свое мѣсто.

Я не расположенъ пугать васъ фантастической картиной необозримыхъ армій, спускающихся съ плоскогорій возвышенной Азіи, какъ во времена Чингиз-хана, этого кошмара міровой исторіи. Я самъ не увѣренъ въ томъ, что это можетъ осуществиться. Но когда вглядываешься въ эту имперію 350-ти милліоновъ, полную явныхъ и скрытыхъ богатствъ, невольно рисуется фигура императора съ желѣзной волей, съ печатью воинственнаго генія и административнаго дара, который-бы совмѣстилъ въ себѣ все, что еще осталось жизненнаго и могучаго въ этой дряхлой націи и тогда...

Тогда опять Chi-lo-sa, какъ говорятъ итальянцы.

ГЛАВА II.

Терпѣніе и настойчивость китайцевъ.

Существуетъ забавная исторія объ одномъ арабѣ, у котораго украли чалму. Лишившись такой необходимой части гардероба, пострадавшій отправился къ ограждѣ кладбища своего племени и усѣлся у ея входа.

Когда встрѣчные освѣдомились, зачѣмъ онъ тутъ сидитъ, а не розыскиваетъ вора, арабъ невозмутимо далъ слѣдующій, по истинѣ *восточный* отвѣтъ:

— Въ концѣ концовъ онъ придетъ сюда!

Эту исторію мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать эпиграфомъ къ настоящей главѣ о терпѣливости сыновъ Неба.

Не только отдѣльные люди, но и само правительство Китая терпѣливо въ подобномъ родѣ.

Да вотъ и примѣръ.

Долгое и блестящее царствованіе императора Канг-си (1662—1723) сдѣлало

имя его популярнѣйшимъ въ ряду китайскихъ монарховъ. Однако и въ его правленіе приключилась бѣда.

Знаменитый китайскій пиратъ Чин-чин-кунгъ до такой степени сталъ опустошать берега Кван-тунга и Фу-кіена, что всѣ императорскіе корабли (военныя джонки) были посланы для усмиренія.

Но весь флотъ оказался безсиленъ въ борьбѣ съ пиратомъ.

Тогда чудовищный указъ былъ изданъ императоромъ; подобнаго указа не запомнитъ всемірная исторія.

Всѣ жители побережья огромныхъ провинцій приглашались опустошить до тла собственную территорію и, покинувъ ее, перейти для жительства внутрь страны, за 30 ли (верстъ) отъ берега моря.

Этотъ изумительный приказъ былъ буквально исполненъ, несмотря на всѣ бѣдствія и колоссальную нищету, сопряженныя съ его выполненіемъ.

Разбойникъ Чин-чин-тунгъ вынужденъ былъ отвлечь свою дѣятельность отъ означенныхъ береговъ и устремилъ ее на островъ Формозу. Здѣсь за вредъ, нанесенный имъ голландцамъ, онъ былъ произведенъ въ адмиралы и это усмирило его окончательно.

Не правда-ли, читатель, что правительство, способное придумать и осуществить такое сказочное предприятие, могло-бы создать, по крайней мѣрѣ, столь могучій флотъ, чтобы противустоять морскому разбойнику?

Но вотъ еще примѣръ. Этотъ еще на памяти многихъ европейскихъ жителей Китая.

Въ 1873 г. генераль Цзо-цзунгъ-тангъ былъ командированъ императоромъ для усмиренія мусульманскаго мятежа, охватившаго весь средне-азіятскій районъ имперіи.

Европейскія газеты въ то время относились весьма скептически къ благопріятному исходу миссіи Цзо-цзун-танга и лукаво подсмѣивались надъ незначительностью государственныхъ суммъ, ассигнованныхъ для этой цѣли.

Но вотъ что сдѣлалъ генераль Цзо-цзун-тангъ.

По прибытіи въ мятежный край, онъ раздѣлилъ свою армію на двѣ части и двумя параллельными колоннами пошелъ по обѣимъ возвышеннымъ сторонамъ Тянь-Шаня. Когда войско вступало въ край, гдѣ припасовъ не хватало—оно располагалось здѣсь настоящимъ земледѣльческимъ лагеремъ въ теченіи всего хлѣбнаго сезона. Собравъ жатву, оно двига-

лось далѣе, до необходимости новыхъ по-сѣвовъ.

Каррикатурные листки европейской прессы осыпали самыми ядовитыми на-смѣшками эту „земледѣльческую“ армію, но это не помѣшало настойчивому гене-ралу выполнить самымъ блестящимъ об-разомъ возложенное на него порученіе, при минимумѣ государственныхъ издер-жекъ.

Качество, именуемое терпѣніемъ, обу-словливаетъ способность безропотно ждать и терпѣть, т. е. переносить безъ жалобъ приключившуюся бѣду. Кто-то сказалъ, что лучшій способъ узнать характеръ даннаго человѣка—это наблюдать за нимъ, когда онъ прозябъ, промокъ или голо-денъ. Если результатъ окажется удовле-творительнымъ, то „согрѣйте его, просу-шите, накормите,—и получится ангелъ“. Вы, можетъ быть, согласитесь, что съ инымъ цивилизованнымъ господиномъ, непообѣдавшимъ день случайно,—опас-нѣе встрѣтиться, чѣмъ съ инымъ лютымъ звѣремъ. Я зналъ одну барыню, которая, до обычнаго принятія утренняго кофе, сама признавала себя свирѣпой.

Съ небольшимъ преувеличеніемъ мож-но выразиться, что при всей нашей ци-вилизациі мы можемъ быть „рабами же-лудка“.

А между тѣмъ, въ шанхайской газетѣ, Смитъ разсказалъ слѣдующее поучительное происшествіе :

Полтораستا китайцевъ были приглашены на пиршество, для чего большинство изъ нихъ должно было для этого пройти много миль. Прибывъ на мѣсто, они уже ласкали себя пріятной мечтой сѣсть за столъ въ 10 часовъ утра (обычное время для начала банкетовъ, передъ которыми китайцы ничего не ѣдятъ съ утра). Но судьба распорядилась иначе, и обстоятельства неожиданно сложились такъ, что не только имъ не пришлось принять участіе въ ѣдѣ, но еще и стать услужающими при ѣдѣ другихъ, внезапно пріѣхавшихъ именитыхъ гостей.

Не успѣлъ окончиться долгій мандаринскій обѣдъ, какъ новое стеченіе обстоятельствъ, также непредвидѣнное, не допустило вторично злополучнымъ посѣтителемъ начать пиръ.

Будь на ихъ мѣстѣ европейцы, какъ вы думаете—сколько-бы тутъ было ядовитыхъ сарказмовъ, злобныхъ минъ, самыхъ бѣшеныхъ негодованій, сколько писемъ „милостивымъ государямъ“ и проч. и проч. Наши-же полтораستا китайцевъ не выказали не только злобы, но и тѣни огорченія ; съ самымъ милымъ и привѣтливымъ видомъ они прислуживали заняв-

шимъ ихъ мѣста визитерамъ, любезно угощая ихъ и увѣряя, что подождать существіе пустяки и самое естественное дѣло.

Будьте увѣрены, что китаецъ не стоикъ и нисколько не похожъ въ этомъ отношеніи на Сѣверо-Американскаго индѣйца. У него и нервы не иные, чѣмъ у насъ. Онъ по-просту переноситъ свои непріятности съ твердостью и съ терпѣніемъ.

Одинъ китаецъ, повредивъ себѣ оба глаза, обратился къ англійскому врачу за совѣтомъ, сказавъ, что если зрѣнія вернуть нельзя, то онъ болѣе не будетъ беспокоиться. Врачъ, по осмотрѣ, сообщилъ, что зрѣніе потеряно безвозвратно.

— По крайней мѣрѣ, я теперь спокоенъ, отвѣтилъ пациентъ.

И это не было тѣмъ, что мы зовемъ смиреніемъ, еще менѣе было это апатіей отчаянія; это было только тѣмъ качествомъ, которое помогаетъ намъ „нести крестъ жизни“.

Ничего не можетъ быть страшнѣе и базнадежнѣе китайской тяжбы. Она продолжается иногда чуть-ли не всю жизнь и можетъ распространяться не только на землю, домъ и капиталъ, но порой и на самую жену китайца. Одинъ миссіонеръ выразилъ участіе китайцу, находившемуся въ подобномъ положеніи.

— Не стоитъ говорить, отвѣтилъ тотъ спокойно, — конечно хлопотъ и смуть еще много впереди, но лѣтъ черезъ десять мое дѣло уже начнетъ выясняться.

Въ особенности ярко бросается въ глаза терпѣніе китайцевъ въ эпохи такихъ бѣдствій, какъ наводненія, засухи и постоянные неурожаи, то въ одномъ, то въ другомъ краю имперіи.

Память объ ужасныхъ страданіяхъ во время неслыханныхъ голодовокъ 77—78 гг. не скоро изгладится изъ памяти очевидцевъ. Несчетное множество милліоновъ людей пало жертвой.

Наводненіе отъ разлива Желтой рѣки и отъ послѣдовавшаго за нимъ измѣненія ея русла, — причинило такія бѣдствія, описать которыя отказывается перо.

Тысячи селъ и городовъ были внезапно уничтожены, и черноземныя поля скрылись подъ аршиномъ наноснаго песка. Бесчисленныя толпы раззоренныхъ семей пустились по міру.

Такіе элементы въ нашихъ цивилизованныхъ государствахъ всегда тревожатъ правительства. Самохраненіе — законъ природы, а кто безъ вины осужденъ на голодную смерть не всегда преодолѣетъ соблазнъ кинуться на имущаго, тѣмъ болѣе, что самая лучшая организація помощи можетъ стать безсильной

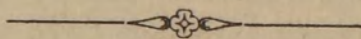
при бѣдствіяхъ, о которыхъ мы говоримъ. Въ этихъ случаяхъ со стороны китайскаго правительства ничего не дѣлается для пострадавшихъ милліоновъ. Ихъ не накормятъ, имъ не выстроятъ домовъ, имъ не отведутъ новыхъ земель, съ нихъ даже не снимутъ и налоговъ; развѣ лишь сдѣлаютъ послѣднее послѣ отчаяннаго рапорта мѣстнаго мандарина, что „изъ ничего, ничего не получишь“.

Для западнаго европейца, привыкшаго къ мятежному крику „хлѣба или смерть!“ непонятно зрѣлище этой блуждающей толпы, безъ крова и пищи. Что же сдерживаетъ ее отъ нападеній? А вотъ что: европейскіе подстрекатели всегда получали неизмѣнный отвѣтъ „нодэръ“ — „не смѣемъ“. Напрасно пытались увѣрить ихъ, что смерть та-же отъ голода, или въ тюрьмѣ, а шансъ на успѣхъ можетъ быть на лицо. „Не смѣемъ“ — вотъ единственный и всеобщій отвѣтъ. И звучитъ въ этомъ отвѣтѣ не одинъ страхъ, но и еще что-то великое, вѣчное и непобѣдимо прекрасное.

Да, бѣдный, раззоренный монголецъ! ты не услышишь этого одобренія на своей далекой землѣ... Наводненіе не вѣчно и если судьба спасла тебя отъ смерти, ты вернешься съ лопатой въ рукѣ къ своему участку, покрытому жидкой или-

стой грязью. Улыбнется еще разъ судьба и опять завоюешь себѣ трудной цѣной разбитое благополучіе.

А безропотное терпѣніе твое не пройдетъ безслѣдно,—и миллионы братьевъ твоихъ, не посмѣвшихъ возстать на правительство, когда смерть смотрѣла имъ прямо въ лицо,—не исчезнутъ безслѣдно для судьбы китайскаго государства. Въ нихъ вся надежда и все примиреніе; въ нихъ залогъ великаго будущаго, когда *чайный цвѣтокъ разцвѣтетъ!*

ГЛАВА III.

Тайны медицины въ Китаѣ. — Болѣзнь и смерть.

Въ Китаѣ доктора въ то-же время и аптекари; предписывая лекарства, они же и продаютъ ихъ. Очень естественно, что исполненіе этихъ двухъ обязанностей можетъ вызвать злоупотребленія. Китайскій врачъ всегда склоненъ предписать дорогой медикаментъ, а иногда даже и продлить болѣзнь, имѣя въ виду доставить аптекъ больше дохода. Невѣроятное количество аптекарскихъ товаровъ, входящихъ въ составъ китайскихъ лекарствъ, поражаетъ и объясняется именно вышеприведеннымъ совмѣстительствомъ. Боязнь быть раззореннымъ алчностью врачей породила очень странный обычай, характерный для китайцевъ. Докторъ и паціентъ пускаются въ длинное преніе о достоинствѣ и цѣнѣ предписанныхъ лекарствъ. Родственники принимаютъ участіе въ этой странной торговлѣ; просятъ лекарствъ подешевле. Нѣкоторые медикаменты прямо вычерки-

ваются изъ экономіи. Дѣйствительность леченія можетъ стать сомнительной и затянута, но ничего! паціентъ рискнетъ и потерпитъ. Кромѣ того, паціенты надѣются, что увеличенная доза оставшагося лекарства поможетъ дѣлу. Оно, пожалуй, и вѣрно; то или другое средство вы примете, больше или меньше проглотите черной жидкости,—ни теплѣе, ни холоднѣе не будетъ. Медикъ послѣ долгихъ споровъ всегда уступаетъ, вполнѣ сознавая, что упрямяся онъ, и паціентъ пойдетъ въ другую лавочку. Иногда происходятъ при этомъ поразительныя сцены въ чисто китайскомъ духѣ. Медикъ-аптекарь объявляетъ самымъ положительнымъ образомъ свое послѣднее слово, именно: для выздоровленія, паціентъ долженъ принимать такое-то средство, столько-то дней. Собирается семейный совѣтъ. Вопросъ жизни и смерти обсуждается холодно, въ присутствіи больного. Разсуждаютъ такъ: не лучше-ли, въ виду престарѣлости или безнадёжности паціента, предоставить болѣзнь естественному ходу. Обсудивъ общую сумму расходовъ по леченію, паціентъ часто и самъ высказываетъ свое мнѣніе о томъ, напр., что ужъ не лучше-ли съэкономить эти деньги на лучшій гробъ; разъ ужъ смерти рано или поздно не миновать,—можно и отказаться отъ

нѣсколькихъ дней жизни. Въ результатѣ экономя и почетное погребеніе. Съ этой нѣжной и утѣшительной перспективой медика отсылаютъ и посылаютъ за гробовщикомъ...

Въ Китаѣ не менѣе болѣзней, чѣмъ въ другихъ странахъ; однако, большой смертности не существуетъ, и многомилліонное населеніе — на лицо, подтверждая, что и здѣсь умѣютъ сохранить человѣческую жизнь. Китайцы, подобно западнымъ народамъ не нашли эликсира безсмертія, хотя искали его много вѣковъ, доводя эту слабость до крайности. Все же живутъ они не меньше насъ, и восьмидесятилѣтніе у нихъ не въ диковинку. Я не думаю завидовать эмпирической медицинѣ Китая, но полагаю, что есть и въ ней кое-что хорошее. Вы увидите тамъ зачастую большой успѣхъ въ леченіи такихъ болѣзней, которыя-бы сбили съ толку нашу прославленную науку. Почти каждый миссіонеръ бывалъ очевидцемъ такихъ случаевъ, которые вызвали въ немъ изумленіе и восторгъ. Разъ врачъ сумѣлъ исцѣлить радикально трудную и опасную болѣзнь — не можетъ быть мѣста осмѣянію употребленныхъ имъ средствъ. Пациентъ выздоровѣлъ, и ужъ, конечно, каждый предпочтетъ выздороветь, хотя-бы и отъ глупа-

го леченія, чѣмъ умереть по всѣмъ правиламъ науки. Китай знаетъ болѣзни, неизвѣстныя нигдѣ болѣе и не имѣлъ нѣкоторыхъ общеизвѣстныхъ у насъ. Но есть и много общихъ болѣзней, леченіе которыхъ производится и тамъ и здѣсь почти съ тѣми-же трудностями. Напримеръ, чахотка признается неизлечимой всѣми китайскими врачами. То-же съ холерой, повидимому, впервые возникшей въ Китаѣ. Вотъ интересныя подробности перваго появленія ужаснаго бича, слышанныя отъ множества очевидцевъ въ провинціи Шан-тунгъ. Эта легенда очень подозрительна и только единогласные рассказы о ней побуждаютъ меня остановиться на ней на минуту вниманіе читателя. Въ 1820 г. обширные красноватые пары остановились однажды надъ всей поверхностью Желтаго моря. Этотъ необычайный феноменъ впервые былъ замѣченъ обитателями приморской провинціи Шан-тунгъ. Эти пары, въ началѣ рѣдкіе, увеличивались и сгущались незамѣтно, поднимаясь постепенно надъ водами Желтаго моря и образовали, наконецъ, необозримую красную тучу, нависшую и нѣсколько часовъ колебавшуюся въ воздухѣ. Паника охватила населеніе; обратились къ священникамъ. Было сожжено много заколдованной бумаги; были про-

цессии Великаго Дракона, гнѣву котораго приписали это явленіе. Прибѣгли, наконецъ, къ крайнему средству. Толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей бѣгали по берегу и производили адскій шумъ, ударяя въ гонги, там-тамы и сопровождая все это неистовыми воплями. Пока шангтунцы пытались заклинаніями удалить зло, которое каждый смутно предчувствовалъ, — внезапно поднялся сильный вѣтеръ; туча, приведенная сперва во вращеніе, раздѣлилась на большіе столбы, которые понеслись къ землѣ. Красноватые пары, извиваясь между холмами, наполнили долины, деревни и города. На другой-же день всюду, гдѣ они побывали, люди умерли въ страшныхъ мученіяхъ. Медики напрасно перелистывали свои книги, разыскивая средства противъ этого новаго зла, поражавшаго, какъ молнія, бѣдняковъ и богачей, молодежь и стариковъ. По всему, что китайцы рассказали объ этой эпидеміи, медики заключили, что это видъ холеры morbis. Она опустошила сперва провинцію Шантунгъ и распространилась затѣмъ къ Пекину, поражая многолюдные центры. Оттуда холера, миновавъ великую стѣну, распространилась по Монголіи. Очень вѣроятно, что она слѣдовала путемъ каравановъ до русской станціи Кяхта, и

что затѣмъ, *via* Сибирь, достигла Россіи и Польши, откуда устремилаь во Францію послѣ революціи 1830 г., ровно чрезъ десять лѣтъ послѣ своего *soi disant* зарожденія надъ водами Желтаго моря. Въ Китаѣ каждый практикуеть медицину, безъ вмѣшательства правительства. Предполагается, что люди такъ живо заинтересованы въ своемъ здоровьѣ, что не станутъ обращаться къ недостойному врачу. Достаточно прочесть нѣсколько сборниковъ рецептовъ и изучить номенклатуру медикаментовъ—и китаецъ уже можетъ приступить къ практикѣ. Медицина—это благодатный уголокъ для могочисленныхъ бакалавровъ, не выдержавшихъ государственныхъ экзаменовъ. Китай кишить медиками. Положеніе ихъ не такъ блистательно, какъ у насъ и далеко не прибыльно. Визитной платы не существуетъ; лекарства дешевы и отпускаются въ кредитъ, медикъ можетъ рассчитывать лишь на третью дохода. Кромѣ того, почти принято вовсе не платить за лекарства, не оказавшія пользы. Но въ особенности грустно и жалко положеніе врача, когда онъ долженъ скрываться или бѣжать, чтобы избѣжать тюрьмы, штрафа, бамбуковыхъ палокъ, а иногда и худшаго. Это можетъ случиться, если, обѣщавъ вылечить паціента, онъ допуститъ его уме-

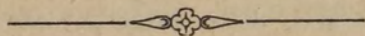
реть. Родственники возбуждаютъ процессъ и благоразумнѣйшій исходъ — бѣгство.

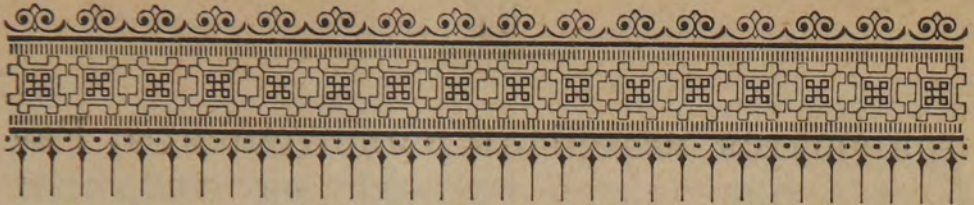
Я позволю себѣ прочесть 297 ст. „уложенія о наказ.“ въ Китаѣ.

...„Когда тѣ, кто практикуютъ медицину или хирургию, плохо ихъ зная, — предпишутъ лекарство или совершатъ операцію, слѣдствіемъ чего произойдетъ смерть паціента, то судьи призовутъ свѣдущихъ людей для разслѣдованія. Если обнаружится, что вина ихъ состояла въ ошибкѣ, безъ намѣренія повредить, то медикъ или хирургъ можетъ откупиться отъ наказанія за убійство, сообразно правиламъ, установленнымъ за убіеніе по нечаянности. Но они должны навсегда отказаться отъ своихъ занятій“. Китайскіе доктора — всегда спеціалисты; есть медики, лѣчащіе спеціально заболѣванія отъ холода, другіе — отъ тепла. Одни практикуютъ акупунктуру (накалываніе), другіе спеціально костоправы. Существуютъ врачи дѣтскихъ, женскихъ и даже старческихъ болѣзней. Есть такъ называемые „кровососатели“, живыя банки, высасывающіе нарывы и опухоли. Леченіемъ глазъ, ушей и ногъ завѣдуютъ спеціально цирюльники. Говоря о болѣзняхъ, коснемся еще одной мрачной детали — о китайскихъ гробахъ. Во всѣхъ странахъ

міра воздерживаются даже и упоминать о такой мрачной вещи, но у китайцевъ гробъ—это *article de luxe*, украшеніе. Стоитъ посмотрѣть съ какимъ щегольствомъ и элегантностью выставляются они на показъ въ великолѣпныхъ магазинахъ; съ какимъ тщаніемъ ихъ лакируютъ и полируютъ для приманки покупателей. Зажиточные люди не упускаютъ случая озаботиться заранѣе пріобрѣтеніемъ гроба по ихъ вкусу. До момента его дѣйствительнаго примѣненія, онъ ласкаетъ взоръ посѣтителей комнаты и составляетъ видную часть мебелировки. Благовоспитанные дѣти не упускаютъ случая покупкой гроба выразить всю ихъ любовь къ родителямъ. Для сыновняго сердца сладко и утѣшительно купить гробъ для стараго отца или матери и поднести его неожиданно, какъ пріятный сюрпризъ. Къ постели безнадежно больного часто приставляютъ гробъ, дабы онъ имѣлъ наслажденіе полюбоваться на послѣднее жилище. Въ деревняхъ, гдѣ готоваго гроба въ этихъ случаяхъ не купишь, посылаютъ за столяромъ, который снимаетъ мѣрку съ больного, причемъ его заботливо предупреждаютъ, чтобы онъ имѣлъ въ виду нѣкоторый запасъ, такъ какъ по смерти человѣкъ удлиняется. Когда обо всемъ и, главное, о цѣнѣ переговорили,

приносятся матеріалы и инструменты. Работа производится тутъ-же на дворѣ, и если умирающій не можетъ ея видѣть, то онъ слышитъ глухой визгъ распиливаемыхъ досокъ въ то самое время, когда и смерть работаетъ надъ прекращеніемъ его жизни.

ГЛАВА IV.

Живучесть китайской расы.

Я уже имѣлъ случай упомянуть объ избыткѣ народонаселенія Китая. И Японія производитъ впечатлѣніе страшно населенной, но ни въ абсолютномъ, ни въ относительномъ смыслахъ, — густота ея населенія не можетъ сравниться съ китайской. Въ этомъ отношеніи Небесную Имперію можно сопоставить лишь съ Индіей. Но индійскія народности, а равно и нарѣчія ихъ чрезвычайно разнообразны, тогда какъ они же въ предѣлахъ Китая (минуя несущественныя различія) отмѣчены печатью глубокаго единства.

Густота китайскаго населенія поразительна и бросается въ глаза, въ какую бы часть страны вы ни попали. Тамъ же, гдѣ оно и рѣдко, могущественныя причины всегда на лицо.

Ужасныя послѣдствія возстанія Тайпинговъ, мусульманскій мятежь и неслы-

ханские неурожаи 1877—1878 годовъ, поразившіе пять провинцій, уменьшили численность дѣтей Неба на много милліоновъ. Замѣтите, читатель, что бѣдствія отъ войнъ сильнѣе опустошаютъ Китай, нежели европейскія государства, такъ какъ китаецъ неохотно покидаетъ могилу предковъ для иной чуждой страны.

И однако вы невольно проникаетесь мыслью, что какъ ни огромно опустошеніе,—возрождающая способность еще огромнѣе. Крошечный періодъ мира, немного урожайныхъ лѣтъ и самая истощенная провинція восстанавливается съ волшебной быстротой. Если бы я хотѣлъ нарисовать вамъ картинку изъ китайской жизни, то пришлось бы непременно изобразить массу дѣтей. Толпы ихъ просто наводняютъ города и деревни. Ихъ такъ много, читатель, что втупикъ становишься: какъ могутъ они влачить свое многомилліонное существованіе при угнетающей нищетѣ, царящей въ Срединномъ Цвѣткѣ?

Единственно постоянный и могучій врагъ возрастанія населенія—это опіумъ, врагъ для китайцевъ болѣе смертельный, нежели война, неурожаи, эпидеміи.

Для уразумѣнія плодovitости китайской расы въ сравнительномъ отношеніи недостаточно констатировать одну цифру

численности, хотя цифра четырехсотъ пятидесяти милліоновъ колоссальна. Важно уяснить себѣ быстроту возрастанія. Не имѣя подъ рукою раціональной статистики, намъ придется опираться на общіе выводы, за то вполне убѣдительные.

Китайцы женятся очень рано, и желаніе потомства, послѣ стремленія къ наживѣ, является у нихъ господствующимъ. Сравните ростъ населенія Китая, хотя, на примѣръ, съ Франціей, гдѣ четырехлѣтній статистическій отчетъ показалъ убыль въ семидесяти трехъ департаментахъ. Такой фактъ вызвалъ серьезныя опасенія за будущность великой страны. Первою заповѣдью Господней было—плодиться, размножаться и населять землю. Къмъ то замѣчено, что это—„единственная заповѣдь, которой вездѣ и всегда слѣдовали“. Въ особенности безупреченъ былъ въ этомъ отношеніи Китай. Китайская Имперія растянулась на много широтъ и долготъ, включивъ въ себя все разнообразіе почвы и климата.

Жители ея равно процвѣтаютъ и въ подтропической и въ подъ-арктической областяхъ. Приспособляемость китайцевъ къ жизненнымъ условіямъ вездѣ поразительна и нѣкоторыя различія въ населеніяхъ диктуются лишь географической широтой.

Уйдетъ ли китаецъ изъ своего роднаго Квантунга или Фу-кіена въ Индію, Бирму, Сіамъ, Полинезію, Австралію, Соединенные Штаты, Вестъ-Индію, Центральную Аѳрику, Чили, Перу и проч., — всюду сживается онъ, при колоссальномъ успѣхѣ, съ самыми противоположными условіями климата и среды. Всюду вырастаетъ передъ вашими удивленными глазами изумительный типъ энергичнаго работника, готоваго на всѣ лишенія ради „мудрой экономіи“ и связаннаго со своими собратьями узами такой солидарности, что „вытѣснить долой китайскаго пришельца“ — становится вопросомъ встревоженной конкуренціи.

Намъ кажется, что для всего *не китайскаго* человѣчества должно быть отраднымъ и успокоительнымъ то обстоятельство, что китайская эмиграція не производится въ широкихъ, массовыхъ размѣрахъ. Поднимись въ этихъ милліонныхъ толпахъ былое, нынѣ угасшее, тяготѣніе къ западу, — и трудно предсказать нашу судьбу, а также и судьбу изреченія: „одни лучшіе выживаютъ“. Полное отсутствіе статистики не даетъ намъ права говорить о частныхъ проявленіяхъ китайской живучести. Безъ сомнѣнія, стариковъ въ Китаѣ очень много; ихъ необыкновенно почитаютъ и преклонный

возрасть признается добродѣтелью, высшимъ благополучіемъ жизни.

Судя по могильнымъ надписямъ, ведущимся точно и аккуратно, долговѣчность китайцевъ очень значительна. Столѣтній возрастъ не вызываетъ тамъ удивленія, а глубокими стариками хоть пруди пруди*). Если вникнуть въ ненормальныя, нищенскія условія жизни большинства неимущаго народа, то на такое долголѣтіе нельзя не смотрѣть, какъ на чудо.

Извѣстно, что на западѣ въ теченіе послѣдняго вѣка средняя продолжительность возрастаетъ. Причины заключаются въ успѣхахъ медицины, въ сосредоточеніи общественнаго вниманія на борьбѣ съ эпидеміями и законахъ гигіены.

Примите же въ расчетъ, читатель, что санитарное дѣло въ Китаѣ врядъ ли подвинулось съ Колумбовыхъ временъ; дайте китайцамъ то, что принято у насъ за послѣдніе полвѣка, и долголѣтіе сыновъ Неба превзойдетъ всякія догадки.

Полное незнаніе законовъ гигіены характеризируетъ китайцевъ, а презрѣніе ихъ къ существующимъ санитарнымъ

*) Замѣчательно, что со столѣтнимъ возрастомъ у китайцевъ сопряженъ какой-то предразсудокъ; замѣчено, что многія лица по многу лѣтъ приписываютъ себѣ 99-ти-лѣтній возрастъ.

мѣрамъ хорошо извѣстно нашимъ морскимъ врачамъ, побывавшимъ въ Фу-чау, Амоѣ, Нингпо, Сватау, Шанхаѣ, Гонгъ-Конгѣ и проч. Для иностранцевъ представляется загадкой, какъ это, при такомъ невѣдѣніи и презрѣніи, не вымретъ весь китайскій народъ цѣликомъ? Хотя милліоны умираютъ тамъ ежегодно отъ вполне излечимыхъ недуговъ, но тотъ фактъ, что цифра ихъ не безконечна, говоритъ о чудесной способности китайцевъ противустоять болѣзнямъ и ихъ переживать. Мы уже не разъ съ грустью ссылались на скудость статистики, но данныя, получаемыя изъ отчетовъ европейскихъ госпиталей, клиникъ и лечебницъ, ежегодно умножающихся въ Китаѣ, свидѣтельствуютъ краснорѣчиво о колоссальной, небывалой живучести китайцевъ. Иллюстраціей къ этому масса, и собрать ихъ было бы цѣннымъ трудомъ.

Въ 1878 году кучеръ китаецъ, служившій въ одномъ англійскомъ семействѣ, заболѣлъ тифозной горячкой. На тринадцатый день, когда болѣзнь уже достигала смертельнаго кризиса, съ нимъ приключился припадокъ, при которомъ онъ обнаружилъ неимовѣрную физическую силу. Трое лакеевъ едва могли съ нимъ справиться и, наконецъ, бунтующій пациентъ былъ крѣпко привязанъ къ

кровати. Что же случилось? Ночью ему удалось оборвать свои узы и онъ убѣжалъ изъ дома, совершенно нагимъ (въ 3 часа утра). Утромъ стали его разыскивать и, наконецъ, нашли за высокою стѣной, отдѣлявшей манджурскій районъ Пекина отъ китайскаго. На эту стѣну онъ взобрался по дереву и оттуда прыгнулъ или упалъ; отсюда онъ добрался до водянаго рва, и здѣсь нашли его черезъ нѣсколько часовъ съ головой, зажатой въ желѣзной рѣшеткѣ, охранявшей входъ къ подземному стоку воды. Еще находясь въ бреду, онъ мечталъ объ этомъ мѣстѣ для охлажденія пожиравшаго его жара. Его немедленно уложили въ постель, а на другой день горячка прошла и хотя смѣнилась ревматизмомъ, но полное выздоровленіе наступило вскорѣ для этого замѣчательнаго субъекта.

Нѣкій тьяндзинецъ, тридцати лѣтъ отъ роду, снискивалъ себѣ пропитаніе, собирая гранаты въ районѣ учебной артиллерійской стрѣльбы китайскихъ войскъ. Однажды, пробуя разрядить найденный имъ снарядъ, онъ вызвалъ взрывъ, повредившій ему лѣвую ногу.

Его отнесли въ госпиталь и тамъ совершили ампутацію ниже колѣна. Повидимому, это не излѣчило нашего китайца отъ столь опаснаго промысла; онъ вер

нулся къ нему и черезъ шесть мѣсяцевъ, при тѣхъ же обстоятельствахъ, послѣдоваль вторичный взрывъ, оторвавшій ему лѣвую руку на два дюйма отъ кисти, оставивъ рваную рану. Верхняя часть правой руки была сильно обожжена порохомъ. Верхняя губа разорвана, равно какъ и носъ; осколками изранило правый глазъ, щеку и переднюю часть покрововъ черепа, а также правую кисть. Глубокій порѣзъ обнажилъ берцовую кость. Въ теченіе четырехъ часовъ несчастный лежалъ въ полусознательномъ состояніи, палимый знойными лучами солнца. Проходившій мандаринъ, нанявъ двухъ носильщиковъ, приказалъ имъ отнести его въ больницу; но, пройдя двѣ мили, они бросили его въ ровъ. Здѣсь, придя въ себя, онъ выкарабкался и въ полномъ изнеможеніи поползъ до какой-то лавки; найдя корзинку съ мясомъ, онъ опрокинулъ ее на себя. Чтобы избавиться отъ него, лавочники отнесли его въ корзинѣ къ госпитальнымъ воротамъ и тамъ бросили. Тутъ бы, кажется, ему и конецъ, но живучесть китайца превозмогла, хотя онъ былъ куритель опія, а это очень обезсиливаетъ организмъ. Черезъ четыре недѣли онъ вышелъ изъ госпиталя здоровымъ.

Заключаю главу.

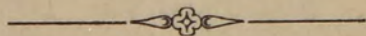
Два собесѣдника толковали о пользѣ и вредѣ куренія табака. Одинъ изъ нихъ, въ защиту куренія, ссылался на своего дѣда, яраго курильщика, прожившаго семьдесятъ лѣтъ въ полномъ здоровьѣ.

— Будьте благонадежны, — замѣтилъ противникъ, — не кури вашъ дѣдъ табаку, онъ бы прожилъ и весемьдесятъ.

Повѣрьте, любезный читатель, вдохнуть бы только въ Китай побольше свѣту, внести въ его ветхое устройство оздоравлиющія реформы современной гигіены, — и вы не узнаете Китая!

А задатковъ-то у него сколько!

И не будетъ онъ тогда валяться негоднымъ булыжникомъ на заброшенномъ дворѣ, а станетъ мощнымъ камнемъ, прямо во главу угла того зданія, имя котораго — цивилизація.

ГЛАВА V.

Женщина въ стѣнахъ Небесной Имперіи.

„Положеніе женщины
опредѣляетъ культуру
страны“.

Однажды, гуляя въ окрестностяхъ громаднаго южно-китайскаго города Фу-чау-фу, я замѣтилъ у одного пруда каменную плиту съ іероглифической надписью; по моей просьбѣ, китаецъ-проводникъ перевелъ ее; она гласила: *„въ этомъ прудѣ запрещается топить дѣвочекъ“*. Вотъ и все, но именно эта простота и привела меня въ ужасъ... Я сталъ тщательно собирать свѣдѣнія о положеніи женщины въ Китаѣ и тогда-же замѣтилъ отсутствіе обстоятельныхъ данныхъ по этому вопросу на русскомъ языкѣ. По возвращеніи изъ плаванія, я помѣстилъ въ южно-русской прессѣ замѣтки о положеніи китаянокъ; перепечатываніе этихъ замѣтокъ и интересъ, вызванный ими, доказалъ новизну сообщенныхъ фактовъ, и

теперь, говоря объ особенностяхъ китайскаго народнаго духа, я остановлюсь подробнѣе на этой важной сторонѣ китайской жизни. Для тѣхъ, кто случайно помнитъ мои прошедшія писанія по этому предмету, небезполезно будетъ освѣжить въ памяти нѣсколько свѣдѣній о томъ, какъ живетъ женщинѣ въ странѣ, гдѣ жителей вчетверо больше, чѣмъ въ Россіи.

Всѣмъ извѣстно до какой степени поклоненіе предкамъ царитъ въ Китаѣ. Имена ихъ, записанныя на особыхъ дощечкахъ, хранятся въ почетномъ залѣ; имъ воздають здѣсь почести по особымъ днямъ и въ общемъ семейномъ собраніи читаются ихъ біографіи. Передъ ними совершаютъ возліянія и разливается фиміамъ курительныхъ свѣчъ; ихъ посвящаютъ во всѣ важные и торжественные случаи семейной жизни. Въ случаѣ награжденія китаецъ титуломъ, правительство распространяетъ его не на потомство, какъ у насъ, но на предковъ, полагая, что достойны награды тѣ, изъ чьего рода произошелъ отличившійся, а не потомство, о которомъ заранѣе ничего не можетъ быть сказано.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что каждый китаецъ желаетъ, во что-бы то ни стало, имѣть потомство; только при этомъ единственномъ условіи, онъ можетъ раз-

считывать, что и ему по смерти будутъ воздаваться всѣ должныя почести.

Оттого-то такъ рано женятся въ Китаѣ, и довольно часто вы встрѣтите тамъ 36-тилѣтняго дѣда. Но условіемъ продолженія рода является необходимость имѣть сына.

„Лучше самый дурной сынъ, чѣмъ геніальная дочь!“ — говоритъ китайская поговорка. Появленіе на свѣтъ сына оставлено въ Китаѣ большими празднествами; его привѣтствуетъ съ восторгомъ вся семья. За то одно лишь горькое разочарованіе и озлобленіе встрѣчаетъ родившуюся дочь. При бѣдности, отъ такой теоріи одинъ шагъ до дѣтоубійства, и оно практикуется въ Китаѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; главнымъ-же образомъ, это зло царитъ въ южномъ Китаѣ, гдѣ оно до такой степени пустило корни, что правительственныя мѣры совершенно безрезультатны. Есть и еще мѣры для устраненія дѣвочекъ отъ семьи; въ томъ-же южномъ Китаѣ торговля дѣвочками очень распространена. Дѣвочекъ продаютъ всѣхъ возрастовъ, начиная съ самаго дѣтства, и трудно изобразить въ достаточно мрачныхъ краскахъ ея участь послѣ продажи; она поступаетъ какъ рабыня въ безраздѣльное распоряженіе купившаго ее семейства.

Теперь, позвольте познакомить васъ съ наружностью китаянки.

Вамъ, конечно, извѣстенъ обычай достигать искусственнымъ путемъ уменьшенія ногъ. Трудно найти гдѣ-либо на земномъ шарѣ что-нибудь болѣе противоестественное. Эта отвратительная привычка причиняетъ въ началѣ сильную и продолжительную боль, отзываясь въ организмѣ на всю жизнь. Объясненія этого обычая различны; одни говорятъ, что это подражаніе одной прекрасной богдыханшѣ, нѣкогда царствовавшей въ Китаѣ и обладавшей миниатюрными ножками; другіе полагаютъ, что это служитъ средствомъ для обузданія бродяжническихъ инстинктовъ, присущихъ женщинамъ, по мнѣнію китайцевъ. Достоверно лишь то, что самый талантливый и энергичный императоръ Китая не могъ уничтожить этого обычая, распространеннаго во всемъ Китаѣ, исключая манджуровъ и гакковъ (кантонской народности). Первя повязка кладется на ноги дѣвочки по достиженіи ею пяти лѣтъ. Четыре меньшихъ пальца ноги подгибаются подъ ступню, а подъемъ оттискивается вертикально назадъ. Въ то-же время носятъ башмаки, снабженные высокими каблуками, и тогда нога, сжатая въ клубокъ, теряетъ всякую эластичность. Въ результатѣ женщи-

ны ходять, точно на гвоздяхъ, и икра ноги, за отсутствіемъ упражненія лишается развитія. Замѣтимъ, что тугость повязокъ зависитъ и отъ класса общества; въ низшихъ слояхъ женщины часто могутъ ходить съ большой легкостью. Знатныя-же дамы почти совершенно лишены возможности передвигаться за предѣлами ихъ домовъ; здѣсь всегда ждетъ ихъ паланкинъ или просто спина служителя. Удивительно, какъ ни одна мать, испытавшая на себѣ всю тяжесть этой мучительной моды, не подумаетъ избавить отъ этого свою дочь. Много богатыхъ китаянокъ погибло при пожарахъ, не будучи въ состояніи убѣжать. Оправданій для этого обычая тѣмъ меньше, что ноги и руки китайскихъ дамъ и безъ того, отъ природы, отличаются необыкновенной миниатюрностью.

Костюмъ женщинъ Небесной Имперіи мало отличается отъ мужского; онѣ носятъ широкіе кафтаны, спускающіеся ниже колѣнъ и шаровары, стянутые внизу. Прическа различна въ каждой провинціи; въ Кантонѣ женщины простонародья укрѣпляютъ заднюю часть волосъ на подобіе ручки чайника, украшая боковыя стороны булавками и т. п.; молодыя-же дѣвушки подстригаютъ волосы вдоль лба бахромой, вполне соотвѣт-

ствующей нашей европейской „чолкѣ“. Живые или искусственные цвѣты всегда въ изобиліи украшаютъ голову. Говоря о косметикѣ, практикуемой китаянками, я не могу отнестись къ ней иначе, какъ съ глубокимъ отвращеніемъ. Дѣло въ томъ, что роль ея далеко не ограничивается исправленіемъ тѣхъ изъяновъ, которые безпощадное время оставляетъ на лицѣ. Самый свѣжій и юный цвѣтъ лица китайской дѣвушки скрывается подъ безобразнымъ слоемъ косметическихъ матеріаловъ. Поэты Срединаго Царства давно провозгласили, что брови красавицы должны походить на радугу и напоминать ивовые листья. Чтобы приблизиться къ этому идеалу, китайская барышня выдергиваетъ себѣ щипчиками часть волосъ на бровяхъ, заканчивая этотъ процессъ кистью туши или уголькомъ. Я часто встрѣчалъ на сѣверѣ Китая этихъ франтихъ съ мертвенно-бѣлымъ отъ бѣлилъ лицомъ, съ искусственными бровями, ярко покрашенными щеками и губами, покрытыми щедрой порціей кармина. Въ Шанхаѣ я встрѣчалъ ихъ, катающимися въ щегольскихъ серебряныхъ экипажахъ, и смотрящими съ восхищеніемъ на свое отраженіе въ большомъ зеркалѣ, укрѣпленномъ въ передней части коляски.

Онѣ положительно не выдерживаютъ сравненія съ дѣвушками южно-китайскихъ рыбаковъ. Привлекательныя лица этихъ дѣвушекъ, незнакомыхъ съ косметикой, хотя и сильно загорѣли отъ знойнаго солнца, но такъ и блещутъ жизнью и неотразимой нѣгой молодости и здоровья.

Но довольно описанія ; обратимся къ злополучной судьбѣ китаянки.

Благодаря отсутствію фабричной дѣятельности, женскій трудъ захватилъ себѣ въ Китаѣ широкій районъ дѣятельности.

Въ самомъ раннемъ возрастѣ дѣвочки обучаются уходу за шелковичными червями, пряденію и тканью хлопка ; шитье играетъ здѣсь, конечно, важную роль и въ этой области они должны усовершенствоваться, равно какъ и во всѣхъ прочихъ родахъ домашняго труда, чтобы быть принятой въ семью будущаго мужа. Она-же посылается и за дровами, на ряду съ мальчишками, до той поры, когда возрастъ не позволитъ ей безопасно отлучаться отъ дома на далекое разстояніе.

Характерна общая кличка, присвоенная дѣвочкамъ въ Китаѣ— „яту“ что значитъ „невольница“. И китайцы не далеко ушли отъ правды, употребляя это названіе.

Ничего похожего на образованіе не дается дѣвочкамъ Китая.

„Къ чему мнѣ тратить время, труды и силы, — разсуждаетъ практичный сынъ Неба, — когда, выйдя замужъ, она уйдетъ отъ меня въ другую семью; пусть тамъ и учатъ ее, если хотятъ ее имѣть образованной. Я отвѣчаю за ея тѣло, а умъ ея меня не касается!“ Китайская пословица прямо говоритъ: „Учить дочь то-же, что воздѣлывать чужое поле!“ Китайскія дѣвочки почти все время находятся дома; нѣтъ и рѣчи о какихъ-либо визитахъ или поѣздкахъ. Единственнымъ развлеченіемъ является пріѣздъ домой замужнихъ сестеръ, да рѣдкое посѣщеніе ярмарки или подвижного театра, которымъ изрѣдка занимаетъ бесплатно всю деревню какой-нибудь мѣстный тузъ.

Такъ проходитъ сѣренькое и безрадостное дѣтство китайской дѣвочки... Но вотъ она подросла, и пора подумать о замужествѣ.

Раннее обрученіе въ большомъ ходу у китайцевъ и имѣетъ обязательную силу. Если юный женихъ начинаетъ обнаруживать дурные инстинкты и ко времени брака становится негодяемъ — отступление для семьи невесты все-таки невозможно.

Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, женихъ не видитъ своей невѣсты до самаго брачнаго дня, такъ какъ всякое свиданіе или сообщеніе ихъ между собою до того момента считается важнымъ нарушеніемъ этикета. Случается, правда, иногда, что молодые и видятъ другъ друга, даже и знакомятся до брака; но такъ или иначе, — свадьба устраивается при посредствѣ третьяго лица, которое отъ имени родителей юноши отправляется къ семьѣ барышни и дѣлаетъ формальное предложеніе. Въ случаѣ согласія, происходитъ обмѣнъ подарковъ и документовъ, а затѣмъ выполняется первый важный пунктъ церемоніала — посылка карточекъ.

Послѣ того, въ день, назначенный астрологами, какъ благопріятный (согласно Императорскому Календарю), совершается второй пунктъ церемоніала, который и заканчиваетъ дѣло, — это прибытіе невѣсты въ домъ семьи жениха. Съ момента этого прибытія, бракъ считается совершившимся. За невѣстой посылается одинъ изъ довѣренныхъ жениха. Свадебный поѣздъ состоитъ изъ параднаго паланкина, въ которомъ засѣдаетъ невѣста въ сопровожденіи знаменосцевъ и хора музыки. Эта процессія торжественно прибываетъ къ дому жениха.

По прибытіи, невѣста выходитъ изъ паланкина и переносится черезъ котелъ съ горящими углями (или раскаленную плитку желѣза), положенную на порогѣ двумя такъ называемыми „счастливыми женами“ (т. е. тѣми, у которыхъ мужья и всѣ дѣти въ живыхъ).

Въ этомъ обрядѣ скрытъ намекъ на то, что супругѣ подобаетъ жить внутри дома и не переступать порога безъ собой къ тому надобности. Въ пріемной ждетъ ее женихъ, сидящій на высокомъ тронѣ, у подножья котораго она простирается ницъ.

Тогда онъ сходитъ къ ней и, снявъ съ ея лица вуаль, смотритъ ей, *впервые*, въ лицо. Не обмѣнявшись ни однимъ словомъ, они садятся рядомъ, — каждый, стараясь сѣсть на часть платья другого, такъ какъ считается, что сдѣлавшій это будетъ господствовать въ семьѣ. Отдавъ затѣмъ почести предкамъ, — наша парочка отправляется въ свои покои, къ обѣденному столу; дверь открыта настежь, и многочисленные гости критикуютъ наружность и манеры невѣсты. Бѣдная невѣста! Жестокій этикетъ не позволяетъ ей прикоснуться ни къ одному блюду, между тѣмъ, какъ женихъ, что называется, уплетаетъ за обѣ щеки.

Послѣ этого новобрачнымъ подають по чашечкѣ рисоваго вина; они выпиваютъ его за здоровье другъ друга, и этимъ заканчиваются всѣ свадебные обряды. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, невеста сидитъ до поздней ночи, разгадывая загадки, предлагаемыя ей наперерывъ всѣми гостями. Этикетъ не дозволяетъ женѣ показываться съ мужемъ публично, и на третій день послѣ свадьбы она отправляется solo съ обычнымъ визитомъ къ своимъ роднымъ.

Всю свою жизнь она пользуются обществомъ мужа лишь въ предѣлахъ своихъ комнатъ. Появленіе перваго ребенка, какъ я уже говорилъ, встрѣчается съ радостью только въ случаѣ рожденія сына; въ противномъ же случаѣ, мать встрѣчаетъ всеобщую холодность и иногда даже побои. Если же она продолжаетъ рожать дочерей, то ей угрожаетъ разводъ, и участь ея становится очень горькой.

Выйдя замужъ и вступивъ въ семью своего мужа, китаянка поступаетъ въ безраздѣльное распоряженіе свекрови, всевозможныхъ тетокъ, бабокъ и пр. и пр. Тяжелый трудъ и заботы, выпадающія на ея долю, скоро отражаются на ея наружности; хорошенькая 18-ти лѣтняя невеста теряетъ красоту къ 30 годамъ, а къ пятидесяти—уже становится сморщен-

ной и безобразной старухой. Обращеніе мужей съ женами не отличается большой нѣжностью въ Китаѣ. Интересенъ разсказъ Гюга по этому поводу.

Одинъ китаецъ прожилъ съ женой два счастливыхъ года. Но вотъ ему показалось, что сосѣди подсмѣиваются надъ тѣмъ, что онъ никогда не билъ своей жены. Тогда, въ одинъ прекрасный день, безо всякой вины съ ея стороны, — онъ принялся наносить женѣ такіе жестокіе удары, что чрезъ два дня она умерла въ страшныхъ конвульсіяхъ.

Надо замѣтить, однако, что главнымъ источникомъ гоненій является не мужъ, а свекровь. Нигдѣ драма «Свекровь и невѣстка» не разыгрывается съ такими ужасами, какъ въ Китаѣ. Иногда положеніе жертвы стеновится до такой степени невыносимымъ, что семья невѣстки находитъ нужнымъ вступить за нее.

Въ томъ случаѣ, если ходатайство оказывается безуспѣшнымъ, происходитъ любопытная исторія. Вся семья невѣстки, въ полномъ составѣ, нападаетъ на домъ семьи мужа; не только ломается мебель, но и члены этой семьи терпятъ побои. Въ одномъ подобномъ случаѣ на улицу Шанхая была вытащена свекровь, избитая до безпамятства. Не подумайте, читатель, что это привело къ судебному про-

цессу; сыны Неба слишкомъ практичны. Дочь была доставлена обратно къ своимъ родителямъ; „*устроители мира*“ (такъ называютъ китайцы своихъ посредниковъ, играющихъ тамъ огромную роль) вмѣшались въ дѣло, и она вернулась въ домъ мужа, подѣ условіемъ болѣе мягкаго обращенія. Правда, что въ одномъ подобномъ случаѣ, въ томъ же Шанхаѣ, вернувшуюся жену заперли въ чуланъ, гдѣ она и повѣсилась.

Такія самоубійства очень часты въ Китаѣ, и событія, слѣдующія за ними, уже прямо зависятъ отъ могущества родни умершей. Дѣло въ томъ, что необходимо извѣстить членовъ ея семьи о томъ, что она умерла, такъ какъ безъ ихъ присутствія, похороны не могутъ состояться; въ противномъ случаѣ, родня жены непременно потребуетъ открытія ея трупа, чтобы удостовѣриться въ естественности смерти, въ чемъ всегда есть причина сомнѣваться.

Миссіонеръ Смитъ сообщилъ въ Шанхайской газетѣ слѣдующій случай: его китайскій прислужникъ былъ однажды вытребованъ въ деревню къ своей замужней дочери, которая, какъ извѣщали его, „*была не совсѣмъ здорова*“, прибывъ на мѣсто, отецъ увидѣлъ ее повѣсившеюся на собственномъ поясѣ!

Въ этихъ случаяхъ къ правосудію обыкновенно не обращаются за отсутствіемъ надлежащихъ уликъ. Вотъ, впрочемъ, и примѣръ: въ Шанхайскомъ судѣ, мужъ заявилъ, что побилъ свою жену за неповиновеніе свекрови, послѣ чего она повѣсилась; братъ жены доказывалъ, что онъ истязалъ ее неоднократно и до ея проступка. Мудрый судья, почему то разсердившись, приговорилъ брата къ ста ударамъ, а семью мужа обязалъ добыть дешевый гробъ для самоубійцы. Неповиновеніе старшимъ такой важной проступокъ въ глазахъ каждаго китайца, что мужу всегда легко спрятаться за такую удобную ширму. Есть еще препятствіе, отклоняющее обиженную сторону отъ намѣренія обращаться къ суду; процедура предварительнаго слѣдствія на Востокѣ всегда производится всенародно; трупъ самоубійцы, положенный среди улицы на цыновку, будетъ открытъ для всеобщаго обозрѣнія. Чтобы избѣгнуть подобнаго скандала, самый ожесточенный врагъ соглашается на компромиссъ, и вотъ опять являются на сцену „*устроители мира*“. Послѣ долгаго обсужденія, обѣ стороны приходятъ, наконецъ, къ соглашенію: семья мужа беретъ на себя обязанность устроить пышные похороны; если она очень состоятельна, то родные жены тре-

буютъ, чтобы похороны эти обошлись какъ можно дороже: гробъ долженъ быть кипарисовый, извѣстныхъ размѣровъ и толщины; погребальныхъ платьевъ или сатина требуютъ больше, чѣмъ гробъ можетъ вмѣстить; большая сумма должна быть роздана священникамъ для поминовѣнія души. Кромѣ того, все приданное жены отбирается у семьи мужа. На одну изъ улицъ Шанхая была вытащена масса всевозможной мебели, зеркалъ, платья и проч.; все это, какъ приданное жены-самоубійцы, было торжественно истреблено на глазахъ родни мужа.

Когда такая пышная похоронная процессія двинется по городу, то „устроители мира“ все время снуютъ между родственниками, убѣждая ихъ, что „все кончено“, „мертвые не воскреснутъ“, что „похороны роскошны и чуть не раззорили мужнину родню“ и т. д. Эти уговоры необходимы, такъ какъ рѣдко подобныя похороны обходятся безъ внезапнаго взрыва негодованія и слѣдующаго за нимъ всеобщаго побоища.

Китайское общество смотритъ неодобрительно на покупку наложницы, исключая случая бездѣтности жены; въ этомъ случаѣ наложница занимаетъ подчиненное положеніе, и дѣти ея, по закону, при-

надлежать бездѣтной женѣ. При такомъ возрѣніи на женщину, какъ на продажную вещь, неудивительно, что законъ предоставляетъ мужу право развестись съ женой въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) неповиновеніе старшимъ, 2) бесплодіе, 3) распутная жизнь, 4) зависть, 5) заразная болѣзнь, 6) болтливость, 7) воровство.

Съ другой стороны, никакіе проступки мужа не даютъ права женѣ требовать развода. Таково юридическое положеніе женщины въ Китаѣ.

Но этого мало: мужъ можетъ *продать* жену. Такъ, наприимѣръ, попавъ въ долговую тюрьму, онъ пишетъ записку матери, и продажа жены доставляетъ ему свободу. Хотя такіе поступки совершаются лишь подъ давленіемъ крайней нужды, но иногда они превращаются въ любопытный промыселъ: мужъ отправляется въ отдаленную провинцію въ сопровожденіи жены, которую онъ выдаетъ за сестру, и предлагаетъ купить въ жены по небывало дешевой цѣнѣ. Горько рыдая, она прощается съ мужемъ, а чрезъ недѣлю, собравъ пожитки, покидаетъ тайкомъ своего новаго повелителя и догоняетъ мнимаго брата.

Я уже говорилъ, что главная забота китайца, — это обезпечить продолженіе

своего рода. Хотя бездѣтность жены и даетъ право взять наложницу, но есть и другой способъ, болѣе дешевый — это усыновленіе дѣтей. То, что я сейчасъ расскажу вамъ, читатель, поразить васъ необычайно. Дѣло въ томъ, что необходимость сохранить линію потомства заставляетъ иногда усыновить не сына, а внука: напримѣръ, въ томъ случаѣ, если сынъ умеръ до женитьбы. Тогда родители наводятъ справки въ различныхъ бѣдныхъ семьяхъ, и если отыщется умершая дѣвушка соотвѣтственныхъ лѣтъ, то выкапываютъ ее изъ могилы, устраиваютъ вторичные торжественные похороны и хоронятъ рядомъ съ прахомъ преждевременно умершаго сына. Усыновленный ребенокъ считается ихъ *внукомъ*, и когда вырастаетъ, то воздаетъ почести вышеозначеннымъ покойникамъ, какъ бы своему отцу и матери. На такое замужество своей умершей дочери ея родители обыкновенно соглашались, въ особенности если они бѣдны. „По крайней мѣрѣ, разсуждаютъ они, бѣдная дѣвочка получитъ пышные похороны“.

Если овдовѣвшая жена пожелаетъ выйти снова замужъ, то свадьба совершается очень скромно. Обыкновенно же китайскія вдовы рѣдко выходятъ замужъ вторично; иногда, подобно своимъ сестрамъ

въ Индіи, онѣ не переживаютъ мужей, приобѣгая къ самоубійству. Такіе поступки встрѣчаютъ всеобщее одобреніе и считаются высшей супружеской добродѣтелью.

Надъ могилами такихъ женъ воздвигаютъ почетные монументы по указу богдыхана. Между прочимъ, такія самоубійства совершаются публично, и одно изъ нихъ произошло недавно въ Фу-чау-фу, въ присутствіи одного европейскаго чиновника. Вотъ, что онъ разсказалъ :

Нѣсколько дней тому назадъ, я наткнулся на китайскую процессію, сопровождавшую одну молодую особу въ яркомъ красномъ платьѣ съ золотыми украшеніями, сидѣвшую въ роскошномъ паланкинѣ; цѣлью этой процессіи было—собрать многолюдную толпу, въ присутствіи которой она должна была повѣситься, оставшись бездѣтной вдовой. Оба супруга были сиротами, и потерявъ въ немъ послѣднюю связь, она рѣшилась этой жертвой обезпечить себѣ вѣчное блаженство и встрѣчу съ мужемъ въ иномъ мірѣ.

Послѣдовавъ за процессіей, я увидѣлъ на площади эстраду съ висѣлицей, вокругъ которой стояла толпа женщинъ, одѣтыхъ очень нарядно. Висѣлица состояла изъ деревянныхъ столбовъ съ бам-

буковой поперечиной, отъ центра которой спускалась веревочная петля съ маленькимъ деревяннымъ колечкомъ, вдѣланнымъ въ ея конецъ и обнимавшимъ веревку; къ нему же былъ прицѣпленъ красный платокъ. На эту эстраду ввели героиню дня и пригласили сѣсть за обѣденный столъ, стоявшій тутъ же, чтобы подкрѣпить силы. Сдѣлавъ это съ веселымъ видомъ, она надѣла свое ожерелье на поднесеннаго ей изъ толпы ребенка и тогда, вставъ изъ за стола, подошла къ краю эстрады и обратилась къ толпѣ съ съ прощальной рѣчью, въ которой объяснила мотивы, побудившіе ее разстаться съ жизнью. При этомъ, изъ поданной ей корзины, она бросала цвѣты въ толпу. Но вотъ раздался грохотъ неизмѣнныхъ пороховыхъ хлопучекъ, возвѣщавшій, что *le moment suprême* наступилъ... Она взошла на высокую скамью, поставленную подъ петлей, и, для пробы, вложила голову въ петлю; затѣмъ, вынувъ голову, она сдѣлала прощальный знакъ восхищеннымъ зрителямъ; надѣвъ снова петлю, она накинула на голову красный платокъ, и уже собирались вытолкнуть скамью изъ подъ ея ногъ, -- когда вдругъ послышались крики въ толпѣ, напоминавшіе ей, что она забыла притянуть деревянное колечко ближе къ шеѣ... Съ благодарной

улыбкой она поправила колечко и сильнымъ движеніемъ опрокинула скамью... До момента наступленія смертельныхъ судорогъ, вися на воздухѣ, — она держала руки въ молитвенномъ положеніи. Черезъ полчаса ея тѣло было снято и торжественно положено въ гробъ. Великолѣпный памятникъ приказано воздвигнуть на ея могилѣ послѣднимъ приказомъ императора.

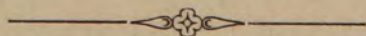
Въ заключеніе не могу пройти молчаніемъ еще одного грустнаго явленія.

Участь жены такъ неприглядна, что многія китайскія дѣвушки предпочитаютъ идти въ монастырь, а часто прибѣгаютъ даже и къ самоубійству. Въ 1873 г., въ Кантонѣ, восемь молодыхъ дѣвушекъ, будучи обручены, утопились, для избѣжанія замужества. Онѣ нарядились въ лучшія платья и въ 8 часовъ съ наступленіемъ темноты, привязали себя другъ къ другу и бросились въ притокъ Кантонской рѣки. Вотъ что пишетъ китайская газета Ши-Пао :

„Въ одномъ изъ округовъ Кантонской провинціи, въ женскомъ кругу стали составляться многочисленныя сообщества, какъ-то — „Непорочности“, „Дѣвственности“ и друг.

Каждая община состоитъ изъ десяти сестеръ, давшихъ клятву Небу никогда не выходить замужъ, полагая, что замужняя жизнь будетъ для нихъ какимъ то проклятіемъ. Грустный фактъ произошелъ недавно: цѣлое общество молодыхъ дѣвушекъ утопилось въ Драконовой рѣкѣ изъ-за того, что одну изъ нихъ родители принудили выйти замужъ. Она была обручена еще до вступленія своего въ общину. Когда родители уже сдѣлали все необходимыя приготовленія къ браку, она сообщила объ этомъ сестрамъ общины, и тѣ сказали, что согласны умереть вмѣстѣ съ ней, если у нея хватитъ духа остаться вѣрной своему обѣщанію. Рѣшено было, что она уѣздитъ изъ дома въ свадебную ночь; однако, надзоръ помѣшалъ, и тогда она воспользовалась первымъ же визитомъ къ матери; подкупивъ прислугу, она уѣзжала къ сестрамъ. Уговоръ былъ исполненъ въ точности, и быстрымъ теченіемъ Драконовой рѣки унесло ихъ тѣла прежде, чѣмъ помощь подоспѣла“...

Послѣ этой грустной странички, спустимъ пока занавѣсъ надъ этой многовѣковой драмой.

ГЛАВА VI.

Круговая отвѣтственность. — О наказаніяхъ въ Китаѣ.

Ранняя женитьба, многоженство и обычай усыновленія создаютъ въ Китаѣ не только многочисленность отдѣльной семьи, но и крайнюю запутанность въ классификаціи степеней родства. Какая-нибудь европейская сплетница, искусившаяся въ геральдикѣ, навѣрное собьется въ лабиринтахъ родства, соединяющихъ двухъ китайцевъ.

Но эта сложная путаница существуетъ лишь для насъ; въ государственной же машинѣ Китая она вся проникнута солидарностью: имя этой солидарности— *круговая отвѣтственность*.

Отецъ отвѣчаетъ за сына не только до его совершеннолѣтія, но до конца его дней; сынъ отвѣтственъ за долги отца. Старшій братъ несетъ опредѣленную отвѣтственность за младшаго, и „глава семьи“—обыкновенно старшій представи-

тель старѣйшаго поколѣнія — отвѣчаетъ за весь родъ (или кланъ). Напримѣръ, можетъ случиться, что за именитаго мандарина или ученаго отвѣтственъ какой-нибудь слѣпой древній старичокъ, живущій въ захолустной деревушкѣ.

Всякая личная свобода тонетъ въ омутѣ этой круговой поруки. Младшій братъ не можетъ оставить службу безъ согласія старшаго. Онъ-же не можетъ купить себѣ мѣховаго халата, если старшій братъ находитъ такую издержку лишней. Одинъ изъ офицеровъ хотѣлъ купить нѣскольکو старинныхъ монетъ у китайца, но послѣдній отказывался. Дядюшка-же его приказалъ продать эту рѣдкость, выпросивъ за это у офицера подарокъ. Вотъ еще иллюстрація.

Одинъ европеецъ встрѣтилъ на дорогѣ старичка съ бѣлой какъ лунь бородой, который горько плакалъ. Заинтересовавшись такимъ зрѣлищемъ, онъ спросилъ о причинѣ и узналъ, что бѣднякъ плачетъ будучи „только что высѣченъ своимъ отцомъ“. Это окончательно заинтересовало путешественника и онъ, спросивъ адресъ, отправился къ этому отцу, оказавшемуся еще болѣе глубокимъ старикомъ.

„Это вашъ сынъ?“ спросилъ европеецъ. — „Да, мой“, отвѣтилъ тотъ. „За

что вы его высѣкли?“ — „За непочтительность къ дѣду, и высѣку еще больнѣе, если это повторится!“

За этой формой отвѣтственности слѣдуетъ другая, — отвѣтственность *сосѣдей*. При этомъ отношенія между сосѣдями въ расчетъ не принимаются, и сосѣдство понимается лишь въ географическомъ смыслѣ близости, смежности. Эта отвѣтственность зиждется на теоріи „заразительности“ зла и добра: хорошій человѣкъ и сосѣда сдѣлаетъ такимъ-же. Такого воззрѣнія намъ не понять; у насъ зачастую человѣкъ живетъ годами въ городѣ, не зная и фамиліи сосѣда. Въ Китаѣ-же сосѣдъ всегда юридически „прикосновенъ“ къ преступленію. Если-бы онъ вздумалъ сослаться на незнаніе, ему отвѣтили-бы просто: „вы сосѣдъ и, стало быть, должны были знать“. Въ докладной запискѣ губернатора одной изъ центральныхъ провинцій, напечатанной въ „Пекинскихъ Вѣдомостяхъ“, читаемъ по поводу одного случая отцеубійства слѣдующее: „...дома сосѣдніе съ жилищемъ отцеубійцы я приказалъ разрушить до тла за преступное равнодушіе къ убійцѣ и неоказаніе на него своевременнаго добраго вліянія“. И такая резолюція въ глазахъ китайца, верхъ политической мудрости. Но этого мало; при повтореніи подобнаго преступ-

ленія, городская стѣна разрушается частью, измѣняется мѣсто городскихъ воротъ, а при дальнѣйшемъ повтореніи весь городокъ подлежитъ окончательному снесенію.

Круговая отвѣтственность ярко бросается въ глаза въ служебной сферѣ.

„Одинъ изъ солдатъ, укравъ пачку патроновъ, продалъ ихъ торговцу. За этотъ проступокъ онъ получилъ сто ударовъ и сосланъ въ пожизненную каторгу; торговецъ наказанъ сорока ударами. Субалтернъ - офицеръ приговоренъ къ восьмидесяти ударамъ съ увольненіемъ отъ службы; ротный командиръ, будучи преданъ суду, бѣжалъ и благоразумно скрылся. Уголовному департаменту центрального совѣта предписано назначить наказаніе генералу за допущеніе подобнаго случая“. („Пекинскія Вѣдомости“). А вотъ и еще примѣръ, недавно произошедшій.

Весенній разливъ рѣки Юнг-ти-хо, въ провинціи Чи-ли, превысилъ неожиданно обычные размѣры. Въ борьбѣ съ этимъ стихійнымъ зломъ, правительственные чиновники обнаружили рѣдкое усердіе, доходившее до самопожертвованія, но всѣ мѣры ихъ оказались безсильны, и бѣшеный потокъ залилъ окрестныя поля. Это не помѣшало губернатору Ли-хунгангу лишить этихъ чиновниковъ всѣхъ

орденовъ и преимуществъ съ оставленіемъ въ должностяхъ (излюбленная мѣра китайскаго правительства). Свой рапортъ по этому дѣлу вице-король Ли-хунгчангъ заканчивааетъ просьбой о назначеніи и ему самому наказанія въ Верховной Палатѣ.

Прорывъ плотинъ, возведенныхъ для возвращенія Желтой Рѣки къ ея старому руслу, вызвалъ смѣщеніе и изгнаніе всѣхъ мѣстныхъ чиновниковъ, начиная съ самаго губернатора Гонана.

Эта теорія отвѣтственности доходитъ до богдыханскаго трона.

Неурожаи, землетрясенія, наводненія, неудачныя войны,—считаются наказаніемъ Неба за грѣхи императора и послѣдній признается въ нихъ гласно, испрашивая прощенія боговъ. Много династій потеряло тронъ изъ за подобныхъ причинъ.

Ужаснѣйшее слѣдствіе этой системы проявляется, при большихъ преступленіяхъ, въ казни всего семейства, часто ни въ чемъ неповиннаго.

Много подобныхъ казней случилось недавно при Тайпингскомъ мятежѣ.

А вотъ и типичный случай: не такъ давно одинъ китаецъ былъ обвиненъ въ намѣреніи разрыть одну изъ император-

скихъ могилъ, чтобы похитить золотыя украшенія и одежды. Весь родъ этого китаецъ, въ составѣ четырехъ поколѣвій, начиная съ девяностолѣтняго старика до двухмѣсячной дѣвочки, — былъ поголовно казненъ. И это безъ всякаго дознанія о прикосновенности. Вы потрясены, читатель?

Однако, какъ ни ужасны въ своей несправедливости результаты круговой отвѣтственности, ея вліяніе во многомъ благотворно.

Напримѣръ, въ Европѣ, какъ часто отсутствіе или невыясненность уликъ составляетъ проступокъ безъ возмездія! Мостъ проваливается въ рѣку съ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, и сотни жертвъ погибаютъ страшной смертью, при глубокомъ молчаніи оффиціального правосудія! Огромное зданіе рушится, хороня подъ собой цѣлыя семейства, и архитекторъ легко увертывается отъ наказанія, ссылаясь на то, что сдѣлалъ все зависящее! Потеряна военная кампанія отъ непринятія возможныхъ мѣръ или отъ ихъ несвоевременности и за это никого не наказываютъ!

Китай далеко отсталъ отъ Европы почти во всемъ, но въ его отвѣтственной системѣ, какъ она ни преувеличена, есть кое-что поучительное...

Наши чайные купцы въ Китаѣ не могутъ обойтись безъ своихъ „компрадоровъ“ (китайскихъ отвѣтственныхъ подрядчиковъ).

Одинъ изъ офицеровъ забылъ въ китайской гостинницѣ пустую коробку отъ сардинокъ, и хозяинъ долго гнался за нимъ, дабы скорѣе вернуть ее, предполагая въ ней цѣнность. Въ гостинницахъ Китая вы не найдете объявленій о томъ, на примѣръ, что „хозяинъ не отвѣчаетъ за сапоги, выставленные для чистки“.

На почвѣ этой круговой отвѣтственности выросъ въ Китаѣ чудный благоуханный цвѣтокъ, — уваженіе къ закону. Преступленіе подрывается при самомъ корнѣ и статистика его можетъ быть поставлена въ примѣръ европейской. Убіеніе тамъ въ диковинку, и европеецъ безопаснѣе можетъ пройти по Китаю, чѣмъ китаецъ по Европѣ.

Теперь, съ вашего позволенія, читатель, я введу васъ въ музей китайскаго уголовнаго правосудія.

Пытки, самыя ужасныя, тамъ въ ходу и, благодаря имъ, свидѣтели часто страдаютъ больше обвиняемыхъ. Если свидѣтель подозрѣвается въ скрытности, то его подвергаютъ предварительнымъ

пыткамъ, въ родѣ слѣдующихъ: сѣченіе бамбуковой палкой по мягкимъ частямъ или между плечами, кожанымъ ремнемъ по лицу, а также палкой по колѣнямъ. Для болѣе важныхъ случаевъ практикуются болѣе утонченныя мѣры, причиняющія невыносимыя мученія и увѣчья на всю жизнь.

Случается, что смерть прерываетъ страданія жертвы, но обыкновенно „строгій допросъ“ не идетъ далѣе поврежденія суставовъ и полома костей.

По всему вѣроятію, монгольская раса менѣе чувствительна, нежели мы, въ перенесеніи физической боли, и этимъ можно объяснить то, что китайцы остаются въ живыхъ послѣ такихъ пытокъ, которыхъ-бы ни за что не вынесъ европеецъ. Между прочимъ, „строгость“ допроса зависитъ и отъ личнаго характера мандарина-судьи.

Смертная казнь часто примѣняется въ Китаѣ и виды ея различны.

За убіеніе отца, матери или семьи виновный подвергается такъ называемой „позорной и медленной“ смерти. Его привязываютъ къ кресту и, согласно указанію судьи, наносятъ ему отъ восьми до двадцати ударовъ ножомъ сначала въ лицо и мягкія части туловища, затѣмъ пронзается сердце и отрѣзываются всѣ конеч-

ности. Въ 1877 г. такихъ казней было совершено 10, въ томъ числѣ надъ однимъ лунатикомъ.

Въ обыкновенныхъ случаяхъ казней практикуется обезглавленіе. Это быстрая и милосердная смерть, такъ какъ палачи виртуозы и не знаютъ второго замаха. Капитанъ Дугласъ присутствовалъ при казни тридцати шести грабителей въ Кантонѣ. При двухъ палачахъ, дѣло закончилось менѣе, чѣмъ въ двѣ минуты. Осужденные были принесены въ корзинахъ, несомыхъ каждая двумя людьми. По прибытіи на площадь они были скорѣе выброшены, чѣмъ вынуты; ихъ разставили, колѣнопреклоненными въ два ряда, и оба палача, начавъ съ противоположныхъ концовъ, привялись рубить направо и налево.

Другой родъ казни—„задушеніе“ считается китайцами предпочтительнымъ, такъ какъ тѣло не обезображивается и оно примѣняется къ менѣе важнымъ проступкамъ, или-же по протекціи; при этомъ самъ осужденный можетъ совершить надъ собой эту казнь. Не дальше, какъ 1861 г., принцъ императорской крови былъ приговоренъ къ такому самоубійству за измѣну, но силы оставили его и пришлось поручить казнь палачу.

Теперь нѣсколько словъ о китайской тюрьмѣ.

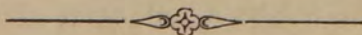
Трудно преувеличить ужасы этихъ тюремъ. Смертность воздуха, грязь, жестокость тюремщиковъ, отсутствіе всякихъ санитарныхъ мѣръ,—просто не поддаются описанію. Во время англо-китайской войны 1860 года, сэръ Гарри Паркесъ и м-ръ Локъ были вѣроломно захвачены и посажены въ тюрьму. Вотъ, что, между прочимъ, рассказалъ Локъ: „вообразите чувство постояннаго голода, мучительное пребываніе въ согнутомъ положеніи, съ цѣлымъ грузомъ цѣпей и оковъ на рукахъ и ногахъ; при этомъ обиліе червей и всякихъ ползучихъ гадовъ. Отъ времени до времени узниковъ выводятъ для „допроса“ и они возвращаются съ окровавленными руками и ногами, изнеможенные до потери голоса.

Существуетъ какая-то особая порода бѣлыхъ червей, которыми полны китайскія тюрьмы; земля на нѣсколько дюймовъ глубины кишитъ ими; ихъ болѣе всего боятся китайскіе узники. Мало кто попадаетъ въ китайскую тюрьму, не имѣя ранъ на туловищѣ отъ ударовъ или оковъ. Инстинктъ упомянутыхъ червей влечетъ ихъ къ этимъ ранамъ. Связанный и беззащитный узникъ не можетъ воспрепятствовать ихъ приближенію, хо-

тя хорошо знаетъ, что только доползи они до обнаженной раны, и его ждетъ неминуемая смерть, исполненная самой долгой и мучительной агоніи...“ А это было въ столичной тюрьмѣ; что-же дѣлается въ провинціальныхъ?!

Кто былъ при взятіи Кантона и осматривалъ городскія тюрьмы, никогда не забудетъ этого потрясающаго зрѣлища. Въ глухомъ темномъ подвалѣ груды брошенныхъ человѣческихъ тѣлъ была свалена въ одну сплошную кучу. Признаки жизни были еще замѣтны во многихъ, но все представляло картину всеобщаго разложенія. Воздухъ былъ такъ удушливо зловоненъ, что войти туда можно было лишь на минуту. Царствовалъ густой мракъ, а когда принесли фонари и освѣтили эту живую братскую могилу, то англійскіе солдаты, еще съ горячими ружьями и пороховой копотью на лицѣ, расплакались какъ дѣти...

Здѣсь, читатели, я закончу эту главу: сказаннаго довольно.

ГЛАВА VII.

Роль ѣды въ обиходѣ китайца. — О китайскихъ церемоніяхъ.

Мрачное содержаніе предъидущаго очерка склоняетъ меня къ мысли позабавить васъ болѣе веселой стороною китайской жизни. „Шанхайскій Листокъ“, изъ котораго я, главнымъ образомъ, черпаю содержаніе этихъ картинокъ, украшается замѣтками м-ра Смита, характеризующаго китайцевъ со всѣхъ сторонъ.

Сочиненія этого фельетониста-синолога заслуживаютъ перевода цѣликомъ на русскій языкъ, и я жалѣю, что рамки моихъ писаній принуждаютъ меня ограничиться лишь заимствованіями. Въ вопросѣ о ѣдѣ Смитъ объявляетъ китайскую цивилизацію далеко превзошедшей и обогнавшей насъ.

Проанализируемъ этотъ вопросъ.

На нашихъ желѣзнодорожныхъ вокзалахъ вы слышите, порой, громкій воз-

гласъ : „поѣздъ стоитъ пять минутъ !
Есть время закусить !“.

Въ прописяхъ вы встрѣтите также изреченіе : „пять минутъ не короткое время, если пользоваться каждой секундой“.

Трудно подыскать другую фразу, въ которой бы полнѣе исчерпывалась совершенная противоположность между Китаемъ и западной цивилизаціей. Если вы спросите китайца—слѣдуетъ ли *нсть* для жизни или *жить* для *нды*, онъ рѣшитъ безъ малѣйшаго колебанія. Да и какое тутъ колебаніе?

Если вы гдѣ нибудь услышите оживленную бесѣду между китайцами, то знайте напередъ, что дѣло идетъ либо о пищѣ, либо о деньгахъ, разумѣя ихъ вообще, какъ способъ добыть пищу. Добываніе вкусной пищи—серьезное дѣло въ Китаѣ. Передъ вопросомъ о вкусной ѣдѣ блѣднѣютъ всѣ прочіе вопросы текущей жизни. Элементъ времени въ ѣдѣ они понимаютъ не по нашему. „Работа, говорятъ они, можетъ быть ускорена, но не ѣда“. Объявленіе о томъ, что тотъ или другой сынъ неба *нсть*, признается безапелляціоннымъ мотивомъ для того, чтобы отложить любое важное дѣло. Китайцы столь же увѣрены въ законности такого предлога, какъ и знаменитая дама французскаго бомонда XVIII вѣка, пославшая

лакея съ извиненіемъ, что принять не можетъ, „будучи занята умираніемъ“.

Хотя я и не расположенъ къ похваламъ качеству китайской пищи и ея безусловно питательному значенію, но предъ количествомъ ея поглощенія приходилось буквально столбенѣть. Приглашеніе „пообѣдать“, въ глазахъ китайца, далеко не играетъ нашей второстепенной роли. Зрѣлище китайца, садящагося за столъ, просто умилительно и невольно возбуждаетъ зависть. Существуетъ поговорка, что надежда есть чувство, изображаемое движеніемъ хвоста собаки, увидѣвшей кость. Мы полагаемъ, что еще лучше изображается она группой китайцевъ, сѣвшихъ за столъ, съ палочками въ рукахъ, среди паузы, нарушающей привѣтливыми восклицаніями хозяина дома, открывающаго обѣдъ.

Если удовольствіе, доставляемое намъ нашими пищеварительными органами, стало бы предметомъ науки, то академія ея уже существуетъ въ Срединной Имперіи. Можно не быть сторонникомъ китайской кухни, но слѣдуетъ изумляться способности ихъ — утилизировать все и вся.

Пройдемте по китайской улицѣ.

Здѣсь каждое жилище—лавка, и всевозможные товары манятъ покупателей.

Но разнообразіе всего съѣстные припасы; на большихъ лоткахъ разложены всякія явства: засахаренныя фрукты, сушенныя крысы, рыба, рисовое тѣсто, апельсины, нарѣзанные на кусочки... А вотъ и знаменитые „собачьи“ и „кошачьи“ рестораны. Мясо этихъ животныхъ нарѣзано на мелкіе куски и приправлено вареными каштанами съ чеснокомъ.

Въ окнахъ висятъ, подвѣшанные за хвостъ, труны убитыхъ кошекъ и собакъ, для привлеченія посѣтителей. Тутъ же и вывѣски съ преісъ-курантомъ. Вотъ, для курьеза, одна изъ нихъ въ переводѣ:

Кошачье мясо, миска 10 центовъ (12 к.).

Мясо черной кошки, чашка	5	„
Бутылка вина (рисоваго	3	„
Полубутылка.	1 ¹ / ₂	„
Засахаренные фрукты, чашка	2	кэши (мел. мон).
Грибной соусъ, чашка	3	„ „
Сало черной собаки .	4	цента.
Глаза черной кошки, пара	4	„

„Посѣтителей этого ресторана просятъ быть аккуратными при расплатѣ“.

Дѣло въ томъ, что мясо *черныхъ* собакъ и кошекъ, особенно первыхъ, предпочитается, какъ болѣе питательное; лѣтомъ же оно считается цѣлебнымъ отъ жары и подкрѣпляющимъ силы. Собачьи окорока, въ виду ихъ большой стоимости — достояніе богатыхъ гастрономовъ. Мясо же крысъ цѣнится плѣшивыми, какъ благопріятствующее росту волосъ. Акульки плавники, рога понтовъ (молодыхъ оленей) и медвѣжью желчь любятъ старики за многія жизнерадостныя свойства, имъ приписываемыя.

Простите, если послѣдними строками слегка смутилъ вашъ аппетитъ. Перехожу къ другому факту общественной жизни Китая, котораго, впрочемъ, лишь коснусь слегка: это—о „китайскихъ церемоніяхъ“. Ихъ такъ много, этихъ „церемоній“, что даже бѣглаго обзора ихъ хватило бы на добрую книгу; интересующихся этимъ вопросомъ я отошлю къ книгѣ Абея Ремюза, специально разработавшаго этотъ отдѣлъ.

Кто то сравнилъ вѣжливость съ пневматической подушкой, наполняемой воздухомъ: въ ней также собственно ничего не существуетъ, но она смягчаетъ „толч

ки жизни“. Въ этомъ отношеніи вѣжли-
вость китайцевъ поразительна, и кодексъ
ея разработанъ до мельчайшихъ деталей.
Во время визитовъ, приемовъ, обѣдовъ,
аудиенцій каждый жестъ и слово у ки-
тайца заранѣе разсчитаны.

Классификація однихъ „поклоновъ“
сложна до невѣроятности. Письма ихъ
пишутся по неизмѣннымъ шаблонамъ, и
было бы большой ошибкой искать хоть
на грошъ искренняго чувства въ письмѣ
сына къ отцу, мужа къ женѣ и т. д. Въ
этихъ случаяхъ получающій письмо зна-
етъ его до прочтенія наизусть и обра-
щаетъ главное вниманіе на красоту іеро-
глифовъ.

Въ разговорахъ китайцевъ царить
преувеличенный эмфазъ и изобиліе поч-
тительныхъ эпитетовъ. Вотъ, напр., бе-
сѣда двухъ сыновъ Неба, играющихъ въ
шахматы :

— Я передвигаю своего презрѣннаго
короля на одинъ ходъ впередъ.

— А я перевожу свою жалкую коро-
леву вправо.

— Беру своимъ ничтожнымъ конемъ
вашу почтенную пѣшку и объявляю шахъ
вашему уважаемому королю...

И дальше, въ этомъ же родѣ.

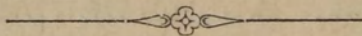
А вотъ эпизодъ изъ китайскаго руководства къ этикету, напечатанный тамъ, какъ образецъ хорошаго тона.

„Нѣкій китаецъ, одѣвшись въ парадный костюмъ, пришелъ въ гости къ своему знакомому. Здѣсь его ввели въ приемную и попросили подождать. Не успѣлъ онъ войти въ приемную, какъ произошло нѣчто неожиданное: крыса, испуганная его входомъ, пробѣжала по верхней полкѣ стѣны и, задѣвъ блюдечко съ кислотой, сбросила его внизъ, прямо на нашего визитера. Кромѣ непріятнаго ушиба въ лицо, гость съ ужасомъ замѣтилъ, что дорогой шелковый халатъ его навѣки испорченъ... Въ эту минуту вошелъ хозяинъ.

Раскланявшись по всѣмъ правиламъ этикета, гость произнесъ: „когда я вошелъ въ вашу почтенную приемную и приблизился къ этому почитаемому креслу, я нечаянно испугалъ вашу уважаемую крысу, которая въ бѣгствѣ опрокинула на меня ваше уважаемое блюдо съ кислотой, обливъ ею мое ничтожное платье, и вотъ причина моего презрѣннаго вида въ вашемъ августѣйшемъ присутствіи“. И у насъ, въ Европѣ, этикетъ имѣетъ многочисленныя правила, опредѣляющія наши взаимныя отношенія.

Онъ построенъ на чувствѣ уваженія къ ближнему и этой благородной печатью

помѣченъ каждый его пунктъ. Въ Китаѣ же, при слабости этого чувства и недостаткѣ искренности, этикетъ выродился въ бездушную формалистку, въ систему всеобщаго лицемѣрія.

ГЛАВА VIII.

Золотой вѣкъ китайскаго правосудія и причины его упадка.

Опираясь на записки миссіонера Гюга и на арабскихъ писателей IX-го вѣка, заглянемъ въ ту эпоху исторіи Китая, которая была по истинѣ золотымъ вѣкомъ, вѣкомъ гражданскаго процвѣтанія, а также выяснимъ обстоятельства, обусловившія его упадокъ.

Читая китайскія лѣтописи, видно, что нѣкогда мандарины были настоящими чиновниками, отечески управлявшими тѣми, чье счастье было имъ ввѣрено. Они посѣщали свои округа, лично удостовѣряясь въ нуждахъ населенія; они объѣзжали поля, ободряя трудолюбивыхъ и порицая лѣнивыхъ. Въ случаѣ наводненія или иного бѣдствія, они собирали совѣты для организаціи помощи. Въ 1-й и 15-й день каждой „луны“, они поучали народъ, стекавшійся толпами къ нимъ; въ

особенности правосудіе стояло высоко. Всякій угнетенный, всякій оскорбленный въ своихъ правахъ могъ явиться въ судилище; ему слѣдовало лишь ударить въ большой гонгъ (мѣдную тарелку), специально подвѣшанный во внутреннемъ дворѣ, и мандаринъ, услышавъ звонъ, долженъ былъ немедленно выйти и выслушать жалобу во всякое время дня и ночи. Теперь, дѣла обстоятъ не такъ; хотя всюду устроены зданія для народныхъ поученій (чан-ю-тингъ), но публики тамъ не видно, и мандарины являются туда, чтобы выкурить трубку, выпить чашку чая и уйти. Во дворѣ судилища можно увидѣть и „гонгъ угнетенныхъ“, но онъ заросъ мхомъ; никто не посмѣетъ въ него ударить, боясь штрафа и бамбуковыхъ палокъ.

А между тѣмъ, вотъ что писали о Китаѣ арабскіе писатели IX в. („Лѣтописная цѣпь“, арабское соч. IX-го в.)

„Нѣкій человекъ, родомъ изъ Корасана, пришелъ въ Иракъ и тамъ купилъ много товаровъ; оттуда онъ отправился въ государство Китай. Этотъ человекъ былъ скупъ и несговорчивъ, и въ городѣ Кан-фу (пограничная арабская ярмарка) повздорилъ онъ съ императорскимъ китайскимъ евнухомъ, торговавшимъ у него товары для императора. Этотъ евнухъ

былъ знатный человѣкъ и хранитель сокровищъ императорскихъ. Торгуя у Корассанина богато отдѣланную слоновую кость, онъ не сошелся въ цѣнѣ и тогда, въ ярости своей, завладѣлъ товаромъ насильно и уѣхалъ, не взирая на вопли купца. Тогда купецъ отправился изъ Кан-фу въ столицу Китая, Ком-денъ, отстоявшій отъ Кан-фу въ двухъ мѣсяцахъ пути, чтобы искать защиты и правосудія. А обычай въ Китаѣ былъ таковъ: тотъ, кто зазвонитъ въ колоколъ императорскаго дворца, немедленно схватывался и и отвозился въ нѣкое мѣсто въ 10-ти дняхъ пути отъ столицы. Здѣсь губернаторъ призывалъ къ себѣ смѣльчака и говорилъ ему грозно: „ты рѣшился на поступокъ, который будетъ стоить тебѣ жизни и пролитія крови, если жалоба твоя несправедлива. Ты долженъ знать, что императоръ назначаетъ кадівъ и визирей для твоихъ жалобъ, у нихъ и ищи правосудія. Если же ты упорствуешь и захочешь жаловаться самому императору, а жалоба твоя будетъ ложной,—знай, твоя смерть неминуема; дабы не послужилъ поступокъ твой соблазномъ для многихъ. Опомнись же и уйди съ миромъ!“ Если человѣкъ убѣждался и желалъ уйти, то получалъ всего 50 ударовъ бамбуками и возвращался съ миромъ въ страну, отку-

да пришелъ. Если же онъ упорствовалъ, то его допускали къ императору.

Зная все это, Корассанскій купецъ совершилъ все сказанное и его допустили къ императору. При помощи толмача, онъ рассказалъ императору о спорѣ съ евнухомъ въ Кан-фу и о поступкѣ евнуха. Императоръ повелѣлъ посадить купца въ тюрьму и разузнать какъ и что было. Когда слова купца подтвердились императоръ призвалъ къ себѣ евнуха и сказалъ ему: „ты заслужилъ смерть; ты предалъ имя мое осужденію въ устахъ челоуѣка, выѣхавшаго изъ Корассана къ границамъ моей имперіи, черезъ страну Арабовъ и Индію; ты хотѣлъ, чтобы челоуѣкъ этотъ, возвращаясь тѣми же странами и посѣщая тѣ же народы, распространилъ среди нихъ извѣстіе о томъ, что онъ былъ жертвой несправедливости въ Китаѣ, гдѣ имущество его было расхищено. Я воздержусь отъ пролитія твоей крови, во вниманіе къ твоимъ прежнимъ заслугамъ, но лишаю тебя мѣста, которое ты не вправѣ занимать.“

Корассанскаго же купца императоръ щедро одарилъ и отпустилъ съ почестями. И слава о правосудіи китайскомъ разнеслась по Индіи и землямъ арабскимъ. И всѣ узнали, что государство китайское процвѣтаетъ.“

Вотъ разсказъ, безпристрастіе котораго нельзя заподозрѣть. Въ особенности знаменательна послѣдняя фраза. Именно вслѣдствіе того, что правосудіе нынѣ обратилось въ лавочку, вы видите, какъ эта имперія, столь процвѣтавшая прежде, приближается быстрыми шагами къ страшному упадку. Изслѣдуя причины этого всеобщаго разложенія, этой порчи, поражающей на нашихъ глазахъ всѣ классы китайскаго общества, намъ кажется, что онѣ вызваны важнымъ измѣненіемъ прежней государственной системы. Съ восшествіемъ манджурской династіи, обнародованъ законъ, въ силу котораго мандаринамъ воспрещается отправление обязанностей въ томъ же мѣстѣ болѣе трехъ лѣтъ и не дозволяется быть должностнымъ лицамъ въ родной провинціи. Ясна мысль, продиктовавшая подобный законъ. Лишь только манджуры утвердились въ имперіи, они испугались своей малочисленности; будучи затеряны въ необозримомъ морѣ Китая, они, конечно, задались вопросомъ, какъ управлять громадной имперіей, естественно враждебной иноземному владычеству. Заполнить всѣ мандаринскіе посты манджурами невозможно: во 1-хъ, вслѣдствіе ихъ малочисленности, а во 2-хъ, это было бы плохимъ средствомъ успокоить умы и

возбудить дружелюбныя чувства въ народѣ, столь гордомъ своимъ умственнымъ превосходствомъ. И такъ было рѣшено, что побѣжденные будутъ допущены къ должностямъ. Личный составъ Пекинскихъ Верховныхъ Палатъ былъ удвоенъ и раздѣленъ между манджурами и китайцами. Китайцамъ же ввѣрили большую часть административныхъ постовъ въ провинціяхъ, за исключеніемъ, правда, главныхъ военныхъ мандаринатовъ и гарнизонныхъ службъ. Несмотря на эти предосторожности, династія манджуровъ могла опасаться заговоровъ. Среди высшихъ сановниковъ могло существовать много партизановъ павшей династіи; власть, облакавшая ихъ, могла угрожать серьезнымъ возстаніемъ. Весьма вѣроятно, что для парализованія этихъ попытокъ и былъ обнародованъ вышеупомянутый законъ. Манджурская династія озаботилась найти мотивы для этихъ реформъ въ общественной пользѣ. Было объяснено, что судебные чиновники, удаленные отъ родныхъ и друзей, станутъ внѣ вліянія при отправленіи правосудія. Разумѣется, это были фиктивные причины, скрывавшія настоящую надобность. Завоеватели Китая пользуются полнымъ успѣхомъ болѣе двухсотъ лѣтъ. Знатныя китайскіе мандарины, блуждая по чуждымъ про-

винціямъ, потеряли всякую возможность единенія; такая политика, можетъ быть, и цѣлесообразна для усиленія новой власти; но она не могла не стать, съ теченіемъ времени, источникомъ безпорядка. Возвысивъ эту временную мѣру на степень основнаго закона, неосторожные завоеватели Китая внесли въ самый корень своего могущества зародышъ отравленія, и этотъ зародышъ, незримо развиваясь, долженъ былъ принести плоды разложенія.

Судьи и чиновники, имѣя въ виду краткость срока, живутъ иностранцами, не заботясь о нуждахъ народа. Никакой связи съ нимъ не существуетъ, вся забота ихъ состоитъ въ накопленіи денегъ, въ повтореніи того же въ другой провинціи и въ удаленіи, наконецъ, во свояси для пользованія тамъ деньгами, расхищенными со всѣхъ концовъ имперіи „Калифы на часъ“, мандарины стали эгоистичны и равнодушны къ народному благу. Рушился коренной устой китайской монархіи; ибо судья уже не „отецъ въ кругу дѣтей“,—это мародеръ, пришедшій Богъ вѣсть откуда и исчезающій Богъ вѣсть куда.

Такъ, съ воцареніемъ татарской династїи, все въ имперіи осуждено на томительное умираніе; невидно, какъ нѣкогда,

великихъ предпріятій, этихъ гигантскихъ работъ, свидѣтелей сильной и могучей національной жизни. Вы увидите въ Китаѣ много памятниковъ, говорящихъ о невѣроятныхъ усиліяхъ и долгой настойчивости; многочисленные каналы, высочайшія башни, великолѣпные мосты, широкія дороги въ горахъ, могучія рѣчныя плотины и проч. Теперь же не только ничего подобнаго не дѣлается, но и существующее предано упадку.

Человѣку свойственно себялюбивое желаніе видѣть плоды своихъ работъ.

— Къ чему, разсуждаетъ временный мандаринъ, предпринимать то, чего я не окончу? Къ чему сѣять то, что другой пожнетъ?... И вотъ, нравственные и матеріальные интересы народа заброшены.

Чиновники такъ быстро смѣняются, что они никогда не знаютъ мѣстныхъ условій; зачастую они не понимаютъ и мѣстныхъ нарѣчій. А въ этомъ отношеніи провинціи различествуютъ чуть не дальше европейскихъ государствъ!

Судьи, пріѣзжая на мѣсто служенія, находятъ тамъ второстепенныхъ чиновниковъ, которые, зная всю подноготную, умѣютъ стать необходимыми. Мандарины въ мельчайшихъ случаяхъ безсильны безъ этихъ агентовъ, которые и являются настоящими правителями; всѣ судебныя

дѣла въ ихъ рукахъ, они же и постановляютъ рѣшенія, лишь объявляемая судьей. А эти неизмѣнные агенты — туземцы и имѣютъ родныхъ и друзей; оттого кумовство, интриги и коварство царятъ въ судопроизводствѣ. Трибуналы кишатъ этими вампирами, высасывающими деньги сперва для мандарина, а затѣмъ и для себя. И такъ, вотъ и оцѣнка на дѣлѣ мотивовъ, положенныхъ манджурской династіей въ основу судебной реформы!...

Послушаемъ еще, что говоритъ въ своихъ запискахъ миссіонеръ Гюгъ.

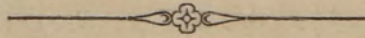
Съ воцареніемъ татарской династіи, китайскій народъ пережилъ глубокія измѣненія. Въ Европѣ очень ошибочно принято говорить о неподвижности этого народа. Новшества завоевательной расы зачастую принимаются за обычаи, восходящіе къ началу исторіи. Всѣ убѣждены въ вѣчной враждѣ Китая къ иностранцамъ, а, между тѣмъ, это совсѣмъ невѣрно и касается лишь манджуръ (со времени ихъ воцаренія).

Въ прошедшіе вѣка китайцы поддерживали сношенія со всѣми азіатскими народами. Арабы, персы, индусы, беспрепятственно являлись внутрь страны, ведя торговлю. Случай съ Корассанскимъ купцомъ говоритъ за себя. Въ XIII вѣкѣ, Марко Поло былъ радушно принятъ со

своимъ отцомъ и дядей. Эти венеціанцы были даже призваны къ управленію, и Марко Поло былъ губернаторомъ китайской провинціи. Въ эту же эпоху въ Пекинѣ было архіепископство и христіанскіе обряды совершались публично. Все это доказываетъ, что китайцы не всегда чувствовали отвращеніе къ чужеземцамъ. Многіе мандарины, съ которыми Гюгъ бесѣдовалъ, прямо заявляли, что неприязнь къ чужеземцамъ идетъ отъ манджурскаго правительства. Дѣйствительно, въ постоянной заботѣ о своемъ огражденіи, манджурскіе правители закрыли доступъ въ Китай всему иностранному, считая себя лишь тогда въ безопасности отъ враждебныхъ замысловъ извнѣ. Что они устроили внутри, вы уже видѣли. Средства эти увѣнчались успѣхомъ, и мы видимъ чудесное событіе, которому какъ-то мало удивляются. А оно стоить удивленія! Вообразите, горсть номадовъ держитъ, вотъ ужъ болѣе двухсотъ лѣтъ, въ абсолютномъ господствѣ самую обширную имперію міра и народы, въ высшей степени подвижныя. Для достиженія такого результата понадобилась политика ловкая, гибкая и сильная.

Но все предвѣщаетъ, что эти же средства, возвысившія могущество манджуровъ, обратятся противъ нихъ.

Европейцы, эти „варвары“, которых Пекинъ презираетъ, чтобы скрыть свой паническій страхъ, — когда нибудь сломятъ преграды, упрямо ставимыя на ихъ пути, и тогда они встрѣтятъ за ними народъ, хотя и многомилліонный, но уже политически слабый и въ распоряженіи того, кто рѣшится овладѣть имъ всецѣло или по частямъ. Ключъ же къ спасенію Китая потерянъ съ традиціями „золотого вѣка“. Безвозвратно-ли утраченъ онъ, — вопросъ будущаго.

ГЛАВА IX.

Шансы на будущность.

Я приближаюсь къ концу.

Все высказанное до сихъ поръ имѣло цѣлью набросать въ грубыхъ и бѣглыхъ чертахъ причудливую фizioномію Срединнаго Царства.

Опираясь на факты и новѣйшіе труды миссіонеровъ, мы пытались заглянуть въ тайники китайскаго народнаго духа.

Миньятюрность рамокъ не позволяла мнѣ останавливаться подолгу на многихъ деталяхъ; кромѣ того, обрядовая и воспитательная стороны настолько извѣстны русской публикѣ по трудамъ г. Георгіевскаго, что прибавить къ нимъ было нечего. Тоже и о религіи, разработанной такъ глубоко и подробно проф. Васильевымъ. Переходя къ важному вопросу о возможномъ будущемъ Китая и условіяхъ наступленія этого будущаго,—я чув-

ствую понятную робость и всѣми силами желалъ бы отстранить отъ себя возможный упрекъ въ самоувѣренности.

Но не имѣя претензіи на авторитетъ, я, однако, оставляю за собой право высказать мнѣніе, долго слагавшееся и во многомъ опирающееся на бесѣды съ миссіонерами, іезуитами, дипломатами и всякаго рода резидентами Китая. Если это мнѣніе покажется одинокимъ, пусть оно дополнитъ огромную коллекцію самыхъ противорѣчивыхъ сужденій въ литературѣ о Китаѣ. Если же, напротивъ, его постигнетъ обратная участь, и оно попадетъ въ разрядъ „общихъ мѣстъ“, — пусть оно послужитъ тогда хотя бы и лишнимъ добавочнымъ средствомъ въ распространеніи того, что мнѣ представляется наиболѣе истиннымъ.

И такъ, выскажусь по своему.

Вотъ перечень симптомовъ, въ которыхъ я вижу шансы Китая на будущность.

1) *Чувство законности. — Преданность власти. — Высоко развитое миролюбіе. — Предпочтеніе улаживать распри и несогласія, безъ вмѣшательства грубой силы.*

2) *Прочная организація семейнаго начала. — Почитаніе родителей и предковъ. — Заботливое сохраненіе твореній выдающихся*

людей и передача этого наслѣдія изъ рода въ родъ.

3) Замѣчательная выносливость, терпѣніе и настойчивость въ преслѣдованіи цѣли.

4) Физиологическая живучесть расы при унетаютующихъ условіяхъ.

5) Національная живучесть при перипетіяхъ четырехъ тысячъ лѣтъ исторіи.

6) Образовательный уровень въ массахъ и образовательный принципъ въ служебныхъ карьерахъ.

7) Та сторона консерватизма, которая, не допуская лежкомысленнаго и преждевременнаго новшества, обезпечиваетъ прочное сохраненіе разъ пріобрѣтеннаго *).

Но вотъ и отрицательныя стороны китайскаго народнаго духа :

1) Жестокость. — Отсутствіе частной и общественной филантропіи.

2) Обезличенность или отсутствіе индивидуализма.

3) Непомѣрное развитіе родительской власти.

*) Отсутствіе этого качества особенно поражаетъ въ Японіи, гдѣ на ряду съ великими благодѣтельными реформами, оно вызываетъ тревожныя опасенія за будущность этихъ реформъ.

4) *Пониженность женщины.*

5) *Мистицизмъ и суевѣрїя въ массахъ, и, что еще хуже, религіозный индиферентизмъ образованныхъ классовъ.*

6) *Отсутствіе безкорыстнаго понятія о чести (со временъ водворенія манджурской династїи).*

7) *Та сторона консерватизма, которая обусловливаетъ надменное отношеніе къ чужеземцу, преувеличенное понятіе о собственномъ достоинствѣ и фанатическую вражду.*

И такъ, вотъ классификація достоинствъ и недостатковъ. Что же переможетъ въ грядущей исторїи Китая, и какова роль религіи въ этомъ отношенїи?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, я принужденъ сказать нѣсколько словъ о религіи Китая, причемъ очень сожалѣю, что недостатокъ мѣста не позволяетъ остановиться подольше на этомъ въ высшей степени интересномъ предметѣ. Ограничусь общими заключенїями.

Первое и главное заключеніе, что собственно „религіи“ не существуетъ въ Китаѣ. Хотя тамъ и насчитываютъ три религіи, но, какъ три змѣи, проглотившія часть другъ друга, — онѣ образуютъ кольцо, cercle vicieux, въ которомъ зам-

кнулась и оцѣпенѣла китайская религіозная мысль.

Послѣ поклоненія предкамъ и грубѣйшаго пантеизма, въ Китаѣ возникла система вѣрованія, занесенная туда загадочнымъ пришельцемъ изъ Индіи, Лаотзе. Система эта, утонченная мистическая метафизика, именуемая *таоизмомъ*, пришла не по плечу китайскому народу и выродилась въ самое грубое шаманство.

Таже участь постигла и благородную религію Будды, попавшую въ Китай въ эпоху христіанской эры. Чуждая духу китайскаго народа, она видоизмѣнилась до неузнаваемости, представляя груду самыхъ чудовищныхъ предразсудковъ, черной магіи и фатализма.

Но вотъ и еще такъ назыв. „религія Китая“, съ которой приходится серьезно считаться: это — *конфуціонизмъ*.

Конфуцій былъ чиновникомъ китайскаго княжества Лу, за нѣсколько сотъ лѣтъ до Р. Х. Жизнь его извѣстна намъ до мельчайшихъ подробностей, и, взглядываясь въ нее, можно сказать, что Конфуцій былъ самымъ типичнымъ китайцемъ, хотя и воплотившимъ въ себя лучшія стороны народнаго духа. Страстный поклонникъ старины, онъ изучалъ ее съ неустанной энергіей. Результатомъ его

дѣятельности явился рядъ „Священныхъ Книгъ“. Много прекраснаго написано въ этихъ книгахъ: главы о почитаніи родителей и стариковъ, о семьѣ и государствѣ, о взаимныхъ отношеніяхъ богдыхана съ народомъ,—просто благоухаютъ краснорѣчіемъ.

Plus chinois que la Chine,—Конфуцій остался жить для потомства. Конфуцій—„первая любовь“ китайскаго народа; за всю исторію міра не найти бѣльшого вліянія одного человѣка на всю страну и на всю исторію этой страны. И однако, не ему суждено было возродить Китай, хотя сплотить его ему удалось. Онъ не далъ никакого приблизительнаго понятія о Богѣ. Девизъ его „воздавай почтеніе богамъ, но держись отъ нихъ въ сторонѣ“, — не могъ создать вѣры. Онъ не возбудилъ даже и сладкой мечты о бессмертной душѣ человѣка; онъ не поселилъ и той любви, о которой одной бываетъ живъ человѣкъ. Женщину, этого великаго пособника на пути къ совершенству, онъ низвелъ къ положенію безответной рабы.

Какъ выразился Смитъ, „обвинительный актъ о конфуціонизмѣ—это современный Китай“.

Итакъ, не въ китайской религіи находятся симптомы того, что покойный

маркизь Дзенгъ называлъ „пробужденіемъ Китая“ (awakening). Мы видѣли, что Гюгъ, (изъ записокъ котораго я заимствовалъ матеріаль для 3-ей главы, а также для очерка „Золотой вѣкъ Китая), видитъ спасеніе Китая лишь въ конечномъ устраненіи манджурской династіи Дзинговъ и въ возвращеніи къ традиціямъ „золотого вѣка“. Такого же, приблизительно, мнѣнія придерживается и Мидоусъ, авторъ знаменитой „Исторіи китайскихъ мятежей“, самой глубокой и проницательной, на мой взглядъ, книги, написанной о Китаѣ и ставшей нынѣ библиографической рѣдкостью.

Страстный защитникъ Китая, Симонъ, не идетъ такъ далеко и находитъ существующую организацію Небесной Имперіи чуть не идеальной, ставя ее даже въ примѣръ для прочихъ государствъ. Фельетонистъ сѣверо-китайской прессы, Смитъ, изъ богатыхъ очерковъ котораго я преимущественно почерпнулъ содержаніе моей лекціи, —высказывается по этому вопросу, наоборотъ, скептически, если не мрачно. Почти также высказываются миссіонеры англиканской церкви, веслеіанцы, реформаты и католики. Представители нашей православной миссіи жалуются на почти безнадежную трудность ихъ просвѣтительныхъ трудовъ. Дѣятельность

іезуитовъ, хотя и энергична, но почти цѣликомъ замкнулась въ рамкахъ свѣтскаго образованія, и „духовная паства“ ихъ ускользаетъ изъ рукъ тотчасъ по окончаніи курса (Сиккавейской академіи, близъ Шанхая).

Теперь, читатель, я остановлю на минуту ваше вниманіе на прекрасной и глубокой легендѣ, открытой недавно въ древнихъ памятникахъ китайской литературы. Вотъ ея содержаніе: „Великіе учителя, Конфуцій, Лаодзе и Будда, встрѣтились однажды въ странѣ Безсмертія и, въ бесѣдахъ своихъ, стали оплакивать судьбу своихъ ученій въ Китаѣ. Наконецъ, они пришли къ тому заключенію, что какъ ни прекрасны ихъ ученія, человѣческая природа слишкомъ слаба и нуждается въ постоянномъ примѣрѣ. Тогда они рѣшили, что каждый изъ нихъ воплотится и, спустившись вторично на землю, попытается найти въ средѣ людей достойнаго избранника, которому бы могъ поручить спасеніе Китая. Сказано — сдѣлано, и три великихъ учителя спустились на землю.

Странствуя по землѣ, Конфуцій увидѣлъ, однажды нѣкоего старца, который не всталъ при его приближеніи, но пригласилъ Конфуція сѣсть рядомъ и всту-

пилъ съ нимъ въ долгую и оживленную бесѣду. Говоря о древней мудрости и объ упадкѣ ея въ позднѣйшія времена, онъ обнаружилъ такую глубокую начитанность и проницательность сужденій, что Конфуцій, прощаясь съ нимъ, не могъ скрыть восхищенія. Но, и при прощаніи, старецъ не поднялся съ мѣста. Встрѣтившись съ Лао-дзе и Буддой, скитанія которыхъ оказались также безуспѣшны, Конфуцій рассказалъ имъ про сидящаго старца и предложилъ имъ посѣтить его, дабы узнать также-ли совершенно знакомъ съ ихъ ученіями этотъ удивительный старецъ, поразившій Конфуція. Къ неопisanному изумленію Лао-дзе, старецъ оказался самымъ тонкимъ знатокомъ религіи „тао“. Что также не мало удивило Лао-дзе, это то, что старецъ, несмотря на глубокую свою почтительность, ни разу не всталъ. Въ свою очередь, Будда нашель, что никто еще такъ ясно не выразилъ его ученія „о великихъ путяхъ“, какъ этотъ старикъ, не пожелавшій, однако, встать при видѣ учителя. Когда три великихъ учителя сошлись опять въ странѣ Безсмертія, то стали горячо восхвалять удивительнаго старца, и, наконецъ, рѣшили, что не только онъ достоинъ быть представителемъ каждой изъ трехъ религій, но и

способенъ разъяснить людямъ, что „всѣ три религіи сливаются въ одну“.

И вотъ тогда три великихъ учителя предстали вмѣстѣ предъ старцемъ, объяснили ему цѣль своихъ предшествовавшихъ посѣщеній и высказали свои великія надежды, что съ помощью необыкновеннаго ума старца, всѣ три религіи могутъ воскреснуть и воцариться на землѣ. Старикъ, продолжая сидѣть, выслушалъ ихъ съ почтительнымъ вниманіемъ и отвѣтилъ:

— „Достославные мудрецы, ваше благоволеніе высоко, какъ небо, и глубоко, какъ море. Ваша цѣль велика и вѣрна; но выборъ вашъ палъ на слабаго и недостойнаго сподвижника. Правда, я изучалъ книги Разума и Закона, а также и завѣты древней мудрости. Правда и то, что я постигъ величіе ихъ въ отдѣльности и тайное сродство между ними... Но есть обстоятельство, невѣдомое вамъ, хотя, можетъ быть, вы его и замѣтили. *Только отъ головы и до груди я человекъ; нижняя же половина моего тѣла каменная. Я одаренъ способностью обсуждать обязанности людей со всѣхъ точекъ зрѣнія, но я такъ несчастно созданъ, что не въ состояніи примѣнить моихъ истинъ къ дѣлу“.*

Конфуцій, Лао-дзе и Будда глубоко вздохнули и навсегда отлетѣли къ небесамъ“.

Этотъ полукаменный старикъ символъ китайскаго духа. Чего же не хватаетъ ему, чтобы, какъ новозавѣтному паралитику, „встать и пойти“? Того-же, чего не хватаетъ и Китаю... Читатель, я думаю, что Китаю не хватаетъ *любви къ ближнему*, въ ея христіанскомъ значеніи. Приобщись онъ ея, и въ семьѣ народовъ возникнетъ новая культура, самобытная и мощная, съ печатью тысячелѣтняго опыта перенесенныхъ несчастій. А когда, какъ фениксъ изъ пепла, возродится эта удивительная страна, то и „традиціи золотаго вѣка“ засіяютъ вновь изъ подъ наноснаго манджурскаго пепла минувшихъ столѣтій. Въ этой любви къ ближнему вся сила и все исцѣленіе.

Всѣ перечисленныя мной отрицательныя стороны китайскаго духа ослабнутъ съ ея воцареніемъ. Смягчится жестокость и грубый эгоизмъ расы. Родительская власть вступитъ въ свои естественныя предѣлы, диктуемые сыновнимъ и родительскимъ чувствомъ. Женщина потеряетъ кличку „яту“ и станетъ тѣмъ, чѣмъ мы видимъ ее у насъ: другомъ, пособникомъ, ангеломъ-хранителемъ мужчины. Исчезнетъ и самая черная „тѣнь пагоды“ — обезличенность. Станутъ возможны отдѣльные личные характеры, во всемъ разнообразіи умственныхъ и нравствен-

ныхъ качествъ. Одна изъ любопытнѣйшихъ чертъ народнаго духа Китая состоитъ именно въ томъ, что усвоеніе матеріальныхъ благъ европейской культуры почти не вліяетъ на его нравственный обликъ. Наибольшія надежды можно возложить на цивилизующее вліяніе желѣзныхъ дорогъ почтовыхъ и телеграфныхъ сообщеній; но эти нововведенія подвигаются въ имперіи болѣе, чѣмъ туго. Особой энергіей отмѣчены шаги Китая лишь въ области военной науки. Наученный горькимъ опытомъ Тонкинской кампаніи, Китай строитъ теперь арсеналь за арсеналомъ; броненосецъ и магазинка тамъ уже давно не въ диковинку...

Но отсюда-ли «придетъ свѣтъ» для Китая?

И если не отсюда, то въ чемъ надежды истиннаго миссіонерства и правы-ли іезуиты, говорящіе что возрожденіе Китая лишь въ ихъ рукахъ?

Я не могу предложить лучшаго отвѣта на этотъ вопросъ, а равно и закончить эту лекцію, — какъ выписавъ слѣдующія слова изъ знаменитой рѣчи Друмонта (*изданіе Моск. Синодальной типографіи*) «Вспомните, миссіонеры, что если вы даже отдадите на сожженіе тѣла ваши, а любви не имѣете, — нѣтъ вамъ въ томъ никакой пользы, — никакой. Вы ничего не можете дать языческому міру выше того отсвѣта Божьей любви,

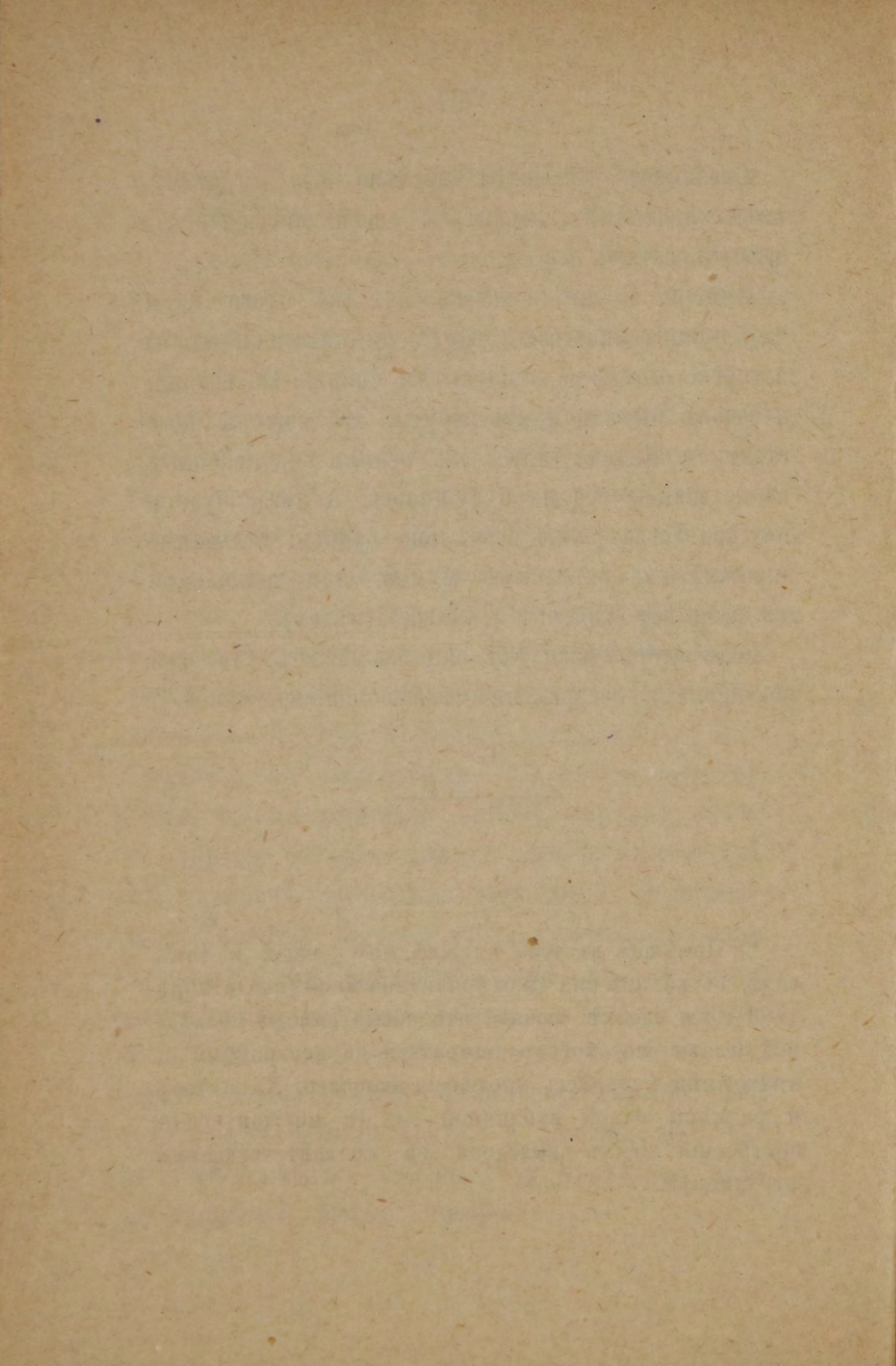
который лежит на вашихъ собственныхъ сердцахъ. Вамъ нужны годы, чтобы изучить китайскій языкъ или одно изъ нарѣчій Индіи; языкъ же любви, всѣми понимаемый, будетъ изливать свое безсознательное краснорѣчіе со дня вступленія вашего на берегъ языческой страны. Откровеніе истины—въ личности и характерѣ самого человѣка, а не въ словахъ и проповѣдяхъ его. Въ сердцѣ Африки, вблизи Великихъ Озеръ, я встрѣчалъ чернокожихъ людей, которые хорошо помнили единственнаго бѣлаго человѣка, посѣтившаго ихъ, Давида Ливингстона; и гдѣ-бы вы ни попали на слѣды его въ этой дикой странѣ,—вездѣ лица людей точно свѣтлѣютъ, когда они вспоминаютъ добраго доктора, гостившаго у нихъ столько лѣтъ тому назадъ. Они не понимали его рѣчи, но они понимали любовь, которой билось его сердце. Собираясь въ тѣ далекія страны, гдѣ, вы намѣрены работать и даже жизнь свою положить, возьмите съ собой этотъ простой талисманъ. и труды ваши принесутъ плодъ. Вы не можете взять съ собой ничего больше—и ничего меньше. Безъ этого не стоитъ пускаться въ путь. Вы можете обладать блестящими способностями, быть готовыми на всякія жертвы и лишенія, а любви не будете имѣть,—это ни дѣлу Христа, ни вамъ не принесетъ пользы. Никакой».

Сказанное относится всецѣло къ іезуитамъ, столь любящимъ гордиться своей миссіонерской дѣятельностью.

Имперія Китая выше королевства Могого, но и ему нужны апостолы, вродѣ Ливингстона, чтобы летаргія его не обратилась въ смерть. Въ исторіи народовъ бывали такія смерти. Это можетъ предстать и Китаю, какъ ни велики исчисленные выше шансы его на будущность. А тогда будетъ поздно. Тогда равно безцѣльно будетъ: гальванизировать-ли египетскую мумію, или призывать къ разцвѣту увядшій Чайный Цвѣтокъ.

Если этотъ разцвѣтъ еще возможенъ, то оныя обусловленъ своевременнымъ обновленіемъ корней *)

*) Помѣщая въ этой книжкѣ мою лекцію въ томъ видѣ, въ какомъ она была прочитана мной (въ Октябрѣ 1893 г.) я вполнѣ сознаю, что общіе выводы послѣдней главы не могутъ опираться на нестройный и ничтожный матеріалъ предшествовавшего. Характеръ и размѣры одной публичной лекціи не допустили построенія этихъ выводовъ на соответствующемъ фундаментѣ.

На парадномъ китайскомъ обѣдѣ.

(Страничка изъ кругосвѣтнаго плаванія).

Онъ былъ великолѣпнень, Луенъ-Чангъ, когда явился въ праздничномъ нарядѣ пригласить русскихъ офицеровъ на обѣдъ galâ, имѣвшій состояться въ чайномъ домѣ, что на берегу рѣки Минъ-дзинъ.

Но позвольте представить вамъ нашего посѣтителя: онъ служитъ въ одной изъ извѣстнѣйшихъ русскихъ чайныхъ фирмъ города Фу-чау-фу и носитъ названіе „компрадора“, т. е. поставщика и завѣдующаго китайскимъ персоналомъ рабочихъ. Это—factotum всякой фирмы; опытный компрадоръ—это сокровище въ глазахъ каждаго европейскаго чайнаго фабриканта. Содержаніе ему дается хорошее и смотрятъ сквозь пальцы на неизбѣжныя „хищенія“ съ его стороны, со-

знавая хорошо, что всякая ссора съ компрадоромъ, особенно въ случаѣ его смѣны, поведетъ къ неисчислимымъ убыткамъ.

Нашъ Луенъ-Чангъ стоитъ на высотѣ своего положенія; объ этомъ свидѣтельствуесть его гордый видъ, полный сознанія превосходства надъ окружающими. Это сознаніе сквозить въ каждомъ его словѣ и жестѣ, въ каждой складкѣ его шелковаго платя. Величіе Луенъ-Чанга несокрушимо: попробуйте сказать ему, что онъ служитъ европейцамъ.

— Да! отвѣтитъ онъ, — я приглашенъ „западными варварами“, но пусть попробуютъ они обойтись безъ меня: посмотримъ, что станется съ ихъ чайнымъ дѣломъ!

Сегодня, впрочемъ, полное лице Луенъ-Чанга озарено самой благосклонной и снисходительной улыбкой: онъ приглашаетъ „западныхъ варваровъ“ на парадный обѣдъ со всѣми атрибутами, какъ-то: фейерверкомъ, пѣвицами, танцовщицами, декламаторомъ, фокусникомъ и т. д. Это приглашеніе великій компрадоръ излагаетъ на англо-китайскомъ нарѣчьи, именуемомъ „пиджинъ“. Надо замѣтить, что даже гордые сыны Альбіона, въ разговорѣ съ китайцами, употребляютъ этотъ особый языкъ, имѣющій

свою грамматику и чуть ли не литературу*). Луенъ-Чангъ давно уже намекалъ намъ на свое намѣреніе, и потому оно было принято съ восторгомъ.

— Только, чтобъ пѣвицы были хорошенькія!—воскликнулъ молоденькій мичманъ Х.

— Онѣ изъ Нанкина, —отвѣчаетъ Луенъ-Чангъ, слегка обидѣвшись.

— А супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ будетъ?

— Я приглашаю васъ на „настоящій“ обѣдъ, возражаетъ компрадоръ, выражая понятіе „настоящій“ пиджинскимъ словомъ proper, а съ этимъ словомъ у китайца связано все, касающееся приличія и этикета. Рѣшено, что завтра, въ два часа дня мы соберемся на пристани, откуда, въ сопровожденіи великаго Луенъ-Чанга, отправимся къ назначенному мѣсту. Уходя, Луенъ-Чангъ оставляетъ на столѣ пригласительную карточку огромныхъ размѣровъ, краснаго цвѣта, съ четкими іероглифами.

На слѣдующій день мы были уже готовы отправиться, когда лейтенантъ К.

*) По крайней мѣрѣ, въ шанхайскихъ газетахъ мнѣ доводилось читать цѣлыя поэмы, написанныя на „пиджинѣ“. Всѣ наши чайные купцы на Востокѣ владѣютъ имъ въ совершенствѣ.

(побывавшій въ Китаѣ) сталъ о чемъ-то таинственно шептаться съ буфетчикомъ, и какой-то ящикъ былъ врученъ сопровождавшимъ насъ матросамъ.

— Увидите сами, — сказалъ онъ съ улыбкой въ отвѣтъ на нашъ безмолвный вопросъ, — будете мнѣ всѣ благодарны.

Яркое солнце заливаетъ городъ, раскинувшійся въ необозримую ширь и даль и пересѣкаемый широкой лентой Минъдзина, черезъ который построенъ длиннѣйшій каменный мостъ. Не успѣли мы перейти этого моста, какъ уже вступили въ районъ типичной городской жизни южнаго Китая. Улицы узки до невѣроятія и кишатъ народомъ. Обѣ стороны улицы соединяются прутьями или веревками, на которыхъ подвѣшаны разноцвѣтные фонари всѣхъ размѣровъ и всевозможныя вывѣски. О, эти вывѣски! Съ ними неразрывно связано воспоминаніе о Китаѣ; то это огромныя черныя лакированныя доски съ золотыми іероглифами поражающей величины; то, обратно, — вся доска вызолочена, а іероглифы черны; то, наконецъ, доска ярко-краснаго цвѣта.

Зловоніе, крики носильщиковъ, пестрота и уличный шумъ — дѣйствуютъ удручающе на нервы, и мы съ наслаж-

деніемъ выходимъ на площадь, примыкающую къ рѣкѣ, за которой высится причудливое строеніе чайнаго дома съ его приподнятыми кровлями крышъ. Пройдя нѣсколько дворишковъ, мы вступаемъ въ садъ, заслуживающій краткаго описанія. Кустамъ, искусно подстриженнымъ, придана форма всевозможныхъ звѣрей: тутъ и слоны, и верблюды, и козы; тутъ и различныя птицы: гуси, аисты, павлины.... Множество ручейковъ извиляется по саду съ безчисленными искусственными гротами и холмами, которые сообщаются гнутыми воздушными мостиками.

Пѣніе птицъ, журчаніе ручейковъ и шумъ каскадовъ, въ связи съ чистотой воздуха, напоеннаго ароматами цвѣтничковъ, — все это нѣжитъ душу и отгоняетъ воспоминаніе о только что видѣнномъ.

Поднимаюсь на высокій холмикъ, и предо мною разстилается чудный видъ: серебряная лента рѣки извиляется по необозримому городу; высокіе храмы и изящныя пагоды воюютъ съ облаками; далекія горы, съ разбросанными на нихъ монастырями, таютъ вдали, — и все это залито яркимъ солнечнымъ свѣтомъ. Весело смотрѣлъ я съ холма, прикованный чудной панорамой, и долго бы не сошелъ

съ него, если бы громъ пороховыхъ хлопучекъ и звуки китайскаго оркестра не возвѣстили о прибытіи нашего общества въ столовый залъ.

Залъ этотъ очень обширенъ и выходитъ въ садъ верандой. Вотъ и длинные столы, уставленные явствами и сервированные.

А вотъ и эстрада, на которой расположенъ цѣлый цвѣтникъ китайскихъ красавицъ, наряженныхъ въ яркіе шелковые кафтаны и съ музыкальными инструментами въ рукахъ. Это — пѣвицы; причудливы ихъ прически, украшенныя серебряными мечами и цѣлыми букетами металлическихъ цвѣтовъ; щедро разукрашенныя, онѣ съ любопытствомъ оглядываютъ вошедшихъ „западныхъ варваровъ“.

Прежде всего, Луенъ-Чангъ подводитъ насъ величественно къ столу, уставленному сладостями, до которыхъ китайцы страстные охотники. Мнѣ предлагаютъ засахаренный стебелекъ молодого бамбука, который я нахожу очень вкуснымъ лакомствомъ *). Злополучному мич-

*) По пріѣздѣ въ Петербургъ, я видѣлъ эти конфекты въ одной изъ главныхъ кондиторскихъ, какъ новинку, охотно покупаемую.

ману Х. достается кусочекъ поджаренной поросячьей кожи съ вареньемъ, и онъ мужественно съѣдаетъ его, рѣшившись заранѣе испробовать всего. Молодые красавицы, сойдя съ эстрады, обносятъ насъ по-очередно трубкой, изъ которой полагается совершить двѣ—три затяжки. Но вотъ раздается грохотъ хлопучекъ, и Луенъ-Чангъ приглашаетъ насъ къ большому обѣденному столу. Обѣдъ открывается слѣдующимъ образомъ: хозяинъ совершаетъ возліяніе вина, послѣ чего мы выпиваемъ теплое рисовое вино (китайцы никогда не пьютъ ничего холоднаго) изъ крошечныхъ кубковъ, величиной едва превосходящихъ наперстокъ. Вино на вкусъ непріятно, страшно крѣпко и чѣмъ-то надушено. Тотчасъ-же оркестръ начинаетъ невообразимую какофонію и безчисленные слуги снуютъ, разнося блюда; всѣхъ не перечислишь, но съ главными постараясь познакомить читателя. Луенъ-Чангъ намазываетъ намъ хлѣбъ чѣмъ-то чернымъ, въ родѣ сыра. Оказывается, что это яйца, сваренныя въ крутую и продержанныя въ землѣ два мѣсяца послѣ различныхъ процедуръ.

— Скажите, Луенъ-Чангъ, спрашиваетъ мичманъ Х., что дѣлаютъ въ Китаѣ съ молокомъ?

— Коровье молоко мы не пьемъ, а женское—многіе старики пьютъ для сохраненія здоровья,—отвѣчаетъ компаньонъ.

Но вотъ и прославленный супъ изъ ласточкиныхъ гнѣздъ, нарѣзанныхъ на ломтики и сваренныхъ; по вкусу это вполне напоминаетъ нашу визигу. Въмѣсто ложекъ и вилокъ, китайцы употребляютъ двѣ палочки, которыя они держатъ пальцами правой руки и пользуются ими съ изумительной ловкостью; ножи не нужны, такъ какъ здѣсь все подается нарѣзаннымъ.

Подаютъ акульи плавники съ крабовымъ соусомъ; это излюбленное кушанье стариковъ, въ виду особыхъ свойствъ, ему приписанныхъ.

Далѣе слѣдующія кушанья смѣняютъ одно другое: 1) жареные цыплята съ ветчиной, приправленные какими-то водорослями, 2) дикая утка съ капустой, 3) жареная рыба, 4) поросенокъ, сжаренный въ рисовой мукѣ, 5) вареные корни лиліи, 6) вареные стебли молодого бамбука, 7) вареные улитки, 8) жареный фазанъ, 9) грибной наваръ и проч., и проч. Каждая серія блюдъ отдѣляется отъ другой продолжительнымъ антрактомъ, втеченіе котораго красавицы, собираясь на эстрадѣ, поютъ хоромъ, раздаются грохотъ хлопучекъ и жгутъ

фейерверкъ на дворѣ; фокусникъ довольно ловко продѣлываетъ свои фокусы. Но вотъ выступилъ декламаторъ, и, сильно жестикулируя, рассказалъ очень длинную исторію; изъ отрывочныхъ поясненій Лу-енъ-Чанга я понялъ, что дѣло шло о волшебныхъ лисицахъ, при встрѣчѣ съ которыми человѣкъ вдругъ теряетъ память; завязка была необыкновенно сложна, но, повидимому, все окончилось ко всеобщему благополучію, судя по громкому смѣху и радостнымъ кликамъ толпы зрителей, тѣснившихся въ дверяхъ (часть же зрителей, не найдя мѣста, взобралась на крышу сосѣдняго дома). Пока пѣвицы не были заняты пѣніемъ, онѣ садились рядомъ съ каждымъ изъ гостей и усердно доливали чарочки виномъ.

Мичманъ Х. сидѣлъ съ края, окруженный тремя красавицами, съ которыми усердно любезничалъ на какомъ-то невозможномъ языкѣ. Припоминая иныя китайскія слова, какъ-то: „чинъ-чинъ, чифанъ, чопъ-чопъ, самъ-пью-чай, всякъ-меня-встрѣчай — и почитай“, онъ вызывалъ у своихъ слушательницъ неудержимый смѣхъ. Особенно смѣшило ихъ его неумѣніе ѣсть палочками.

Однако, острия пряныя блюда вызвали нестерпимую жажду, а китайскія вина были несносно дурны, — какъ, вдругъ, по

мановенію опытнаго лейтенанта К., столъ покрылся бокалами и стаканами, а пиво, мадера и шампанское зациркулировали между нами. Всѣ повеселѣли; даже великій компрадоръ, искусившійся въ цивилизаціи, выпилъ два бокала шампанскаго и, охмѣлѣвъ, сталъ чрезвычайно сообщительнымъ :

— Вы совсѣмъ не любезны съ вашей дамой ! крикнулъ онъ мнѣ.

Тутъ только обратилъ я вниманіе на свою сосѣдку. Еслибъ не толстый слой бѣлилъ и румянь, ее можно было бы назвать хорошенькой.

Устремивъ жадно глаза на декламатора, она вся была поглощена рассказомъ ; упоминаніе о коварныхъ лисицахъ заставляло ее вздрагивать отъ ужаса, а когда рассказъ окончился, восторгу ея не было предѣловъ. Я предложилъ ей шампанскаго, и оно было выпито съ очевиднымъ удовольствіемъ, но только что собрался я наполнить вторично ея кубокъ, — какъ, быстро вскочивъ, она вспорхнула на эстраду. Громкіе клики стали раздаваться въ толпѣ, требовавшей какую-то пѣсню.

Кивнувъ съ улыбкой, она исполнила solo романсъ, слова котораго привожу:

„Самый лучшій бутонъ не пахнетъ, пока
не разцвѣлъ,

Неотшлифованный камень не будетъ сіять;
 Какъ зима, сковавшая душистыя поля,
 Пережитое горе вернетъ жизни душистую
 свѣжесть,
 И свѣтлое будущее откроетъ свою дверь“...

Эта пѣсня была пропѣта необыкновенно тонкимъ голосомъ, походившимъ скорѣе на пискъ; такова высшая школа женскаго пѣнія въ Китаѣ.

Но вотъ и финаль обѣда—десертъ: соленый пуддингъ и засахаренная утка.

Къ концу обѣда, Луенъ-Чангъ окончательно разошелся.

— „Вы, европейцы, не умѣете ѣсть: вмѣсто палочекъ, вы употребляете какія-то рыбацьи остроги, которыми рискуешь проколотъ себѣ губы или лишиться глазъ. Ваши лакеи не даютъ себѣ труда очистить миндаль и орѣхи, а когда мнѣ довелось быть на обѣдѣ у англійскаго консула, то этотъ несчастный, въ присутствіи многочисленныхъ слугъ, самъ разрѣзалъ большой кусокъ мяса!..

Китайскій обѣдъ оказывается такимъ продолжительнымъ, что къ концу его наступила темнота. Но вотъ все кончено, и компрадоръ ведетъ насъ къ выходу чрезъ мрачныя залы, уставленныя диванами для курителей опиума.

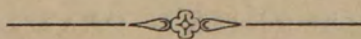
Садимся въ паланкины и велимъ нести себя къ дому русскаго консула.

Не буду описывать возвратнаго пути, хотя процессія наша съ фонарями представляла оригинальную картину. Вотъ мы и дома; любезная хозяйка встрѣтила насъ при входѣ въ изящный палаццо:

— Ну-съ, господа-мученики любознательности, милости просимъ подкрѣпить силы, а прежде всего—прошу къ закускѣ...“

Шутки и веселый смѣхъ не умолкали; каждый припоминалъ подмѣченный имъ курьезъ, въ особенности анекдотистъ нашъ, мичманъ Х.

Когда-же настала обѣда, то (да проститъ намъ великій Луенъ-Чангъ!), мы отдали ему честь.

Сорокъ семь могилъ.

Изъ очерковъ Японіи.

I.

— Азучи-Санъ, вы страшно спѣшите! скоро ли Шинагавскій вокзалъ?

— Вы забываете, Доливо-Санъ, что мы еще не проѣхали Козацу, а поѣздъ отходить въ шесть утра...

Мы въ центрѣ японской столицы Токио.

Знойное іюльское солнце только-что озарило необъятную массу низкихъ домовъ, однообразіе которыхъ кое-гдѣ нарушается высокими пагодами и закругленными крышами буддійскихъ храмовъ. Сѣрая масса домовъ сливается съ горизонтомъ, и конца нѣтъ этимъ извилистымъ улицамъ и переулкамъ. Неутомимые „джинрикши“ везутъ насъ уже битыхъ полтора часа.

Слово „джинрикша“ до такой степени сливается со всей обстановкой японской жизни, что позвольте посвятить васъ въ значеніе этого употребительнѣйшаго слова. Джинрикша—въ переводѣ „экипажъ, влекомый человѣкомъ“; это единственный способъ передвиженія въ городахъ, замѣняющій нашихъ извозчиковъ, коляски, кареты и проч. Ихъ насчитываютъ въ одномъ Токио болѣе 38.000. Это—двухколесный экипажикъ, влекомый возницей, бѣгущимъ впереди. Такса отъ 10 до 20 коп. за 2 1/2 мили. Изъ среды этихъ темныхъ труженниковъ вышло два человѣка (Мукобата и Китага), на долю которыхъ выпала незабвенная честь спасенія драгоценной жизни Наслѣдника Цесаревича въ маѣ 1891 г. въ г. Отсу.

По лѣтнему времени, костюмъ нашихъ возницъ почти прародительскій, что даетъ возможность просто залюбоваться на развитіе ихъ бронзовой мускулатуры. Кусокъ темно-синей матеріи съ бѣлымъ значкомъ на спинѣ, сандалии и круглая плоская шляпа формы опрокинутой тарелки,—вотъ вамъ и весь костюмъ джинрикши ¹⁾.

¹⁾ Иностранцы привыкли обозначать словомъ „джинрикша“ лично возницу, суживая данное выше значеніе этого слова; мы же, русскіе, сродняемся съ нимъ на столько, что даже склоняемъ его.

Добавьте къ этому вѣчно веселое лицо съ хитрыми узкими глазками, и вы получили представленіе объ этомъ своеобразномъ классѣ людей, наводняющихъ не только города и села Японіи, но и китайскіе центры до Сингапура (хотя правда, что въ Китаѣ джинрикши имѣютъ особую фѣзіономію, о которой какъ нибудь потомъ).

Азучи-Санъ ²⁾—мой спутникъ, японецъ новаго типа, хотя и съ гордостью относитъ свою фамилію къ эпохѣ Таира (временщиковъ I в. по Р. X.). Японская исторія, эта, можетъ быть, интереснѣйшая и поучительнѣйшая изъ всѣхъ исторій, создавала рядъ самыхъ удивительныхъ эпохъ. Начавшись въ предразсвѣтномъ туманѣ космологіи, міеологіи и народныхъ легендъ, она прошла чрезъ вѣка первыхъ завоеваній, патріархальнаго могущества микадо, страшнаго и мучительно долгаго феодалнаго періода, гордаго владычества шіогуновъ-собирателей и, при громѣ европейскихъ пушекъ, еще такъ недавно преклонилась снова передъ единой и священной властью микадо. Каждая такая эпоха выдвигала людей, отмѣченныхъ печатью то воинственнаго

²⁾ „Санъ“—означаетъ „господинъ“ или „госпожа“ и присоединяется къ имени въ разговорной рѣчи.

генія, то административнаго таланта, то, наконецъ обширнаго государственнаго ума.

Читая анналы японской исторіи, я представлялъ себѣ этихъ ужасныхъ владыкъ въ ихъ странномъ великолѣпнн, дѣятельность ихъ бывала по-истинѣ грандіозна. Какими кровавыми страницами записала исторія ихъ ненависть и ненасытное честолюбіе! Но зато какимъ блескомъ отдаетъ отъ другихъ страницъ, гдѣ выступали лучшія стороны японскаго народнаго духа!

Онъ—сынъ своего вѣка, но только совсѣмъ новаго; вѣка телефоновъ, желѣзныхъ дорогъ и кредитныхъ учрежденій; вѣка открытыхъ портовъ, конституціоннаго зуда, европейскихъ костюмовъ и всемогущей прессы. Мы говоримъ съ нимъ на чисѣйшемъ англійскомъ языкѣ, которому онъ обучился въ профессиональной Токійской академіи. Онъ только-что окончилъ ее по агрономическому отдѣлу и пользуется годовымъ отпускомъ. Приѣхавъ въ Иокогаму (портовой городъ японской столицы) по одному торговому дѣлу, онъ отправился со старушкой-матерью и „мусмэ“ (барышней), своей сестрой,—осмотрѣть русскій военный крейсеръ, стоявшій на рейдѣ.

Мнѣ довелось быть въ то время вахтеннымъ начальникомъ; принялъ я его со всей любезностью и показалъ судно, что было для меня тѣмъ легче и интереснѣе, что мой японскій посѣтитель владѣлъ свободно англійскимъ языкомъ.

Не было конца ахамъ и охамъ почтенной старушки и ея миловидной дочери — мусмэ.

Азучи очень обстоятельно разспрашивалъ меня и удивилъ своими познаніями по части судовой техники. Послѣ обзора, я угостилъ своихъ гостей чаемъ; за труды свои былъ награжденъ восхитительной улыбкой благодарной мусмэ и безконечными присѣданіями старушки. Азучи крѣпко пожалъ мнѣ руку при прощаньи и, сообщивъ свой адресъ, просилъ зайти при первомъ же съѣздѣ на берегъ.

Вотъ и начало моего знакомства, которое принесло мнѣ неисчислимыя выгоды и преимущества. Я сталъ часто заходить къ своимъ японскимъ друзьямъ и, если не заставалъ самого Азучи дома, то проводилъ цѣлые вечера, сидя на циновкѣ, всегда дѣвственно чистой (вслѣдствіе не только удивительной чистоплотности японцевъ, но и обычая ихъ оставлять башмаки у порога).

Нѣсколько мѣсяцевъ, проведенныхъ на Востокѣ, дали мнѣ возможность под-

держивать легкой разговоръ, избѣгая утонченныхъ „дегозаримасовъ“ (вѣжливостей, царящихъ въ японской рѣчи). Время, проведенное такимъ образомъ у „хибача“ (японскаго камелька), прошло незамѣтно.

Хорошенькая мусмэ, преодолевая обычную застѣнчивость, расспрашивала меня на какомъ-то невозможномъ англо-японскомъ нарѣчьи объ европейскихъ дамахъ, ихъ нарядахъ и образѣ жизни. Мое неумѣнье ѣсть при помощи палочекъ и обращаться съ японской трубкой вызывало съ ея стороны самый заразителный смѣхъ, обнаруживавшій ослѣпительно-бѣлые зубы.

Я быстро подружился съ молодымъ Азучи и скоро оцѣнилъ счастливый случай, сблизившій меня съ нимъ. Каждый японецъ любитъ и знаетъ свое прошлое, а Азучи въ особенности гордился своей родиной и былъ знатокомъ по части ея исторіи, литературы и религіи.

Когда, бывало, странствуя со мной по окрестностямъ, онъ остановится съ значительнымъ видомъ у какого-нибудь камня или развалины, то ужъ навѣрно знаетъ всю ихъ исторію. Безчисленныя легенды рассказывалъ мнѣ Азучи, и замѣчательна была его память и разнообраз-

разіе его повѣствованій. И что за патриотъ этотъ Азучи!

Помню одну бесѣду съ нимъ въ чайномъ домѣ, что у большаго Никскаго водопада. Азучи только что окончилъ свой рассказъ о дѣянiяхъ великаго Минамото и его сподвижниковъ.

Большое, красное солнце, скрываясь за горой Никко, озолотило окрестность. Синія горы, одѣтыя кедровыми лѣсами и уходившія въ небо, золотой каскадъ воды, разбивавшійся съ грохотомъ у нашихъ ногъ, далекій городъ, потонувшій въ долинѣ, закутанной фіолетовой мглой, — все это наводило общій тонъ мечтательной грусти, присущей закату, котораго не могли измѣнить даже профессиональныя весельчаки-обезьяны, строившія намъ съ вѣтокъ свои уморительныя гримасы!... Мечтательное раздумье овладѣло мной, при мысли о предстоящемъ отплытіи изъ Японіи.

— Слушайте, Азучи-Санъ, — сказалъ я своему другу, — когда я вернусь въ свою далекую родину, я буду много писать о Ниппонѣ (такъ называютъ японцы свое государство).

— Я давно подозрѣвалъ это, — засмѣялся Азучи, — вы частенько заставляли меня повторяться и все, по-репортерски, марали свою записную книжку.

— Впрочемъ, — добавилъ онъ задумчиво, — вы не будете оригинальны: о Ниппонѣ написано много, очень много... Лучше другихъ писали Гриффисъ, Чэмберленъ и Митфордъ. Вы знаете, что насъ бранятъ тѣ европейцы, которыхъ мы уволили отъ должностей, переставъ нуждаться въ ихъ услугахъ. Такихъ очень много; они долго жили у насъ, и знаніе нашихъ нравовъ даетъ большой вѣсъ ихъ книгамъ; а вы знаете китайскую поговорку: „бойся лжи, одѣтой въ правду“. Мало знакомы съ Ниппономъ у васъ въ Европѣ; вы знаете наши вѣера, бронзу, черепаху, ширмы, вышивки, вазы Сатцума и cloisonné, сервизъ (особенно во французской имитаци) и лаковые издѣлія; ваши офицеры и дипломатическіе чиновники знаютъ нашихъ портовыхъ мусмэ и иногда знаютъ толкъ въ нашихъ сабляхъ, — но кто, кто знакомъ съ исторіей ниппонскаго народа? А между тѣмъ, во всемъ мірѣ вы не назовете другаго народа, который 25 вѣковъ былъ бы вѣренъ одной династіи и не зналъ чужеземнаго ига! Что тутъ ваши европейскія книги; знайте, что истолкователемъ Японіи не будетъ чужеземецъ. Близокъ день, когда, устами своего геніальнаго писателя, Японія возьметъ на себя сама защиту японскаго народа. Кто по-

смѣетъ назвать насъ тогда безличными, какъ американецъ Лоуэль, или—обезьянами, какъ лейтенантъ французскаго флота Лоти? Какой уволенный таможенный чиновникъ, техникъ или іезуитъ осмѣлится клеветать на народъ, который будетъ всѣми признанъ великимъ?....

Мой японскій апологетъ никогда бы не кончилъ, еслибъ я не напомнилъ ему о ночной прохладѣ и о томъ, что почтенный Ками, хозяинъ чайнаго дома, не проститъ намъ простывшаго ужина.

II.

— Вотъ и Казацу, крикнулъ мнѣ Азучи, показывая бамбуковой тростью фундаментъ каменной кладки, на которомъ еще такъ недавно возвышалась гигантская вывѣска, защищенная крышей отъ непогодъ. На этой вывѣскѣ крупными и четкими китайскими іероглифами было начерчено проклятіе христіанской религіи и воззваніе къ ея искорененію. Вотъ нѣкоторые пункты :

„Вредная секта, именуемая христіанской, строго преслѣдуется. Всѣхъ подозрительныхъ лицъ немедленно сдавать подлежащимъ властямъ, за что выдается

награда“. Тамъ же слѣдующій пунктъ: „Всѣ люди обязаны блюсти правила пяти общественныхъ отношеній. Милосердіе да будетъ оказываемо вдовцамъ, вдовамъ, сиротамъ, бездѣтнымъ и больнымъ. Не должно совершать убійства, насилія и грабежа“.

Это центръ столицы; здѣсь главный узелъ всѣхъ дорогъ, и отъ моста, переброшеннаго черезъ каналъ, начинается широкая улица. Здѣсь все ярко, пестро и полно оживленія. Безчисленныя вывѣски, черныя, золотыя и краснаго лака; безконечныя, уходящія въ перспективу, ряды разноцвѣтныхъ фонарей; богатыя лавки шелковъ, вышивокъ, бамбуковыхъ издѣлій, дѣтскихъ игрушекъ и церковной утвари, — все это свидѣтельствуешь о томъ, что мы въ избранномъ кварталѣ. Хорошенькія мусмэ проворно перебѣгаютъ отъ лавки къ лавкѣ, громко стуча деревянными башмаками (на добрыхъ 2¹/₂ вершка отъ земли), въ поясахъ всѣхъ цвѣтовъ, оканчивающихся за спиной неизмѣннымъ пуфомъ, часто особенно большихъ размѣровъ.

Скромныя „онны“ (женщины) въ киримонахъ (халатахъ) темно синяго или коричневаго цвѣта, съ бѣлымъ фамильнымъ значкомъ на спинѣ, несутъ за спиной будущихъ гражданъ; старательно

выбритыя головки ихъ смотрять на насъ съ спокойнымъ удивленіемъ.

Свѣжія веселыя лица, покрякиванія носильщиковъ, звучные голоса ребятишекъ, яркія краски костюмовъ, — все это ликуетъ и смѣется въ яркихъ лучахъ іюльскаго солнца. Только тутъ и видна настоящая жизнь этихъ французовъ далекаго Востока.

Долго бы не оторвалъ глазъ отъ этой картины, еслибы не голосъ моего японскаго пріятеля:

— Фуджи! Фуджи! радостно восклицалъ онъ, показывая на гигантскій конусъ вулкана Фуджіяма.

„Фуджи! Фуджи!“ раздается веселый перекликъ, и все уличное населеніе обращается къ западу.

Здѣсь, читатель, я опять прошу отступленія.

Вы часто видѣли на японскихъ вазахъ, экранахъ, вѣерахъ, вышивкахъ, картинахъ, фонаряхъ и проч. всевозможныхъ предметахъ изображеніе коническаго вулкана, окруженнаго облаками. У японцевъ нѣтъ ничего популярнѣе этой горы. Тысячи стиховъ всѣхъ поэтовъ Японіи воспѣваютъ ее.

Высота ея 12.365 футъ; геологи считаютъ ее очень юнымъ вулканомъ; отсюда рѣдкая правильность формы. Фило-

логи спорятъ о значеніи ея названія: что то въ родѣ „безсмертная“, „несравненная“.... Иные, впрочемъ, думаютъ, что это слово айносовъ (аборигеновъ Японіи). Преданіе говоритъ, что 300 лѣтъ до Р. Х. эта гора внезапно поднялась изъ земли въ одну бурную ночь, давъ въ окрестностяхъ далекаго города Кіото образованіе огромному озеру Бива. Послѣднее изверженіе было 21 вѣкъ тому назадъ, и уже 160 лѣтъ никакихъ явленій не произошло, кромѣ частыхъ землетрясеній, говорящихъ о подземныхъ силахъ, способныхъ снова залить огненнымъ дождемъ пять плодоносныхъ провинцій.

Рѣдко воздухъ бываетъ такъ прозраченъ, чтобы изъ столицы Японіи можно было наблюдать этотъ вулканъ. Вотъ почему Азучи съ такой живостью обратилъ на Фуджи мое вниманіе.

— Я ничего не видалъ восхитительнѣе, воскликнулъ онъ,—какъ отраженіе Фуджи въ зеркальныхъ водахъ чудеснаго Хаконскаго озера! Кстати, вы знаете, что на вершинѣ Фуджи живетъ Зенгенъ, прекрасная богиня!

— Чѣмъ же завѣдуетъ она?

— О! она украшаетъ деревья цвѣтами. Вы развѣ забыли весенній праздникъ вишневыхъ цвѣтовъ, открываемый

японской императрицей? Иначе ее зовутъ Азамой.

— Это не та ли богиня-красавица, въ которую былъ такъ пламенно влюбленъ Итомаро, вашъ японскій Петрарка!

— Она самая; ей посвятилъ гимнъ лучшій нашъ композиторъ XVIII вѣка, Иацухаши. Но скоро и Шинагавскій вокзалъ; прощайтесь со столицей!

Оборачиваюсь назадъ; небольшой холмъ даритъ меня на прощанье чуднымъ видомъ необъятной столицы. Красные лакированные храмы точно вырядились по праздничному; высоко темнѣютъ среди набѣжавшихъ облаковъ оригинальныя пагоды; безчисленные каналы, то обмывая стѣны крѣпостнаго вала, то скрываясь подъ сѣнью множества мостовъ, извиваются по городу.

Площади, дворцы, богатыя зданія посольствъ завершаются необъятной зеленью парка Уэно, этой гордости японской столицы. А вотъ на видномъ холмѣ и нашъ православный соборъ... Но солнце очень высоко и жара усиливается; тонкій, царственный контуръ Фуджи точно таетъ... Фуджи достоинъ гимновъ, и хорошо назвалъ его ниппонскій народъ своимъ „богомъ-хранителемъ“; вѣчно памятенъ останется мнѣ его видъ — мечтательный, воздушно-прекрасный Фуджи!

Отплывая изъ Японіи къ коралловымъ островамъ далекой Полинезіи, я долго разсматривалъ въ трубу этотъ символическій обликъ, пока набѣжавшія облака не скрыли его изъ глазъ.

Іюльское солнце такъ и пышетъ; томительный зной пробрался въ канавы, и тоскливо тянутся большіе лотосы, раскрывая свои плоскія чашечки, эти буддійскіе символы возрожденія. Но вотъ и обычный вокзалъ. Это строеніе новое, уже опошленное и ничѣмъ не замѣчательное; не будь іероглифовъ и неизбѣжныхъ драконовъ по стѣнамъ, да японскаго персонала служащихъ,—не отличить его отъ европейскаго. Да и самъ персоналъ облаченъ въ пошлую синюю франко-германскую форму, и только на пуговицахъ вытисненъ японскій государственный гербъ (цвѣтокъ хризантемумъ, астра). Надписи же, несмотря на іероглифическую таинственность—все это противныя объявленія о мылѣ Pear'soap и Congo, о швейныхъ машинахъ и паровыхъ двигателяхъ!

Постройка желѣзныхъ дорогъ въ Японіи была вызвана не одними коммерческими побужденіями, но и стратегически; предстояло соединить двѣ столицы Токио и Киото. Въ 1872 г. уже были открыты дороги: Токио—Токагама, Кобе—

Осака и др. мелкія. Естественныя препятствія оказались чрезмѣрны; Японія— страна слишкомъ гористая; сегодняшній ручей послѣ завтрашняго дождя превращается въ бурный потокъ или рѣку, сносящую мосты и береговыя постройки. Инженерныя трудности недопустили постройки соединительнаго пути (Токио—Кіото) по Накасендо, что въ стратегическомъ отношеніи было важно, въ виду отдаленности отъ атаки съ океана; пришлось выбрать Токаидскую большую дорогу, идущую по узкой низменности, отдѣляющей Тихій океанъ отъ подножія горъ. Осенью 1891 г. было открыто движеніе на пространствѣ 1.675 миль. Въ 1893 г. будетъ открытъ нынѣ строящійся путь между Иококавой и Каруизавой (на пути отъ Токио къ Наоэцу) черезъ Узуйтогское ущелье съ крутымъ подъемомъ, причемъ изъ 5-ти миль три въ туннелѣ, и паровозъ (Abt) будетъ снабженъ зубчатымъ колесомъ для третьяго средняго рельса. Разлітіе японскихъ рѣкъ такъ значительно, что желѣзная дорога часто идетъ подводнымъ туннелемъ, Но какъ ни велики были техническія трудности, искусный и дешевый трудъ преодолѣлъ ихъ, и теперь желѣзнодорожное дѣло уже правильно поставлено въ Японіи. По завершеніи работъ, система путей пройдетъ

по странѣ отъ Аомори на крайнемъ сѣверѣ до Симоносеки (на юго-западѣ) съ 2-мя большими побочными вѣтвями къ плодоноснымъ провинціямъ запада, не считая мелкихъ путей на островахъ Кіусіу, Сикоку и Іезо.

Между тѣмъ азучи успѣлъ заpastись билетами,—и, сѣвъ въ вагонъ, мы вскорѣ понеслись вооль Іедскаго залива, чрезъ рисовыя поля и чайныя плантаціи къ цѣли нашей экскурсіи—Сенгакуджи.

Съ большимъ любопытствомъ я наблюдалъ за пассажирами. По турецки поджавъ ноги, сидѣли на продольныхъ диванахъ мусмэ, старушки, дѣти, взрослые японцы въ полугеурпейскихъ костюмахъ (иногда европейскій элементъ костюма состоялъ только въ котелкѣ). Не успѣли мы отѣхать, какъ уже насъ съ ласковыми улыбками угощали приторными конфектами изъ рисовой муки. Общая болтовня, шутки и смѣхъ сопровождались методическими постукиваніями японскихъ трубокъ о пепельницы, вдѣланныя въ полу вагона. Старикъ-японецъ въ огромныхъ мандаринскихъ очкахъ (размѣромъ въ ладонь) обратился было ко мнѣ, но сейчасъ-же сказалъ, усмѣхаясь:—„Гоме-насаимасе, анатао Іокогама токи вакари-масень!“ (т. е. простите, вѣдь вы не понимаете іокогамской рѣчи!). Дѣйствитель-

но, мои скудныя свѣдѣнія по японскому языку касались нагасакскаго нарѣчія, и потому я предоставилъ моему собесѣднику обращаться къ Азучи.

Что невольно обращаетъ на себя вниманіе въ Японіи, это утонченная любезность во взаимномъ обращеніи даже въ самыхъ низшихъ слояхъ. Конечно, это свидѣтельствуется о высокомъ развитіи общественности.

— Послушайте, обратился ко мнѣ Азучи,—передъ осмотромъ могиль у насъ въ распоряженіи много времени; не хотите ли выслушать отъ меня исторію сорока семи „ронинъ“.

Разумѣется, я пожелалъ, и Азучи рассказалъ мнѣ эту знаменитую эпопею, самую популярную въ Японіи; ее знаетъ тамъ каждый ребенокъ. Я слышалъ объ этой трагедіи и раньше, но безъ подробностей.

III.

Это было въ началѣ XVIII вѣка, когда микадо (императоръ Японіи) жилъ въ своемъ Кіотскомъ дворцѣ, въ полномъ удаленіи отъ дѣлъ государственнаго управленія.

Каждый день онъ надѣвалъ новое шелковое платье и ѣлъ изъ новаго драгоценнаго фарфороваго сервиза. Строгий этикетъ царилъ въ его обширномъ дворцѣ, и безчисленны были штаты придворныхъ кавалеровъ и дамъ, окружавшихъ его священную особу. Охоты, пиршества, литературные вечера и танцы наполняли его дни. Вы знаете, литература въ Японіи всегда находилась въ рукахъ женщинъ, которыя собственно и выработали то, что называется литературнымъ японскимъ языкомъ. Можно себѣ представить, какой цвѣтникъ талантливыхъ красавицъ окружалъ императора. Молодые принцы (сыновья микадо отъ женъ и фаворитокъ) состязались съ ними въ составленіи остроумныхъ эпиграммъ и изящныхъ мадригаловъ. Танцевальная наука имѣла тамъ свою академію.

А дворецъ микадо въ своихъ стѣнахъ вмѣщалъ добрую четверть города; тамъ были прекрасные сады съ искусственными гротами и озерами, изящныя лѣтнія палаццо и самые причудливые „чайные дома“, оглашаемые звуками музыки.

Но до стѣнъ этого обширнаго дворца не долетали тревожные звуки шумной государственной жизни. Толпы придворныхъ съумѣли уберечь отъ нихъ слухъ священнаго повелителя. А между тѣмъ,

за стѣнами, кипѣла дѣятельная жизнь, завоевывались отдаленныя провинціи, покорялось корейское королевство и удѣльные князья сражались за преобладаніе. Всѣми же государственными дѣлами управлялъ „шіогунъ“, т. е. генералиссимусъ. То былъ расцвѣтъ феодализма; въ подчиненіи шіогана находились удѣльные князья—„дайміо“. Титуль и права ихъ были наслѣдственны, хотя и не передавались обязательно старшему, но иногда и пріемышу.

Самурай—это воинствующая интеллигенція страны,—ядро японскаго народа. Каждый самурай получалъ отъ правительства наслѣдственную пенсію. Онъ имѣлъ право носить двѣ сабли и былъ свободенъ отъ податей. Понятія самурая о чести воспрещали ему работать: единственною обязанностью его было находиться неусыпно на стражѣ при крѣпости своего князя, состоять въ его свитѣ и являться въ торжественныхъ случаяхъ облаченнымъ въ парадные костюмы

Долги и проступки нерѣдко заставляли ихъ бѣжать отъ своихъ властителей и проводить жизнь въ скитаніяхъ. Такіе люди назывались „ронины“ (въ переводѣ —„волна-человѣкъ“). Всегда готовые къ кровопролитіямъ, они поставляли изъ своей среды заговорщиковъ и грабителей.

Бывали, впрочемъ, случаи, когда „рони-нами“ дѣлались честные люди по безкорыстнымъ мотивамъ, изгнанные по какимъ-либо частнымъ причинамъ.

Жилъ въ Японіи князь, по имени Такуми, владѣтель замка въ одной изъ провинцій. Случилось такъ, что микадо отправилъ къ шюгуну въ Еддо (столица) своего посла; для приѣма послѣдняго были назначены—Такуми и другой князь, Комей. Такое событіе, какъ приѣздъ императорскаго посла, сопровождалось большимъ церемоніаломъ, и обоимъ князьямъ пришлось изучить обряды у специально назначеннаго для этого важнаго сановника Кацуке.

Князья ежедневно отправлялись во дворецъ, гдѣ и выслушивали отъ Коцуке необходимые уроки. Надо сказать, что Коцуке былъ человекъ алчный и корыстолюбивый. Между тѣмъ, ему за его труды обоимъ князьямъ, согласно обычаю, надлежало поднести подарки. Сочтя предложенные ему дары малоцѣнными, онъ возненавидѣлъ обоихъ князей и, вмѣсто обученія, принялся надъ ними насмѣхаться.

Сдержанный и вѣрный своему долгу, Такуми терпѣливо сносилъ всѣ обиды, но

пылкѣй Комей рѣшилъ убить Коцуке. Вечеромъ, по окончаніи занятій во дворцѣ, онъ собралъ на совѣтъ довѣренныхъ лицъ своей свиты и сказалъ имъ :

— Коцуке оскорбилъ Такуми и меня во время ученья, и я рѣшилъ убить его на мѣстѣ; сдѣлавъ это въ предѣлахъ дворца, я не только погублю себя, но разорю семью и всѣхъ васъ,—я удержалъ свою руку. Все же этотъ негодяй не долженъ существовать, и завтра же, отправившись во дворецъ, я покончу съ нимъ. Такова моя неизмѣнная воля!

Говоря это, онъ дрожалъ отъ негодованія.

Одинъ изъ совѣтниковъ князя Комея былъ человекъ большаго ума, и, видя по лицу князя, что всѣ увѣщанія бесполезны, онъ сказалъ :

— Слова вашей свѣтлости законъ, а слуга вашъ сдѣлаетъ нужныя приготовленія и, если, по прибытіи вашей свѣтлости во дворецъ, Коцуке не опомнится,—пусть онъ умретъ.

Эти слова понравились князю, и онъ съ нетерпѣніемъ сталъ ждать разсвѣта, чтобы утромъ исполнить свое намѣреніе. Совѣтникъ вернулся домой, смущенный тревожными думами о князѣ, но тутъ пришло ему на умъ, что Коцуке извѣстный скупецъ, и что лучше пожертвовать круп-

ной суммой для спасенія князя. И вотъ, собравъ цѣнныя сокровища, онъ явился въ домъ Коцуке и сказалъ его свитѣ:

— Господинъ мой присылаетъ эти ничтожные дары въ благодарность за труды почтеннаго Коцуке и надѣются, что господинъ вашъ будетъ такъ снисходителенъ, что не откажется ихъ принять.

Съ этими словами, онъ передалъ тысячу серебряныхъ унцій для Коцуке и сто для его свиты. Когда обрадованные слуги донесли Коцуке объ этомъ, то онъ, призвавъ совѣтника, благодарилъ его и обѣщалъ обучить Комея всѣмъ тонкостямъ этикета.

На слѣдующее утро, ничего не подозревавшій князь Комей отправился торжественно во дворецъ. Къ его удивленію, Коцуке оказался неузнаваемъ.

— Вы рано пришли, князь, — мягко замѣтилъ онъ, — я не могу надивиться вашему усердію и буду имѣть честь обратиться ваше вниманіе на нѣкоторыя затрудненія въ церемоніалѣ. Кстати, прошу васъ извинить мнѣ мое прежнее поведеніе; я сознаю, что былъ рѣзокъ и раздражителенъ выше мѣры!

При такой перемѣнѣ въ обращеніи, сердце Комея смягчилось, и онъ отказался отъ намѣренія убить Коцуке. Такъ мудрый совѣтникъ спасъ своего князя.

Вскорѣ прибылъ и князь Такуми, не приславшій подарка.

Коцуке встрѣтилъ его съ бóльшимъ озлобленіемъ, чѣмъ когда-либо, и сталъ издѣваться надъ нимъ самымъ ядовитымъ образомъ. Но Такуми съ прежней твердостью переносилъ все и повиновался ему безпрекословно.

Это еще болѣе ожесточило Коцуке, и, наконецъ, онъ воскликнулъ надменно:

— Эй, князь Такуми! лента въ моемъ башмакѣ развязалась, соблаговолите ее завязать!

Такуми, преодолевая душившую его ярость, исполнилъ просимое.

Тогда Коцуке, отвернувшись, нагло крикнулъ ему:

— Что за неуклюжесть! Даже и этого не могли сдѣлать путно; видно, что изъ провинціи и ничего не смыслите въ столичныхъ вещахъ!

И съ оскорбительнымъ хохотомъ онъ направился во внутренніе покои.

Это было болѣе, чѣмъ Такуми могъ снести.

— Остановитесь! — крикнулъ онъ.

— Въ чемъ дѣло? спросилъ Коцуке, но едва обернулся, какъ Такуми, обнаживъ кинжалъ, ударилъ его въ голову.

Твердый край придворной шляпы спасъ Коцуке, отдѣлавшагося царапиной, и онъ

обратился въ бѣгство. Такуми, преслѣдуя его, нанесъ второй ударъ, но споткнувшись о колонну,—и на этотъ разъ неудачно. Подоспѣвшій начальникъ со стражей дали возможность Коцуке скрыться.

Князь Такуми былъ арестованъ и заключенъ въ одной изъ дворцовыхъ комнатъ. Былъ собранъ совѣтъ, и таковъ былъ его приговоръ :

„Даймио Такуми, совершившій насиліе и покушеніе на убійство, въ предѣлахъ дворца, присуждается къ „хара-кири“ (т. е. къ самоубійству, чрезъ вскрытіе живота).

Сказано—сдѣлано; князь Такуми совершилъ „хара-кири“, замокъ его былъ конфискованъ, а свита, превратившись въ *рониновъ*, частью перешла въ услуженіе къ другимъ князьямъ, частью обратилась въ купцовъ.

Таково, читатель, первое дѣйствіе знаменитой японской трагедіи; но вотъ и второе. Главный ея герой—Кураноске.

Это главный совѣтникъ князя Такуми, составившій съ 46 вѣрными подчиненными лигу отмщенія.

Дѣло въ томъ, что Кураноске отсутствовалъ во время происшедшей катастрофы, которая, будь она при князѣ, не имѣла бы мѣста: какъ мудрый совѣт-

никъ, онъ ублажилъ бы Коцуке подарками; замѣнявшій его въ то время совѣтникъ пренебрегъ этой мѣрой и тѣмъ погубилъ князя.

Итакъ Кураноске съ 46 товарищами стали обсуждать планъ отмщенія; препятствія оказались большія. Коцуке, женившись на дочери вліятельнаго князя, окружилъ себя полной недоступностью. Оставалось усыпить его бдительность, и вотъ, что они предприняли.

Раздѣлившись, они переодѣлись: кто плотникомъ, кто купцомъ, а вождь ихъ, Кураноске, отправился въ городъ Кіото и, поселившись тамъ, предался разгульной жизни, посѣщая вертепы пьянства и разврата, показывая тѣмъ, что отказался отъ всякихъ плановъ мести. Между тѣмъ, Коцуке, предполагая возможность заговора, послалъ тайно шпионовъ въ Кіото для наблюденія за Кураноске, который все велъ свою разгульную жизнь.

Однажды, возвращаясь домой изъ вертепа, онъ упалъ на улицѣ и заснулъ. Случилось, что по этой улицѣ шелъ одинъ сатцумскій житель и, увидя его лежащимъ, воскликнулъ:

— Развѣ это Кураноске, славный совѣтникъ князя Такуми! Нѣтъ, это ничтожный трусъ, не имѣвшій духа отмстить за своего князя и предпочитающій вести

разгульную жизнь! Презрѣнный, ты не достоинъ званія самурая!

И съ этими словами онъ плюнулъ ему въ лицо и оттолкнулъ ногой.

Когда шпіоны донесли объ этомъ Коцукѣ, то онъ возвеселился духомъ и ослабилъ надзоръ. Однажды, жена Кураноске, горько плача, сказала мужу:

— Господинъ мой, ты увѣрилъ меня вначалѣ, что твое пьянство лишь отводъ глазъ врагу. Но, право, ты уже заходишь черезъ-чуръ далеко. Я умоляю тебя—воздержись!

— Не говори мнѣ, отвѣтилъ тотъ угрюмо,—если мой образъ жизни тебѣ не по вкусу—я разведусь съ тобой, и иди, куда знаешь. То ли дѣло, куплю себѣ хорошенькую мусмэ изъ тайнаго дома и буду жить не съ такой старой, какъ ты.

Рыдая, упала она къ ногамъ своего повелителя.

— Сжался, я была тебѣ вѣрной женой двадцать лѣтъ, я—мать твоихъ дѣтей; въ болѣзни и горѣ я была съ тобой, и ты не прогонишь меня... Сжался!

— Довольно! крикнулъ онъ запальчиво,—рѣшеніе мое неизмѣнно; убирайся и бери, кстати, дѣтей! Они мнѣ только помѣха!

Всѣ мольбы и слезы оказались тщетны, и она ушла, уводя дѣтей; но старшій сынъ, Чикара, остался при отцѣ.

Когда объ этомъ происшествіи узналъ Коцуке, то радости его не было предѣловъ: человекъ, погразшій въ пьянствѣ, прогнавшій жену и взявшій наложницу, не могъ быть опаснымъ врагомъ.

И онъ пересталъ совсѣмъ заботиться о своей безопасности.

Между тѣмъ, товарищи Кураноске, поселившись въ Іеддо и занявъ мѣста плотниковъ и мастеровыхъ, съумѣли найти доступъ ко дворцу сановника Коцуке, а также ознакомиться съ расположеніемъ его покоевъ.

Обо всемъ этомъ извѣщался регулярно вѣрный Кураноске, и когда, по послѣднимъ извѣстіямъ, онъ убѣдился, что бдительность врага усыплена совершенно, то, собравъ пожитки, тайно перебрался въ столицу и, въ сообществѣ своихъ 46 подвижниковъ (въ томъ числѣ и сына своего, Чикара), сталъ ожидать благоприятнаго дня.

Приближался новый годъ, и суровая зима сковала природу.

Однажды, ночью, когда снѣгъ валилъ хлопьями и все мирное населеніе спало

глубокимъ своимъ, ронины, собравшись, рѣшили, что не будетъ благопріятнѣе времени для нападенія. Обязанности были отрого распредѣлены. Было рѣшено, что нападеніемъ со стороны главныхъ воротъ будетъ предводительствовать Кураноске, а съ тыла—вторая партія, подъ начальствомъ его 16-ти-лѣтняго сына Чикара. Барабанный бой, по командѣ Курандске, будетъ сигналомъ для одновременной атаки. Въ случаѣ убіенія врага (Коцукэ), по свистку всѣ соберутся и, удостовѣрившись въ его смерти, отнесутъ торжественно его голову къ храму Сенгакуджи, какъ искупительную жертву предъ могилой князя. Затѣмъ они донесутъ обо всѣмъ правительству и будутъ ждать своего смертнаго приговора.

Нападеніе было назначено въ полночь, послѣ чего они собрались въ послѣдній разъ на прощальное пиршество, такъ какъ неминуемая смерть ожидала ихъ завтра.

Послѣ ужина Кураноске, обратившись къ товарищамъ, сказалъ:

— Сегодня мы нападёмъ на нашего врага въ его дворцѣ; свита, конечно, будетъ его защищать и мы принуждены будемъ биться. Но ни одинъ старикъ, ни одна слабая женщина, ни одинъ беззащитный ребенокъ да не будутъ умерщвлены въ эту ночь!

Клики всеобщаго одобренія покрыли эту благородную рѣчь.

Въ условленный часъ ронины двинулись въ путь.

Ни вой свирѣпаго вѣтра, ни хлопья снѣга, засыпавшаго глаза, — не могли охладить ихъ сердце, громко бившихся въ надеждѣ близкой расплаты.

Достигнувъ дворца, они безъ труда овладѣли передовой стражей и, связавъ ее, потребовали ключей подъ страхомъ смерти. Испуганные стражники увѣряли, что ключи хранятся у офицера, и тогда, потерявъ терпѣніе, ронины однимъ ударомъ выломали большой деревянный засовъ, и главныя ворота открылись настежь. Въ тоже время Чикара со своимъ отрядомъ проникъ чрезъ заднія ворота.

Тогда Кураноске послалъ вѣстниковъ въ окрестные дома со слѣдующимъ объявленіемъ :

„Мы, ронины, бывшіе раньше въ служеніи князя Такуми, вступаемъ въ эту ночь во дворецъ Коцукэ, дабы отомстить за своего господина, и такъ какъ мы не воры и не грабители, то ничто не будетъ сдѣлано сосѣднимъ домамъ. Посему, спите спокойно!“.

Коцукэ былъ ненавидимъ за свою алчность, и потому никто не пожелалъ вмѣшиваться въ это дѣло. На случай,

еслибы кто-нибудь изъ свиты вздумалъ бѣжать за помощью къ родственникамъ, — Кураноске разставилъ по крышѣ десять опытныхъ стрѣлковъ изъ лука, дабы стрѣлять въ каждаго бѣгущаго.

Разсчитавъ и разставивъ людей, предводитель лично ударилъ въ барабанъ, и нападеніе началось.

Не вдаваясь въ подробности кровопролитной битвы, на которыхъ съ такою любовью останавливается японская хроника, — скажу, что свита защищалась съ храбростью, и только по трупамъ ея ронины отвоевывали комнату за комнатой.

Безъ потери одинаго человѣка, они справились съ вооруженной защитой. Но вотъ, среди кровопролитной рѣзни, раздается громкій голосъ Кураноске:

— Коцукэ нашъ единственный врагъ! Живой или мертвый онъ долженъ быть найденъ!

У дверей его спальни стоятъ трое часовыхъ, готовыхъ умереть. Уже не разъ оттѣсняли они нападающихъ, какъ опять Кураноске возвысилъ свой звучный голосъ:

— Дѣло отомщенія за дверьми. Помните ваши клятвы... Нѣтъ выше чести, какъ положить жизнь за своего повелителя! Впередъ, и если стража сильнѣе васъ—умрите!

Эти слова огнемъ разливаются по сердцамъ ратниковъ, и послѣдній оплотъ взять. Но, о, ужасъ! *Коцуке не отысканъ*. Уныніе и отчаяніе наполняютъ грудь побѣдителя. Неужели онъ бѣжалъ!... Но десять стрѣлковъ не даромъ стоятъ на крышѣ, не даромъ пронзаютъ они огненными очами ненастную ночь. Ужь не скрытъ ли онъ гдѣ-нибудь? Тревожныя думы омрачаютъ рониновъ...

— Сорвать эту картину! раздается громкій приказъ и его покрываетъ крикъ восторга: за сорванной картиной виднѣется проходъ въ послѣднее убѣжище врага. Но его нужно взять, и опять за-свистѣли сабли.

Послѣдняя кровь,—и цѣль въ рукахъ. Рѣзкій свистъ проносится по заламъ, и Коцуке, блѣдный и молящій о пощаду, окруженъ толпой мстителей.

Близко къ лицу его подноситъ фонарь старый Кураноске и торжественно говорить, отчеканивая каждое слово, громкимъ эхомъ откликающаеся въ пустынныхъ покояхъ дворца:

— Господинъ, мы слуги князя Такуми и мстимъ за его смерть, причиненную тобой; сознай нашу правоту и съ покорностью исполни надъ собой характеры, дабы мы взяли со смиреніемъ твою голову и отнесли въ Сенгакуджи!

Но, стиснувъ въ отчаяніи зубы, смертельно-блѣдный врагъ малодушно отказывается. Еще минута... и голова его, отхваченная тѣмъ же оружіемъ, которымъ умертвилъ себя князь Такуми, — въ рукахъ побѣдителей.

Унося ее съ собой, они старательно тушатъ огни, дабы отъ пожара не пострадали сосѣди.

Разсвѣтъ засталъ ихъ на пути въ Сенгакуджи.

Отовсюду стекался народъ и съ уваженіемъ глядѣлъ на этихъ мужественныхъ людей, облитыхъ кровью, — хваля ихъ за вѣрность.

Совершенное ими до такой степени согласовалось съ возрѣніями страны на честь „самурая“, что никто не препятствовалъ ихъ шествію. Когда они поровнялись съ дворцомъ могущественнаго принца Сендая, то этотъ благородный вельможа пригласилъ ихъ зайти и подкрѣпить пищей свои истощенныя силы.

Послѣ трапезы, на которую они охотно согласились, Кураноске сказалъ :

— Мы обязаны за честь и вниманіе, но, спѣша въ Сенгакуджи, должны васъ покинуть !

У самой цѣли встрѣтилъ ихъ главный монахъ и провелъ на могилу Такуми.

Здѣсь, бережно обмывъ голову Коцуке въ ручьѣ, они положили ее торжественно предъ могилой.

Тогда Кураноске, обращаясь къ монаху, сказалъ ;

— Когда мы всѣ сорокъ семь исполнимъ надъ собой хара-кири, — похороните насъ здѣсь по обрядамъ, и вотъ вамъ все, что у меня припасено на расходы.

Тронутый до слезъ монахъ обѣщалъ исполнить просимое, и тогда ровины стали спокойно ожидать своей участи.

Верховная палата въ Іеддо, устами главныхъ судей, изрекла приговоръ : „За то, что, въ противность закону, вы, не страшась наказанія, составили заговоръ и, вторгшись въ домъ сановника Коцуке, убили его, — надлежитъ вамъ совершить хара-кири“.

Приговоръ этотъ былъ въ точности исполненъ, и всѣ 47 героев безропотно встрѣтили смерть у подножія храма Сенгакуджи. Во вниманіе къ ихъ просьбѣ, они похоронены возлѣ могилы своего князя, и народъ толпами стекался на поклоненіе ихъ праху.

Трагедія окончена, но забыть еще сатцумскій житель, оскорбившій храбраго Кураноске, когда тотъ лежалъ на улицѣ города Кіото.

Прійдя теперь на его могилу, онъ, въ присутствіи многочисленной толпы, воскликнулъ :

— Видя тебя лежавшимъ въ опьяненіи на улицѣ далекаго Кіото, могъ ли я знать, что ты жилъ мыслью объ отмщеніи за гибель своего князя. Я надругался надъ тобой ; теперь прости мое невѣдѣніе и прими эту искупительную жертву за свое оскорбленіе.

Обнаживъ кинжалъ, онъ тутъ же совершилъ надъ собой хара-кири, и японскій народъ, чуткій и внимательный ко всему рыцарскому, похоронилъ этого человека возлѣ сорока семи чтимыхъ имъ могилъ.

IV.

— Сюда, сюда ! говорилъ Азучи, ведя меня тѣнистой рощей отъ Танакавской станціи къ цѣли нашей экскурсіи.

— Мы еще поспѣемъ до наступленія темноты ; мнѣ хочется показать не однѣ могилы, но еще кое-что.

— Что это за зданіе ? спросилъ я, указывая на зданіе, съ виду похожее на сарай.

— Туда-то мы и войдемъ сначала.

Онъ ввелъ меня въ обширную капеллу, примыкающую слѣва къ знаменитому храму Сенгакуджи.

Слѣпая морщинистая старушка, въ огромныхъ очкахъ, встрѣтила насъ съ обычными присѣданіями, усиленно втягивая въ себя воздухъ (чѣмъ выражается японская вѣжливость). Попавъ въ темноватый залъ, я остолбенѣлъ отъ изумленія.

Передо мной стояли всѣ сорокъ семь рониновъ, художественно сдѣланныхъ изъ дерева, въ своихъ національныхъ костюмахъ и каждый съ любимымъ оружіемъ въ рукахъ. Чудесно выполненная окраска довершала иллюзію, и лица ихъ были полны жизни и страстнаго одушевленія. Тутъ и молодежь, и старики; одному шичиджи-шичи (т. е. семьдесятъ семь лѣтъ), какъ сообщила наша старушка.

16-ти лѣтній Чикара, полный юношескаго энтузіазма, стоялъ возлѣ центральной фигуры Кураноске, главнаго героя ронинской трагедіи. Отыскалъ я и Сатцумскаго жителя, стоявшаго отдѣльно; всю же группу вѣнчала „Кван-инъ“, богиня милосердія. Я сразу узналъ ее; въ коллекціи священныхъ изображеній, собранныхъ мной, она фигурируетъ во всевозможныхъ моментахъ: то спасаетъ она джонку, погибающую въ волнахъ разъя

ренного тайфуна; то останавливаетъ неосторожнаго путника на краю пропасти въ суровую мятель; то посылаетъ дѣтей бездѣтнымъ родителямъ; то оберегаетъ отъ хищныхъ звѣрей.

Гдѣ-гдѣ только не является она со своей спасительной помощью. Оригинальна картинка, гдѣ, по ея велѣнію, ломается на куски сабля палача, уже занесенная надъ головой осужденнаго.

И любить ее японскій народъ, построившій ей огромный храмъ (Азакуза) въ центрѣ столицы; но объ этомъ потомъ, а теперь, налюбовавшись на скульптурныя изображенія рониновъ, я слѣдую дальше за ведущимъ меня Азучи. По выходѣ изъ капеллы, у тропинки, ведущей къ холму, вижу колодезь, обнесенный оградой и съ вывѣской на столбѣ. Предупредительный Азучи переводитъ мнѣ надпись:

„Въ этомъ колодезѣ была обмыта его голова; не должно мыть въ немъ рукъ или ногъ“.

Невольная дрожь пробѣгаетъ по мнѣ: такъ вотъ куда погрузили ронины голову сановника Коцуке...

Вотъ домикъ, гдѣ ветхій старичекъ продаетъ книжки и картинки. Не могъ удержаться, чтобъ не купить фарфоровое блюдечко съ изображеніемъ Кураноске.

Поднявшись выше, по аллеѣ величественныхъ кедровъ, мы приблизились къ каменной оградѣ, обнесенной вокругъ 47 могильныхъ камней.

Здѣсь покоятся герои, а подъ болѣе крупнымъ монументомъ, примыкающимъ къ нимъ, лежитъ прахъ князя, котораго они такъ горячо любили и за котораго съумѣли такъ умереть...

Поодаль покоится и Сатцумскій житель, искупившій свою невольную вину. Могилы расположены рядами и не всѣ одинаковой величины. Двѣ покрупнѣе стоятъ отдѣльно: это могилы Кураноске и его сына. Всѣ онѣ убраны свѣжими цвѣтами и зеленью; курительныя свѣчи разливаютъ ѳиміамъ, и неизмѣнныя каменные чашечки всегда полны водой.

Туть же, за металлической сѣткой, бросаютъ свои карточки несмѣтныя толпы богомольцевъ и посѣтителей.

Бонза (буддійскій священно-служитель) подходитъ ко мнѣ и протягиваетъ листочекъ бумаги и приборъ съ тушью.

Не напишу ли я что-нибудь?

„Привѣтъ далекаго чужестранца рыцарскому прошлому Японіи“.

И свернутая бумажка летитъ въ общую груду за сѣткой.

Солнце садится, и нужно спѣшить въ храмъ для осмотра реликвій. При содѣй-

ствіи Азучи, благочестивые бонзы показали намъ оружіе и гардеробъ 47 героев. Самой интересной реликвіей оказался манускриптъ, положенный 47 ронидами на могилу князя, вмѣстѣ съ головою врага.

Вотъ еще характерный эпизодъ:

Темный вагонъ, куда мы попали, былъ полонъ ребятишекъ, щебетавшихъ всю дорогу безъ умолку. Случись, что свѣтъ фонаря упалъ на небольшой предметъ, лежавшій у меня на колѣняхъ, а именно на купленное мною блюдечко на память о посѣщеніи рониновъ.

Какой-то шустрый мальчуганъ запримѣтилъ его и крикнулъ: „Кураноске“!

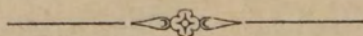
Это оказалось сигналомъ для общаго шума и гама; лица дѣтей вдругъ просіяли и оживились. Въ неумолкаемой болтовнѣ стали долетать до меня имена главныхъ героев эпопеи.

Я смотрѣлъ на эту юную Японію съ нѣжнымъ чувствомъ, и важныя мысли овладѣли мной.

Я думалъ объ этомъ странномъ народѣ, живущемъ своимъ прошлымъ, глубокимъ уваженіемъ къ древней чести и вѣрности, среди вихря чуждыхъ ему конституціонныхъ учрежденій, навязанныхъ вліяніемъ своекорыстныхъ временщиковъ, подъ громъ крупповскихъ орудій.

Громкій свистокъ прерываетъ мои размышленія, и мы вступаемъ въ освѣщенный вокзалъ столицы.

Я радъ своей поѣздкѣ и мило было слушать болтовню веселыхъ ребятъ. Домой я вернулся, невольво задумавшись.

Черная королева *).

(Набросокъ).

Въ далекой зулусской странѣ.

Утреннее солнце высоко поднялось и обливаетъ землю хотя и ранними, но уже неотразимо знойными лучами; вся окрестность напоена ими и какъ-бы притихла. Тихо въ пальмовыхъ и тамариндовыхъ рощахъ, населенныхъ попугаями и рѣзвыми павіанами; притихли и далекіе дремучіе лѣса съ ихъ стадами задумчивыхъ слоновъ. Штиль глубокій, ничѣмъ невозмутимый; синій куполь южнаго неба без-

*) Последнія событія въ области южно-африканской политики отозвались и на судьбѣ Лоренцо, но такъ какъ этотъ очеркъ представляетъ собою страничку изъ плаванія, то я помѣщаю его здѣсь безъ измѣненій, въ томъ видѣ въ какомъ онъ былъ напечатанъ, на французскомъ языкѣ, въ Journal de St.-Petersbourg, въ 1893 г.

падежно ясенъ и грозить наградить къ полдню невыносимой жарой.

Это очень радуетъ крокодиловъ, застывшихъ въ своемъ вѣчномъ созерцаніи на песчаныхъ берегахъ заснувшей рѣки; ихъ покой обезпеченъ, хотя и нарушается порой внезапными всплесками воды, причиняемыми ихъ грузными товарищами — гиппопотами.

Сюда-то, въ этотъ Богомъ забытый уголокъ, въ первый разъ за всю исторію флота, — зашелъ русскій военный крейсеръ.

Чуть-ли не мѣсяцъ мы шли сюда подъ парусами съ мыса Доброй Надежды, выдержавъ бурю у страшнаго Игольнаго мыса, въ постоянной борьбѣ съ противными вѣтрами и теченіями, — пока, наконецъ, не вошли въ обширный Делагобейскій заливъ; отсюда, по рѣкѣ Эспирито-Санто, крейсеръ дошелъ до упомянутаго захолустья, гдѣ и бросилъ якорь невдалекѣ отъ португальской факторіи Лоренцо-Маркезъ.

О, эта факторія! Подаренная Португаліи, вмѣстѣ съ заливомъ, еще макъмагонскимъ третейскимъ договоромъ, она граничитъ съ Южнымъ Мозамбикомъ и, какъ морской портъ Трансвааля, могла бы давно стать цвѣтущимъ городомъ. И, однако, нѣсколько домиковъ, почти уто-

нущихъ въ песокѣ, составляютъ все. Мѣстные патріоты давно уже издали подробный планъ будущаго Лоренцо, гдѣ показаны главныя улицы, площади, парки, монументы, памятникъ Васко-де-Гама и пр. и пр. Видя этотъ планъ, вы съ изумленіемъ спрашиваете себя: гдѣ въ этомъ ничтожномъ поселеніи хотя какіе-либо слѣды намѣченныхъ цѣлей и чѣмъ могъ-бы стать этотъ прекрасный портъ въ другихъ энергичныхъ рукахъ? Но не буду вдаваться въ разсужденія, отлагая ихъ до другого болѣе спеціального этюда, и возвращаюсь къ описанію.

Взоры офицеровъ, сигнальщиковъ и всего экипажа жадно устремляются на незнакомое зрѣлище черныхъ обнаженныхъ людей съ накинутыми на бедра леопардовыми шкурами, съ копьями, луками и стрѣлами въ рукахъ. Это—Каффри-Зулу, племени Аматонга; красивые и высокіе, они поражаютъ статностью сложенія и замѣчательнымъ развитіемъ мускулатуры. Знакомыя читателю особенности эфіопской расы, какъ-то курчавые волосы, сплюснутый носъ, огромныя губы и т. д.,—соединяются здѣсь съ общимъ и невольнымъ впечатлѣніемъ какой-то своеобразной красоты. Такова сила, хотя и дикой, но безусловной граціи, врожденной этимъ стройнымъ дикарямъ.

Португальцы никогда и нигдѣ не имѣли особеннаго цивилизующаго вліянія на туземцевъ, и потому неудивительно, что близость факторіи Лоренцо не отразилась на нашихъ дикаряхъ.

Нѣкоторые изъ нихъ, при отсутствіи леопардовыхъ шкуръ, обладаютъ прародительской наготой, защищая лишь одинъ небольшой районъ тѣла деревяннымъ приспособленіемъ отъ колючихъ кустарниковъ.

По выполненіи командиромъ установленныхъ формальностей, офицеры получаютъ право съѣзда на берегъ. Какъ фотографъ, я отпущенъ раньше, и, поручивъ несеніе фотографическаго аппарата одному юному каффру — направляюсь въ Лоренцо.

Первое впечатлѣніе не изъ пріятныхъ; ноги буквально тонутъ въ раскаленномъ пескѣ, и передвигаться очень трудно. Толпы дикарей назойливо окружаютъ меня, осматривая подробно съ ногъ до головы, громко крича и жестикулируя. Не теряя изъ глазъ аппарата, несомато торжественно чернымъ мальчуганомъ, — вступаю въ районъ факторіи.

Вотъ домъ губернатора съ маленькимъ садомъ и пальмовой аллеей, съ національнымъ флагомъ на шпицѣ. Миную его, и

по soi disant—главной улицѣ попадаю на площадь, усѣянную лавками.

Чего-чего здѣсь нѣтъ! Трудно сказать что разнообразнѣе — торговцы или товары: тутъ и негры, и мулаты, и креолы, и индусы съ Цейлона... Шумъ, крики, давка и суетня; на огромныхъ настилкахъ разложены шкуры леопардовъ, буйволловъ и обезьянъ, слоновые и бегемотовые клыки, пальмовыя циновки, подѣльные камни и бусы, съѣстные товары—и все это въ необыкновенномъ соудствѣ съ неожиданными представителями нѣмецкой бракованной мануфактуры. Ромъ, джинъ, и коньякъ играютъ въ числѣ товаровъ выдающуюся роль.

Оригинальны и покупатели, снующіе толпами по лавкамъ и одѣтые, кто въ простыню, кто въ звѣриную шкуру, кто вовсе безъ костюма. Если покупатель оказывается слишкомъ любопытнымъ, то продавецъ по просту прогоняетъ его палкой ко всеобщему наслажденію прочей публики, раздражающейся дикимъ хохотомъ.

Соблазнился и я на кое-что: купилъ леопардову шкуру, два клыка гиппопотама, для чего-то шкурочку обезьяны и нѣсколько бусъ туземнаго производства. Все, вѣдь, это—sigio, а sigio — магическое слово для каждаго морскаго офице-

ра: ну какъ не привезти домой чего-нибудь оригинальнаго, да еще изъ такого мѣста, гдѣ никогда не былъ ни одинъ русскій человѣкъ!

Минувя лавку брилліантовъ Оранжевой рѣки (и ужъ не потому-ли и оранжевой воды?) и, отпустивъ своего мальчугана, захожу въ лучшую мѣстную таверну. Хозяинъ встрѣчаетъ меня съ необыкновеннымъ радушіемъ и вводитъ въ просторный залъ.

Не успѣлъ я допить своего вермута, какъ громкій возгласъ: „да здравствуетъ Россія!“ шумно проносится по залу. Обращиваюсь и вижу нѣсколькихъ португальскихъ джентльменовъ въ полуформенныхъ одеждахъ, засѣдающихъ за отдѣльнымъ столомъ. Лица ихъ, загорѣлыя и довольно красивыя, сильно возбуждены виномъ и шумной бесѣдой. Одинъ изъ нихъ встаетъ съ мѣста и подходитъ ко мнѣ съ бокаломъ шампанскаго. На плохомъ французскомъ языкѣ онъ сообщаетъ мнѣ общее желаніе выпить за Россію вообще и пришедшій корабль въ частности.

— Мы сами не сторонники политическихъ тостовъ въ тавернѣ, --спѣшитъ онъ добавить, но русскій флагъ появляется здѣсь впервые; мы офицеры здѣшней милиціи, и такъ какъ здѣсь нѣтъ посторон-

нихъ лицъ, то примите нашъ искренній тость за процвѣтаніе величайшей и великодушнѣйшей изъ державъ!

Поблагодаривъ сердечно своихъ новыхъ пріятелей, я безъ труда свелъ дѣло на личную почву. Сидя въ кругу общительныхъ и симпатичныхъ офицеровъ, я подробно спрашивалъ ихъ о здѣшнемъ краѣ, торговлѣ, туземцахъ, возможномъ будущемъ Лоренцо, о послѣднихъ новостяхъ англо-португальскаго конфликта и т. д.

Вниманіе одного изъ офицеровъ привлекли мои шкуры и бусы; общій дружный смѣхъ привѣтствовалъ мою покупку.

— Если сеньоръ русскій офицеръ интересуется туземцами, — воскликнулъ Педро, хозяинъ таверны, — пусть онъ сегодня-же сдѣлаетъ визитъ королевѣ Амаатовъ!

— Но вѣдь это далеко и со мной apparatusъ, — возражаю я робко.

— Всѣ мои слуги и мулы къ услугамъ сеньора русскаго офицера, — побѣдоносно рѣшаетъ Педро мои затрудненія, и тайный восторгъ овладѣваетъ мной: я увижу настоящую африканскую королеву въ ея дворцѣ! Какъ будетъ завидовать мичманъ Х., этотъ любитель экстра-вагантныхъ экскурсій!

— Позволить-ли ея величество себя снять?—спрашиваю я, расширяя планы.

— О, безъ всякихъ сомнѣній! Не бойтесь, васъ не съѣдятъ.

Перевалило за полдень, и солнечный зной мучительно силенъ.

Привычные мулы едва двигаются въ глубокомъ пескѣ; мы приближаемся къ лѣсу, за которымъ неподалеку отъ рѣки расположена доревня кафровъ. Меня сопровождаютъ два проводника и мальчуганъ съ фотографическими принадлежностями. У опушки догналъ насъ верхомъ самъ достойный Педро.

— За тѣмъ лѣсомъ,—крикнулъ онъ мнѣ,—вы можете уже слышать по ночамъ рычаніе льва; оставайся вы подольше, мы соорудили-бы знатную охоту!

Не желая выступать изъ рамокъ фельетона, я миную описаніе здѣшной флоры, тѣмъ болѣе, что о тропической растительности писано много, и по сравненію съ мадагаскарской, я не нашелъ въ ней особаго богатства и разнообразія. Еще одинъ часъ, и мы у цѣли нашей экскурсіи.

Доревня состоитъ изъ многочисленныхъ шалашей, выложенныхъ прутьями и сухими листьями. Съ громкими крика-

ми окружаетъ насъ толпа аматонговъ; удивленіе свое они выражаютъ хохотомъ. Ярко блестятъ ахъ глаза и бѣлоснѣжные зубы; ярко лоснится на солнцѣ ихъ черная кожа, обильно смазанная кокосовымъ масломъ. Фигуры этихъ рослыхъ воиновъ, потрясающихъ копьями, внушали бы мнѣ страхъ, если-бы проводники не увѣрили меня въ ихъ дружелюбныхъ намѣреніяхъ.

— Гдѣ-же королева? нетерпѣливо освѣдомляюсь я.

Педро что-то втолковываетъ толпѣ; нѣсколько воиновъ бросаются бѣжать и чрезъ минуту возвращаются, громко крича и жестикулируя. Но вотъ появляется фигура, приводящая меня въ изумленіе: это—рослый аматонгъ, весь усыпанный бусами и амулетами, въ леопардовой шкурѣ и вооруженный *jusqu'aux dents*. Голова его украшена шлемомъ изъ черныхъ перьевъ невѣроятной величины; длинный ножъ и колчанъ со стрѣлами виситъ у пояса, а въ рукѣ онъ держитъ жезлъ, украшенный пучкомъ черныхъ перьевъ; величественнымъ жестомъ приглашаетъ онъ слѣдовать за нимъ. Толпа разступается, и я прохожу, мимо нѣсколькихъ шалашей, въ ограду изъ плетня. Нѣсколько черныхъ дамъ, въ костюмахъ Евы, стремительно пробѣгаютъ ми-

мо насъ. Вдругъ Педро, дергая меня за рукавъ, указываетъ на группу, сидящую у дерева, при самомъ входѣ въ хижину.

— Вотъ и королева! идемте къ ней прямо, и забудьте про стѣсненія; придворныя церемоніи здѣсь не въ ходу.

Да, онѣ совсѣмъ не въ ходу здѣсь, придворныя церемонія! Королева сидитъ на землѣ и наслаждается ананасомъ, держа его обѣими руками. Должно быть Педро говоритъ ей про меня что-нибудь лестное, такъ какъ она смотритъ съ благосклонной улыбкой и приглашаетъ меня сѣсть рядомъ. Приглашеніе это, впрочемъ, болѣе лестно, чѣмъ пріятно: запахъ кокосоваго масла невыносимо противенъ. Съ большимъ любопытствомъ разглядываю свою царственную сосѣдку. Цвѣтъ лица абсолютно черенъ; глаза большіе и сверкающіе, какъ у вороного коня (пусть правда сравненія искупить грубость!); нельзя отказать имъ въ нѣкоторой красотѣ. Волосы густы, курчавы и ничѣмъ не украшены. Ростомъ королева очень высока и сложеніе ея чрезвычайно стройно. Движенія медленны, величавы и не лишены какой то лѣнивой граціи. Кусокъ розовой матеріи ее опоясываетъ, составляя весь костюмъ, но бусы и амулеты безчисленны.

Педро сообщаетъ съ улыбкой, что королеву заинтересовали мои часы. Снявъ ихъ съ цѣпочкой, я передаю ихъ почтительно и, замѣтивъ, что одинъ изъ брелоковъ (башенька Эйфеля) очень понравился, прошу принять его въ даръ. Лицо королевы озаряется чрезвычайнымъ удовольствіемъ, и она милостиво протягиваетъ мнѣ недоѣденный ею ананасъ. Какъ ни высока такая честь, но не скрою, что тщеславіе мое сильно подавляется чувствомъ брезгливости. Но вотъ королева что-то приказываетъ одной изъ приближенныхъ фрейлинъ, и сцена наполняется толпой воиновъ въ парадныхъ костюмахъ. Махая копьями и испуская дикіе вопли, они начинаютъ кружиться вокругъ меня въ какой-то сатанинской пляскѣ, страшно сверкая глазами и искажая лица. Эта фантазмагорія продолжается долго, и по мѣрѣ ея продолженія одушевленіе воиновъ растетъ; невольный страхъ овладѣваетъ мной при видѣ этихъ разъяренныхъ танцоровъ; на память приходятъ знакомыя исторіи съ Беркомъ и Спикомъ, когда такія пляски внезапно превращались въ нападенія...

Но вотъ королева дѣлаетъ знакъ, и воины, внезапно оборвавъ танецъ, сгруппировываются вокругъ нея. Одинъ изъ нихъ беретъ музыкальный инструментъ,

гдѣ струной служить проволока, а резонаторомъ—скорлупа кокосоваго орѣха; другою начинаетъ размѣренно бить въ барабанъ. Ея величество медленно приподымается съ мѣста и съ той же лѣнливой граціей начинаетъ танцовать. Теперь она хороша, черная королева! Весь станъ ея такъ и дышетъ дикимъ и страстнымъ одушевленіемъ; глаза сверкаютъ, какъ два черныхъ солнца. Темпъ ускоренъ и всѣ принимаютъ громко кричать въ тактъ; теперь это не танецъ, а какой-то апоэозъ чувственности. Еще нѣскольکو минутъ и пляска окончена; королева подходитъ ко мнѣ, улыбаясь и протягивая амулетъ изъ бегемотовой кости.

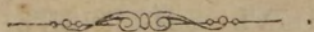
— Это за вашъ подарокъ,—шепчетъ Педро,—надѣньте это на себя. Внутренно смѣясь надъ полученнымъ орденомъ, исполняю требуемое и спѣшу воспользоваться рѣдкимъ случаемъ снять королевскую группу, что и удается съ полнымъ успѣхомъ, такъ какъ яркіе лучи солнца дозволяютъ моментальную съемку. Но пора и въ путь! за нѣскольکو шиллинговъ, розданныхъ толпѣ, нагружаютъ нашихъ муловъ цѣлымъ арсеналомъ туземнаго оружія для музея Императорскаго географическаго общества. Еще одинъ прощальный привѣтъ,—и я навсегда расстаюсь съ черной королевой.

Прошло три долгихъ года, и вотъ, какъ-то, уже по возвращеніи на родину, я случайно нашелъ въ шкатулкѣ амулетъ изъ бегемотовой кости; онъ лежалъ въ кучѣ всевозможныхъ бездѣлушекъ, но я сразу узналъ его, и мысли мои унеслись далеко. При видѣ его внезапно воскресла въ памяти далекая зулусская земля; вспомнился этотъ странный балъ подъ знойными лучами южнаго солнца; вспомнилась и черная королева... Гдѣ-то она теперь?

Африка не знаетъ юбилеевъ, и судьба маленькаго племени всегда гадательна въ водоворотѣ вѣчной междуусобной рѣзни.

РОКОВОЙ ОСТРОВЪ.

«Есть островъ на томъ океанѣ,
Пустынный и мрачный гранить;
На островѣ томъ есть могила,
А въ ней императоръ зарытъ».

«Британія! тебѣ принадлежитъ море. Но въ этомъ морѣ мало воды для того, чтобы смыть позоръ, который завѣщалъ тебѣ, умирая, великій мертвецъ. А вѣдь онъ былъ твоимъ гостемъ, онъ садился у очага твоего!... Долго, очень долго будутъ дѣти Франціи пѣть и говорить о страшномъ гостепріимствѣ «Беллерофона», и когда эти пѣсни, полныя насмѣшки и слезъ, проникнутъ за проливъ—вспыхнутъ яркимъ румянцемъ щеки всѣхъ честныхъ англичанъ!... И Святая Елена сдѣлается священнымъ мѣстомъ, куда народы запада и востока будутъ стекаться на поклоненіе на судахъ, изукрашенныхъ флагами,—и сердца ихъ окрѣпнутъ великимъ воспоминаніемъ о дѣяніяхъ великаго человѣка, пострадавшаго при Гудзонѣ Ло, какъ сказано въ писаніи Ла-Каза и Антомарка».

(Гейне, «Книга Ле-Гранъ»).

Роковой Островъ *)

(Страничка изъ кругосвѣтнаго плаванія).

I. Прибытіе.

Обогнувъ Огненную Землю, у мыса Горнъ, и отштор-
мовавъ у береговъ Патагоніи, мы выбѣжали въ
Атлантическій Океанъ, на встрѣчу юговосточному
пассату. Когда, наконецъ, этотъ желанный вѣтеръ
наполнилъ наши паруса, — слѣдующая альтер-
натива предстала предъ нами:

Св. Елена или Вознесеніе?

Если вы не морякъ, читатель, то позвольте
посвятить васъ въ смыслъ нашего затрудненія.

Дѣло въ томъ, парусное судно можетъ идти въ
сторону противную вѣтру, только при условіи
извѣстнаго угла между «курсомъ» (путемъ) и
направленіемъ вѣтра; иначе, чтобы понасть въ
желаемый портъ нужно «лавировать». Въ нашемъ

*) Помѣщено въ журналѣ «Вѣсти. Европы» въ те-
кущемъ году (въ сокращ. видѣ).

же случаѣ лавировка вдвойнѣ нежелательна: во первыхъ, это огромная потеря во времени, а во вторыхъ, типъ нашего корабля не допускаетъ лавировки сколько нибудь удачной.

Если же направленіе вѣтра не допуститъ зайти на островъ Св. Елены, придется взять сѣвернѣе т. е. на Вознесеніе. А это было бы такъ обидно! Островъ Вознесенія замѣчателенъ лишь особой породой исполинскихъ черепахъ, тогда какъ Св. Елена...

Стоитъ ли говорить, какъ пріятно попать ногами этотъ знаменитый островъ, послѣднюю темницу великаго Наполеона! Итакъ, вотъ альтернатива и главный сюжетъ нашихъ бесѣдъ и толковъ надъ картой. Вскорѣ, впрочемъ, вѣроятность зайти на Елену обратилась въ пріятную и несомнѣнную увѣренность.

По мѣрѣ приближенія къ экватору, солнце все выше и выше, и тропическій зной невыносимо силенъ, Темно-сафировый цвѣтъ волнъ, бѣлоснѣжная пѣна ихъ гребешковъ, чудный небесный куполь, опрокинувшійся надъ безпредѣльной океанской далью, — все это очень красиво.

Но на красотѣ этой лежитъ печать однообразія: каждый день все тѣ-же синія волны, тѣ-же бѣлые паруса, то-же небо съ кудрявыми пассатными облаками...

Вотъ только ночи: тѣ чарующе хороши. Тропики не знаютъ нашихъ зорь. Куполь неба темнѣетъ вдругъ, внезапно, и въ бездонной глубинѣ его загораются мириады сверкающихъ звѣздъ. Да и звѣзды эти не тѣ, что въ нашихъ прозаическихъ краяхъ. Большія, свѣтлыя, онѣ смотрятъ въ самую душу, неся въ нее неизъяснимое чувство примиренія. Далекѣ отлетаютъ отъ васъ подробности пережитаго дня, и, на единѣ съ этой ночью, вы перерождаетесь на минуту. И такъ хорошо становится у васъ на душѣ, точно вы и не жили до этихъ минутъ, точно вы и родились только для того, чтобы хоть разъ побывать въ ихъ сладкомъ плѣну...

«Берегъ!» кричитъ зоркій сигнальщикъ съ верхушки мачты.

«Берегъ! берегъ!» идетъ веселый перекликъ на палубѣ, и всѣ высыпаютъ наверхъ.

Сначала ничего не видно, но, по мѣрѣ приближенія, что-то обрисовывается въ предразвѣтномъ туманѣ, закрывшемъ горизонтъ. Штурманъ такъ и замеръ съ биноклемъ въ рукахъ, слегка дрожащихъ отъ невольнаго возбужденія.

— Пикъ Діаны! восклицаетъ онъ, обращаясь къ капитану, — позвольте мѣнять курсъ.

— Лѣво! больше лѣво! опять раздастся его голосъ, и онъ становится у главнаго компаса.

— Положено лѣво, кричить не своимъ голосомъ старшій рулевой.

Въ воздухѣ виситъ какое-то ликованіе.

Ни одного офицера не осталось внизу. Мостикъ, ютъ, даже полубакъ (передняя часть корабля) переполнены ихъ оживленными группами. Лица ихъ, еще недавно носившія печать томительной скуки, теперь полны одушевленія.

— Каково! восклицаетъ младшій штурманъ, — пересѣчь весь океанъ и придти въ желаемую точку. Не торжество ли науки?

— И замѣтите — подъ парусами, добавляетъ молоденькій мичманъ, не винтомъ вертѣли.

— Ну ужъ такъ вы и обойдетесь безъ винта, ѣдко возражаетъ незамѣтно подошедшій механикъ, и дружный смѣхъ покрываетъ его профессиональное негодованіе.

Торжество механика, однако, обеспечивается громкимъ возгласомъ съ мостика: «Старшаго механика къ командиру!»

Къ якорному мѣсту рѣшено идти подъ парами.

Вскорѣ клиперъ нашъ, убравъ паруса и дымя трубой, направилъ свой путь къ бухтѣ Св. Іакова.

Туманный абрисъ острова, незамѣтно выростая, становился рельефнѣе въ лучахъ восходящаго солнца. Я смотрѣлъ на него, не отрываясь. Такъ вотъ онъ, этотъ роковой островъ, воспѣтый поэтами всѣхъ странъ. Какъ бы вамъ описать его?

Это какой то застывшій взрывъ вулканическихъ силъ.

Нѣсколько сплотившихся скалъ, окружностью въ 28 миль, круто высятся надъ поверхностью океана, разбивающаго свои волны у ихъ подножія. Скалы эти, со стороны моря, лишены растительности, что придаетъ имъ видъ, хотя и пустынный, но не лишенный мрачнаго величія. Царственный узникъ, умершій тамъ, недаромъ называлъ этотъ островъ — *Isola Maladetta* («проклятый островъ»). Дѣйствительно, какая то печать проклятія лежитъ на этой гигантской скалѣ, поднявшейся со дна океана. Въ особенности поражаетъ Св. Елена, когда вы усматриваете издали ея темный высокій профиль, встающій надъ волнами мрачнымъ привидѣніемъ. Великій узникъ, если бы и пожелалъ, не могъ бы избрать себѣ болѣе достойной темницы.

Размышленія мои прерваны громкой командой вахтеннаго начальника: «Ундеръ-офицеры къ люкамъ! всѣхъ на верхъ на якорь становиться!»

Команда эта покрывается рѣзкими свистками дудокъ: «По-шелъ всѣ наверхъ на якорь становиться!» Всѣ, отъ мала до велика, выбѣгають наверхъ.

Клиперъ входитъ въ бухту Св. Іакова.

Рейдъ открытъ и обширенъ. Нѣсколько китоловныхъ шкунь стоятъ на якоряхъ, двѣ три лавируютъ вдали, ожидая возвращенія своихъ капитановъ, съѣхавшихъ на берегъ, Видъ съ рейда оригиналенъ и красивъ.

Двѣ скалы, громадныя и крутыя, стѣснившись, почти наваливъ другъ на друга, образовали глубокую лощину, въ которой приютился городокъ Джемстаунъ.

Лощина эта поката къ океану, что даетъ возможность видѣть съ рейда перспективу бѣлыхъ домиковъ, разбросанныхъ по ней и, частью, сгруппировавшихся въ городокъ.

Здѣсь видна зелень, пальмовая роща, сады, и глазъ съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этомъ тѣнистомъ уголкѣ.

Джемстаунъ типичный крѣпостной городъ добрыхъ старыхъ временъ; со стороны океана онъ кончается крѣпостью съ традиціонными воротами и рвомъ.

У подножія скалъ крупный песокъ, и набѣгающія волны прибоя, разбиваясь о прибрежные камни, громко шумятъ. Скала прилегающая къ городу и отвѣсно возвышающаяся надъ океаномъ, снабжена лѣстницею невѣроятной крутости и высоты; она ведетъ къ батарее Ладдер-гиль, расположенной на ея вершинѣ и командующей рейдомъ. Много другихъ батарей и фортвъ, частью заброшенныхъ, вы открываете, всматриваясь въ горы.

На взглядъ, островъ кажется грознымъ и неприступнымъ.

Клиперъ уменьшилъ ходъ; весело стучать якорныя цѣпи, и отваленный якорь, заплеснѣвшій отъ долгаго перехода, готовъ ринуться въ воду.

— «Изъ правой бухты вонь!» звучитъ команда старшаго офицера и эхомъ повторяется унтеръ-офицерами.

— От-дать я-корь!»

Якорь срывается въ воду и, съ грохотомъ увлекая за собой чугунную цѣпь, падаетъ въ грунтъ.

Мы на мѣстѣ.

II. Взглядъ на прошлое.

Послѣ Ватерлоо, всякая надежда была потеряна. Живя въ Рошфорѣ, Наполеонъ думалъ о послѣд-

немъ исходѣ—бѣгствѣ. Многочисленныя предложенія дѣлались ему ежедневно, но онъ не рѣшался, считая ихъ недостойными себя. Однако, надо было на что-нибудь рѣшиться: дальнѣйшее промедленіе могло стать роковымъ. Комендантъ Рошфора ясно намекалъ на это. Тогда Наполеонъ отплылъ на островъ Э; здѣсь продолжалъ онъ жить въ той же нерѣшительности, по прежнему отвергая мысль о тайномъ побѣгѣ. Но вотъ, настало 8 Юля 1815 г., и Людовикъ XVIII совершилъ триумфальный въездъ въ Тюльери; стало ясно, что и батареи острова Э не сегодня, завтра, перестанутъ защищать Наполеона, и тогда ему пришла въ голову мысль обратиться къ великодушію англичанъ. Въ ночь на 10 Юля Наполеонъ отправилъ графа Ла-Каза къ капитану англійскаго корабля «Беллерофонъ», крейсеровавшаго невдалекѣ. Капитанъ сослался на отсутствіе полномочій, и тогда Наполеонъ изъявилъ желаніе отправиться лично на «Беллерофонъ» въ Англію. Онъ былъ принятъ со всѣми почестями, и 17 Юля «Беллерофонъ» отплылъ въ Плимуть.

Вотъ текстъ письма, отправленнаго Наполеономъ на имя принца регента Англіи:

«Королевское Высочество! Въ борьбѣ съ партіями, раздирающими мою страну и съ ненавистью

величайшихъ державъ Европы, я окончилъ мое политическое поприще. КакъThemistocle, прихожу подъ кровъ британскаго народа. Предаюсь покровительству его законовъ, котораго требую отъ Вашего Королевскаго Высочества, какъ самаго могущественнаго и самаго великодушнаго изъ моихъ противниковъ».

Маленькій эпизодъ изъ жизни Наполеона на «Беллерофонъ».

Императоръ, однажды, остановился на палубѣ передъ карауломъ англійскихъ матросовъ, отдававшихъ ему честь. Онъ скомандовалъ имъ нѣсколько ружейныхъ приемовъ, и, когда приемъ «на руку» показался ему несогласнымъ съ французскимъ, то онъ прямо вошелъ въ ряды солдатъ, отведя рукой въ сторону ихъ штыки. Взявъ одно изъ ружей, онъ исполнилъ лично этотъ маневръ. Всѣ окружающіе смотрѣли на эту сцену съ невольнымъ изумленіемъ: картина, дѣйствительно, была знаменательна. Императоръ находился среди англійскихъ штыковъ, изъ которыхъ нѣкоторые касались его груди.

Минуемъ детали, на которыхъ съ любовью останавливаются мемуары Ла-Каза. 26 Іюля «Беллерофонъ» отдалъ якорь на Плимутскомъ рейдѣ. Здѣсь Наполеонъ долго ждалъ отвѣта на свое

письмо, уже обуреваемый мрачными предчувствиями.

Наконецъ, секретарь адмиралтейства, сэръ Генри Бёнбёри, явился на «Беллерофонъ» и прочелъ письмо лорда Мельвиля, гдѣ тотъ, называя Наполеона «генераломъ Бонапарте», объявляетъ ему рѣшеніе правительства отправить его въ пожизненное поселеніе на островъ Св. Елены.

Тогда Наполеонъ немедленно отправилъ начальнику эскадры Ламанша свой протестъ, гдѣ, въ самыхъ яркихъ выраженіяхъ, заявляетъ, что явился на палубу «Беллерофона», какъ гость британскаго народа.

«Если совершится объявленное мнѣ лордомъ адмиралтейства, писалъ онъ, то британская честь погибнетъ въ гостепріимствѣ «Беллерофона».

— Итакъ это было ловушкой! воскликнулъ Наполеонъ, обращаясь къ Бёнбёри. Я пріѣхалъ на «Беллерофонъ» также, какъ я вошелъ бы въ англійскій городъ: вѣдь корабль и городъ то же самое. Что же касается Св. Елены, то это мой смертный приговоръ... Я не могу прожить тамъ и трехъ мѣсяцевъ. Я привыкъ дѣлать по 20 миль въ сутки. Что будетъ со мной на этомъ маленькомъ утесѣ, на томъ концѣ свѣта? Нѣтъ лучше ссылка въ Ботани-бей... Да и что за польза въ

моей смерти? Я болѣе не государь. Кому могу я угрожать, живя частнымъ лицомъ въ Англіи и покоряясь ея законамъ? О зачѣмъ я предпочелъ англичанъ? зачѣмъ не отдался я моему тестю, австрійскому императору или русскому царю, моему личному другу? Мы повздорили съ нимъ, правда, изъ за того, что онъ хотѣлъ присоединить Польшу къ своимъ владѣніямъ, и моя популярность въ польской средѣ его стѣсняла. Но иначе, онъ былъ моимъ другомъ и не обошелся бы со мной такъ. Если ваше правительство поступить подобнымъ образомъ, то оно опозоритъ всѣхъ васъ, въ глазахъ Европы. Самый народъ вашъ осудитъ его. Вы не знаете, кромѣ того, что за впечатлѣніе произведетъ моя смерть во Франціи и въ Италіи. Эти обѣ страны высокаго мнѣнія объ Англіи; если же вы убьете меня, это мнѣніе падетъ, вмѣстѣ съ жизнью многихъ англичанъ. Кто принудилъ меня къ моему поступку? Вѣдь трехцвѣтное знамя еще развѣвалось въ Бордо, Нантѣ, Рошфорѣ. Даже армія еще не принесла новой присяги. Или, если бы я, наконецъ, пожелалъ скрыться во Франціи,—развѣ я не могъ бы жить долгіе годы въ средѣ народа, столь привязаннаго ко мнѣ? Помните, чѣмъ я былъ и что за мѣсто я занималъ среди монарховъ Европы. Этотъ до-

бывался моего покровительства, тотъ уступалъ мнѣ свою дочь, всѣ искали моеѣ дружбы. Я былъ признанъ императоромъ всѣми европейскими державами, исключая Великобританіи, но и она признала меня первымъ консуломъ. Ваше правительство не имѣетъ права называть меня *генераломъ Бонапарте*. Я — государь или первый консулъ, и желаю соответственнаго обращенія. Когда я жилъ на Эльбѣ, я былъ на этомъ островѣ такимъ же государемъ, какъ и Людовикъ XVIII во Франціи. У насъ были, у каждаго, свои знамена, свои корабли и войска. Мои, правда, были невелики; я имѣлъ батальонъ изъ шести сотень солдатъ, а онъ — двѣсти тысячъ. Я сразился съ нимъ. Я побѣдилъ его и лишилъ трона. Отсюда не слѣдуетъ, что меня можно лишить моего титула.

Наполеонъ окончилъ, сказавъ:

— «Нѣтъ! нѣтъ! я не желаю отправляться на Св. Елену. Я не геркулесъ, но вы не отвезете меня туда. Я предпочитаю смерть здѣсь же, Вы нашли меня свободнымъ, отпустите же меня обратно, или же не мѣшайте мнѣ уѣхать въ Америку.

Однако, участь Наполеона была рѣшена, и «Беллерофонъ» снялся съ якоря для слѣдованія въ Стартъ-Пойнтъ, на соединеніе съ кораблемъ

«Нортумберлэндъ», болѣе новымъ и крѣпкимъ, на которомъ и должно было состояться отплытіе на Елену. Протестъ свой Наполеонъ подписалъ такъ: «на Беллерофонѣ, въ морѣ, Наполеонъ».

8-го августа 1815 г. «Нортумберлэндъ» снялся съ якоря для слѣдованія на Св. Елену; при Наполеонѣ назначенъ былъ состоять адмиралъ Кокбернъ. Въ свитѣ, добровольно послѣдовавшей за нимъ, находились: графы Бертранъ и Монтолонъ съ семействами, баронъ Гурго и графъ Ла-Казъ.

Когда корабль огибалъ мысъ Ла-Гогъ, императоръ вышелъ на мостикъ взглянуть въ послѣдній разъ на французскіе берега. Въ знакъ прощальнаго привѣта; онъ протянулъ къ нимъ руки и воскликнулъ въ глубокомъ волненіи: «Прощай земля храбрецовъ! Нѣсколькими измѣнниками меньше, и ты была бы владычицей міра!»

15-го августа праздновался на «Нортумберлендѣ» день рожденія Наполеона; 18-го былъ пройденъ мысъ С. Винцентъ, 19-го Гибралтарскій проливъ. Остановка у Мадейры сопровождалась страшнымъ вихремъ (*sirocco levante*), опустошившимъ виноградники; это явленіе, суевѣрное населеніе приписало присутствію императора. 27-го были пройдены Канарскіе острова, а 1-го сентября «Нортумберлэндъ» прошелъ передъ островами Зе-

ленаго Мыса. 23-го сентября былъ пересѣченъ экваторъ, и состоялся обычный морской праздникъ Нептуна. Наконецъ, въ воскресенье 15-го октября, черезъ 70 дней по отплытіи, Наполеонъ увидѣлъ о. Св. Елены.

О домѣ, гдѣ поселили великаго плѣнника, будетъ сказано ниже.

Патрули не допускали никого въ Лонгвудскую резиденцію, безъ разрѣшенія губернатора. Весь островъ былъ усѣянъ дозорными, и два фрегата постоянно крейсеровали на навѣтренной и подвѣтренной сторонахъ острова. Кордонъ часовыхъ и пикетовъ стягивался кольцомъ вокругъ дома съ наступленіемъ темноты, и, послѣ 9 ч. веч., императоръ не имѣлъ права выходить, безъ сопровожденія офицера. Наполеона очень стѣсняло это обиліе стражи, но онъ самъ призналъ эту мѣру необходимой. «Пока человѣкъ живъ, — говорилъ онъ, всегда будетъ основаніе опасаться, что онъ убѣжитъ; единственное средство избѣжать этого, — это умертвить меня. Только мертвые не возвращаются. Я не имѣю намѣренія бѣжать, хотя я не давалъ слова отказаться отъ этой попытки и никогда его не дамъ; это значило бы признать себя плѣнникомъ, чего я не сдѣлаю никогда.» Наполеонъ спалъ, вообще, мало и вставалъ въ

разное время. Въ хорошую погоду, онъ ѣздилъ верхомъ съ однимъ изъ своихъ генераловъ.

Сонъ его требовалъ абсолютной темноты, и приходилось затворять все ставни и затыкать щели. Послѣ завтрака онъ диктовалъ мемуары кому нибудь изъ свиты. Въ 2 или 3 ч. пополудни принималъ иногда визиты, отъ 4 — 5 ч. — прогулка; затѣмъ чтеніе или диктовка до 8 ч., когда подавался обѣдъ. Вечеромъ, Наполеонъ игралъ въ вистъ или шахматы, читалъ вслухъ (Корнеля и друг.) и разговаривалъ съ дамами. Въ 10 или 11 ч. онъ ложился спать.

Губернаторъ острова, сэръ Гудзонъ Лоу, сдѣлалъ оффиціальнѣйшій визитъ императору; но былъ принятъ очень холодно. Этотъ визитъ произвелъ на Наполеона тягостное впечатлѣніе, и онъ пересталъ принимать сэра Лоу. Въ отместку за это, послѣдній ограничилъ ему выдачу жизненныхъ припасовъ, которые можно было получать только чрезъ губернатора, ввиду бѣдности населенія и необработанности острова. Унизительные раздоры длились цѣлые года о числѣ бутылокъ вина и фунтовъ мяса и о числѣ птицъ, которыя отпускались для стола Наполеона!

Однажды, въ нервномъ возбужденіи, Наполеонъ воскликнулъ:

— Я сказалъ ему, что если онъ желаетъ, то легко можетъ отдѣлаться отъ меня, подославъ кого-нибудь насильно войти въ мою комнату. Я убью перваго вошедшаго; меня пусть казнятъ, и онъ можетъ написать своему правительству, что Бонапарте убить во время драки. Я сказалъ ему оставить меня въ покоѣ и не мучить своими визитами. Я видѣлъ пруссаковъ, татаръ, казаковъ и калмыковъ, но никогда, въ моей жизни, я не видѣлъ такого уродливаго и отвратительнаго человѣка; у него печать преступленія на лицѣ.

Въ другой разъ онъ сказалъ:

— Я никогда не видалъ болѣе ужасной фигуры; онъ сидѣлъ на стулѣ противъ моего дивана; чашка кофе стояла на столѣ между нами. Его лицо произвело на меня странное впечатлѣнiе: мнѣ показалось, что его взгляды отравили мой кофе, и я велѣлъ Маршану вылить его за окно; я не вышилъ бы его низачто на свѣтѣ!

Губернаторъ постоянно ворчалъ, что французы капризничаютъ и, вмѣсто благодарности, выражаютъ вѣчное недовольство.

Придирчивость его къ Наполеону росла съ каждымъ днемъ. Графъ Ла-Казъ былъ высланъ на родину. Однажды, сэръ Лоу передалъ врачу Наполеона слѣдующую книгу: «Исторія многихъ

ничтожныхъ людей всѣхъ націй, самозванно принимавшихъ на себя титулы императоровъ, королей и принцевъ». — «Вы хорошо сдѣлаете, сказалъ онъ, — если вручите ее генералу Бонапарте; можетъ быть, онъ найдетъ въ ней характеры, подобные своему».

Есть итальянская пословица: *il tempo é galantuomo* (время — честный человекъ), и, въ глазахъ потомства, сэръ Гудзонъ Лоу покрылъ себя вѣчнымъ позоромъ за это преслѣдованіе великаго человекѣка въ несчастіи.

Грустно отвѣтилъ Наполеонъ на поздравленіе его съ новымъ 1817 годомъ. Онъ выразилъ надежду, что произойдетъ что-нибудь благоприятное.

— Я, можетъ быть, умру, — добавилъ онъ, улыбаясь; мнѣ не можетъ быть хуже, чѣмъ теперь.

Съ 1821 г. Наполеонъ сильно занемогъ; 22-го января онъ почувствовалъ себя лучше и, въ послѣдній разъ, сѣлъ на коня. Но болѣзнь усилилась и приняла острый оборотъ. Англійскихъ медиковъ Наполеонъ не допускалъ; онъ просилъ также, чтобы, по смерти, тѣло его было бы непременно вскрыто *безъ участія англійскихъ врачей*. Какое-то темное подозрѣніе поселилось въ

его умѣ; онъ просилъ обратить особенное вниманіе, при вскрытіи тѣла, на осмотръ желудка.

5-го мая 1821 г., въ бурный ненастный день, въ 6 ч. пополудни, Наполеонъ умеръ. Еще находясь въ забытіи, онъ повторялъ невнятные слова, изъ которыхъ можно было слышать только: «tête...armée.»

Вскрытіе обнаружило ракъ желудка.

Таковъ бѣглый обзоръ послѣднихъ событій въ жизни Наполеона,

Недавно появившаяся книга Леви (Napoléon Intime) рисуетъ этого человѣка, со стороны его внутренняго міра; она характеризуетъ его, какъ сына, брата, любовника, мужа, семьянина; какъ офицера, полководца, законодателя и императора. Въ истолкованіи Леви, Наполеонъ представляется чистѣйшимъ продуктомъ средняго сословія, «буржуазіи», въ ея настоящемъ общественномъ смыслѣ. Въ талантливомъ изложеніи, Леви постепенно освобождаетъ предъ нами фигуру этого замѣчательнаго человѣка отъ легендарнаго тумана, и мы видимъ его передъ собой такимъ, какимъ онъ и былъ, вѣроятно, въ дѣйствительности. Но, снимая съ него излишній ореолъ, Леви, въ то же время, тонко и искусно разбиваетъ многія обвиненія, воздвигнутыя противъ Наполеона. Эту адвокатуру

онъ заключаетъ въ послѣдней главѣ слѣдующимъ соображеніемъ: какъ бы ни повернулась грядущая исторія Франціи, какія бы опасности ни стали ей угрожать, — отрадно и успокоительно думать, что въ средѣ незамѣтныхъ офицеровъ ея арміи, часто вовсе безвѣстныхъ, возможны люди, способные проявить, въ ураганѣ событій, дѣятельность титаническихъ размѣровъ.

Возможны типы, про которыхъ еще древній Плутархъ сказалъ въ своихъ «Жизнеописаніяхъ»: «по правдѣ сказать, я не играю на псалтеріонѣ и не сумѣю настроить лиру, но пусть дадутъ мнѣ городъ, глухой и ничтожный, и я доставлю ему, въ короткое время, величіе и извѣстность!»

III. Экскурсія на могилу Наполеона. — Его домъ.

Отстоявъ ночную вахту и освободившись на цѣлый день, я собираюсь съѣхать на берегъ. Несмотря на раннее утро, солнце беспощадно палитъ; мало спасаетъ даже самый воздушный костюмъ и неизмѣнная тропическая каска съ отверстіемъ наверху.

Мѣрные взмахи весель приближаютъ насъ къ берегу.

Нужно провести нѣсколько недѣль въ морѣ, чтобы понять то блаженное чувство, которое ощущаешь, вырвавшись изъ судовой клѣтки и сидя въ шлюпкѣ, летящей къ берегу.

Но вотъ и пристань. Океанское волненіе, хотя и вполнѣ ослабленное, не допускаетъ комфортабельнаго приставанія. Нужно ловить моментъ и быстро выскакивать на пристань, когда волна подброситъ нашу шлюпку кверху. Не обходится и безъ неудачъ, и тогда опять жди этого момента.

Мы на берегу; пріятно почувствовать подъ ногами уже не качающуюся палубу, а настоящую твердую землю. Веселье, чисто дѣтское, охватываетъ васъ, и, наэлектризованные имъ, вы готовы побѣжать, попрыгать... Все представляется въ забавномъ свѣтѣ. А тутъ еще живая карриатура ждетъ насъ на пристани.

Толпа негритянокъ, разряженныхъ въ чопорныя европейскія платья, съ любопытствомъ озираетъ чужеземцевъ. Ну какъ не расхохочешься, смотря на ихъ черныя блестящія лица, толстыя губы, курчавые волосы и глаза на выкатъ. Вообразите такое существо, одѣтое по всеѣмъ правиламъ

англійской моды. Я видѣлъ негровъ среди ихъ родной обстановки; обнаженные, съ леопардовыми шкурами на бедрахъ, съ копьями и щитами въ рукахъ, — они производили впечатлѣніе, хотя и дикой, но безусловной граціи, даже и красоты, если хотите. Но здѣсь, въ цилиндрахъ и дамскихъ шляпкахъ, это такія каррикатуры, что невольно разсмѣшать самаго угрюмаго мизантропа.

Толпа разнообразнаго люда тѣснится у пристани. Составъ ея самый разнохарактерный, «смѣсь возрастовъ, цвѣтовъ и состояній;» тутъ и ребятишки смѣшанной расы, тутъ и степенные съ виду джентльмены, и нищіе, и дамы, и старики.

Пройдя черезъ крѣпостныя ворота, мы вступили въ городъ Джемстаунъ. Не успѣли пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ высокій господинъ въ тропической каскѣ и съ набрюшнымъ поясомъ ярко краснаго цвѣта быстро подошелъ къ намъ. Я тотчасъ узналъ въ немъ мистера Джевонса, джентльмена изъ Канады, бывшаго у насъ наканунѣ на клиперѣ, по дѣламъ консульства. Случилось, что въ то время каютъ-кампанія была пуста; офицеры были заняты на палубѣ, и старшій офицеръ пригласилъ меня (какъ знающаго языки) занять гостя на полчаса.

За рюмкой марсалы мы разговорились. Пре-оригинальное созданіе—этотъ мистеръ Джевонсъ! Сообщителенъ, развязенъ, готовъ на всякую услугу; космополитъ, если не по убѣжденію, то по совершенной атрофіи всего, что можетъ касаться національности, религіи, языка и т. д. Сначала, онъ привлечетъ васъ любезностью; затѣмъ шокируетъ, почти отталкиваетъ своею безцеремонной фамиллярностью. Въ концѣ же концовъ, вы возвращаете ему расположеніе, видя въ немъ не наглаго «ragvuni», но безпечнаго и добродушнаго малаго, типичнаго globe trotter'а, какъ обозвалъ эту разновидность опредѣлительный англійскій языкъ.

— Eh ben, восклицаетъ онъ на французско-канадскомъ языкѣ, — привѣтствую васъ на территории королевы! Надѣюсь, вы надолго? Вашъ консуль поручилъ мнѣ оказать вамъ содѣйствіе при осмотрѣ достопримѣчательностей. Начнемъ съ могилы Наполеона; желающіе верхомъ, можно на ослахъ, пѣшкомъ и въ экипажахъ.

Мнѣнія раздѣляются. Впрочемъ, подавляющее большинство высказывается за лошадей: почти каждый морякъ — кавалеристъ въ душѣ.

Что касается меня, то, въ качествѣ страстнаго пѣшехода, я предпочитаю совершить это паломничество пѣшкомъ.

Къ моему удивленію, Джевонсъ изъявляетъ на-
мѣреніе сопровождать меня,

— А вотъ и вы, мистеръ Доливо! обрушился онъ на меня, — такъ вы пѣшкомъ? All right, мы отправимся вмѣстѣ съ вами къ мистеру Лабарру: t'is a friend of mine... *). Пока вы разопъете съ нимъ по рюмочкѣ вермута, я организую экспедицію для вашихъ коллегъ. Затѣмъ я присоединяюсь къ вамъ, и до захода солнца мы будемъ въ Лонгвудѣ.

Перспектива знакомства съ какимъ то Лабарромъ мнѣ мало улыбалась, но я поблагодарилъ Джевонса и покорился року.

Черезъ четверть часа я входилъ во дворикъ крошечнаго дома, откуда раздавались неистовые крики цѣлой коллекціи попугаевъ.

— Это слабость Лабарра, сообщилъ мнѣ Джевонсъ, — впрочемъ, это еще не одна изъ его слабостей... Лабарръ—большой чудакъ, но попробуйте сойтись съ нимъ: il gagne à être connu **). Предупреждаю васъ, что это ярый бонапартистъ; не вздумайте какъ нибудь, говоря съ нимъ, отозваться дурно о Наполеонѣ. Я назвалъ какъ-то

*) «Это одинъ изъ моихъ пріятелей».

***) «Его оцѣнишь только по мѣрѣ знакомства».

его корсиканца величайшимъ изъ авантюристовъ, и, вообразите, мы чуть не разсорились навсегда... Да вотъ и онъ!

У порога показался хозяинъ. Онъ сразу не понравился мнѣ: маленькій горбатый старичекъ, лицо птичье, кожа морщинистая, насквозь прожженная солнцемъ, бѣлая косматая борода, нависшія брови, сходящіяся надъ горбатымъ носомъ; парусинный пиджакъ съ значкомъ Легіона въ петлицѣ. Девонсъ представилъ меня и, объяснивъ, въ двухъ трехъ словахъ, цѣль посѣщенія, быстро ушелъ.

Лабарръ, молча, пригласилъ меня войти въ комнату.

Письменный столъ, заваленный бумагами, два книжныхъ шкапа, нѣсколько плетеныхъ пальмовыхъ креселъ, круглый обѣденный столъ и походная кровать у стѣны,—составляли всю обстановку.

Четыре попугая карабкались по плетеному креслу; чтобъ унять ихъ крикъ, Лабарръ накинулъ на кресло простыню.

— Теперь мы можемъ говорить, обратился онъ ко мнѣ по французски, присядьте. Вы курите? Вотъ нѣсколько гаванскихъ сигаръ.

Я отказался, и между нами завязался разговоръ, скучный и шаблонный, вертѣвшійся на

общихъ мѣстахъ, типичный разговоръ двухъ людей, равнодушныхъ и безучастныхъ другъ къ другу.

Однако стаканъ капскаго вина разбилъ ледь, и старикъ слегка оживился.

— Давно вы здѣсь? освѣдомился я?

— Меня привезъ сюда отецъ въ двадцатомъ году, еще ребенкомъ; у него здѣсь былъ складъ аптекарскихъ товаровъ. Съ тѣхъ поръ, я дважды былъ на родинѣ: разъ, чтобы окончить свое медицинское образованіе въ Парижѣ, а второй разъ я ѣздилъ на войну, въ эпоху франко-прусской кампаніи, въ качествѣ военнаго врача. Послѣ Седана, я вернулся сюда и поселился скромнымъ рантьеромъ.

— И васъ не тянетъ на родину?

— Нисколько: этотъ островъ дорогъ мнѣ по воспоминаніямъ. Здѣсь умеръ отецъ, здѣсь же похоронилъ я жену и сына... Я знаю наизусть каждый камень и исторію cadaго деревца; у меня небольшая практика, и въ чернокожей средѣ «мусье» очень популярень. Кромѣ того, съ родными во Франціи я порвалъ давно и теперь также одинокъ, какъ и знакомецъ вашъ, Джевонсъ.

— Это, кажется, старинный пріятель вашъ?

— Онъ пріѣхалъ не такъ давно. Не сумѣю объяснить вамъ, что, собственно, насъ сблизило: люди мы разные, и по характеру, и по убѣжденіямъ, вѣрнѣе, по отсутствію какихъ либо убѣжденій у этого канадца. Но въ душѣ своей онъ чистъ, какъ ребенокъ и, когда приходитъ ко мнѣ, вечеркомъ, выкурить трубку, то вноситъ какую-то струю молодости и веселья въ мой монастырь... Это, впрочемъ, мой единственный пріятель на островѣ.

— И вамъ не скучно?

— А вотъ мои настоящіе друзья, отвѣтилъ онъ, указывая на книги, какъ видите,—ихъ много. Днемъ я не могу читать, по причинѣ жары, но зато цѣлые вечера, а иногда и ночи я провожу въ ихъ обществѣ.

Въ эту минуту дверь отворилась, и вошелъ Джевонсъ.

— Все готово! разразился онъ,—ваши коллеги уже двинулись въ путь; если поторопитесь, будетъ недурно. До Лонгвуда добрыхъ два часа ходьбы. Эге! да вы не теряли времени; отъ бутылки констанцскаго осталось немного... Eh ben, все къ лучшему! по крайней мѣрѣ, подкрѣпились на дорогу. Лабарръ, вы съ нами? Не возражайте, вѣдь я знаю, что вы никогда не прочь побывать

въ знаменитомъ домикѣ и посидѣть на могилѣ Бонапарта, т. е. тѣфу! Наполеона...

Лабарръ, молча, кивнулъ головой и, надѣвъ пробковую каску, вышелъ вмѣстѣ съ нами.

Выйдя изъ предѣловъ городка, мы стали подниматься въ гору, по прекрасно высѣченной дорогѣ. Ширина ея значительна и допускаетъ экипажную ѣзду.

— Такое благоустройство, воскликнулъ Дже-вонсъ, вы встрѣтите только въ британскихъ колоніяхъ. Сколько труда вложено здѣсь въ каждый квадратный метръ; съ какими невѣроятными усиліями приходилось отвоевывать этотъ путь, шагъ за шагомъ, подъ зноемъ тропическаго солнца! Вы улыбаетесь, Лабарръ? О скептикъ, неужели васъ не восторгаетъ британскій геній?

— Я думаю о тысячахъ китайцевъ и невольниковъ Остъ-индской компаніи, которыхъ привезли сюда строить этотъ путь; когда они не выдерживали изнуренія, ихъ хоронили, какъ падалъ, и энергія британскаго генія слишкомъ прикосновенна къ сентъ-джемскому кладбищу, чтобы я могъ любоваться ею спокойно.

Мы продолжаемъ подниматься въ гору; вокругъ насъ желтыя базальтовыя скалы, мѣстами поросшія кактусами.

— Видите эти кактусы? отнесся ко мнѣ Лабарръ, — ихъ нарочно разсаживаютъ по скаламъ; дѣло въ томъ, что скалы эти, вывѣтриваясь, склонны къ обваламъ и, при крутости ихъ, угрожаютъ городу. Это не мнимая опасность; случаи бывали. Прочтите надпись на этой каменной плитѣ, вдѣланной въ скалу.

Я прочелъ и невольно вздрогнулъ отъ ужаса. Недальше, какъ въ 1890 г., 1500-тонный утесъ, сорвавшись, упалъ внизъ, прямо на городъ и завалилъ улицу. Это случилось мгновенно, неожиданно, и Джемстаунъ лишился въ одну секунду части своего населенія.

Погибли цѣлыя семейства, находившіяся злополучно въ роковомъ районѣ.

— Мой домикъ недалеко отъ мѣста обвала, рассказалъ Лабарръ, не забуду никогда этого страшнаго дня. Вообразите: знойный день, глубокая тишина, всѣ отдыхаютъ, какъ это принято у насъ, послѣ полдня... И вдругъ, страшный грохотъ, сотрясеніе почвы, и опять тишина полная, могильная. Но въ эту минуту цѣлая улица, съ домами и жителями, перестала существовать.

Я посмотрѣлъ внизъ, увидѣлъ подь собой Джемстаунъ съ птичьяго полета и невольно перевелъ глаза на нѣсколько крупныхъ утесовъ, готовыхъ сорваться ежеминутно.

— Неужели кактусы могутъ помочь дѣлу? спросилъ я.

— О да! отвѣтилъ Джевонсъ, развѣтленія ихъ корней связываютъ почву и противодѣйствуютъ вывѣтриванію. Кстати, вы знаете,—это *belles de nuit*; они разцвѣтаютъ по ночамъ, и когда выпускаютъ стремительно свои лепестки, то производятъ шумъ, на подобіе выстрѣла.

Солнечный зной невыносимъ; то и дѣло, я снимаю свою пробковую каску и вытираю струящуюся потъ.

— Бѣдный сѣверянинъ! воскликнулъ мой канадецъ, — утѣшьтеся, скоро будетъ такъ холодно, что прозябнете.

— Развѣ мы такъ высоко поднимемся?

— Дѣло не въ высотѣ: пока вы находитесь подь защитой горы, вамъ нестерпимо жарко, но приблизились къ какому нибудь горному проходу, и васъ сразу обдастъ влажнымъ вѣтромъ.

— Совѣтую вамъ, сказалъ Лабарръ, не растегиваться во время горныхъ экскурсій; внезап-

ное охлажденіе тѣла, только что разгоряченнаго зноемъ, губительно вліяетъ на здоровье.

— Не сократило ли это жизнь Наполеона? не могъ не спросить я.

— Возможно, хотя плато Лонгвудъ,—гдѣ онъ преимущественно проводилъ время, могло играть также роль въ этомъ отношеніи. Возвышенное положеніе этого плато (2.000 футъ надъ океаномъ) дѣлаетъ его достояніемъ частыхъ тумановъ и дождей, Докторъ О'Меандра думаетъ, что большая переменчивость погоды на Еленѣ должна располагать къ болѣзнямъ печени.

— Mon lieutenant, оглянитесь назадъ! окликаетъ меня Джевонсъ.

И, дѣйствительно, стоило оглянуться: теперь можно было видѣть не только весь городокъ, утопвшій въ горной тѣснинѣ, но и большую часть рейда. Крошечные, точно игрушечные кораблики стояли на якоряхъ; вотъ и нашъ клиперокъ, съ его стройными мачтами и щегольски выправленными реями. Въ безпредѣльной океанской синевѣ бѣлѣютъ паруса лавирующихъ шкунъ; горизонта не разглядѣть, онъ растаялъ и слился съ небомъ.

— Что за прелесть! невольно воскликнулъ я, сколько шири и свѣта!

— Да, видь прекрасный, согласился Лабаррь, — и никогда не надоѣсть; императоръ не отрывался отъ него по цѣлымъ часамъ...

— Кстати объ императорѣ, вмѣшался Дже-вонсъ, — я забываю свои обязанности гида, видите эту хорошенькую виллу, въ одной милѣ отъ города? Фруктовый садъ и красивая аллея, — это знаменитый Брайарсъ; здѣсь временно жилъ Наполеонъ, пока не выстроили для него Лонгвудскаго дома.

— А что это за маленькій павильонъ сбоку?

— Въ немъ то, именно, и жилъ императоръ, чтобы не стѣснять хозяевъ дома; нижняя комната этого павильона служила ему спальней, кабинетомъ, заломъ и столовой. Здѣсь, между прочимъ, онъ диктовалъ свои мемуары.

— Отчего же онъ не поселился въ городѣ?

— Послѣ высадки, онъ провелъ тамъ ночь въ домѣ мистера Партенса, отвѣтилъ Лабаррь, — но навязчивость и назойливое любопытство толпы слишкомъ удручали его... Онъ не принялъ даже приглашенія на городской балъ, состоявшійся въ его честь.

По мѣрѣ удаленія въ горы, пейзажъ мѣняется; городъ давно скрылся, и, волшебной панорамой,

развергиваются передъ глазами долины, ущелья. Бываютъ моменты, когда ничего не видно, кромѣ безобразнаго скопленія базальтовыхъ глыбъ. Пустынные скалы въ безчисленныхъ комбинаціяхъ карабкаются другъ на друга, и причудливъ видъ ихъ, обнаженный и печальный. Даже кактусы перестали попадаться, и подъ жгучими лучами тропическаго солнца, среди вѣчной, ничѣмъ не возмутимой тишины, становится жутко созерцать это безотрадное зрѣлище какого то гигантскаго разрушенія.

Чувство страннаго одиночества проникаетъ въ грудь; тоска, непонятная и безотчетная, сжимаетъ сердце. Именно, — безотчетная, такъ какъ даже ощущеніе времени и пространства необычайно преобразуется въ воображеніи. Прошлаго будто и не было; стихаютъ и думы о будущемъ, и только одно настоящее, безконечное настоящее властно царить. Точно присутствуешь при какомъ то созданіи древняго міра; точно переживаешь это хаотическое сложеніе первобытныхъ элементовъ, и представленіе о вѣчности становится особенно понятнымъ уму.

И отчего такъ непостижимо тревожно на душѣ?

Оттого-ли, что «я», эта маленькая отдѣльная жизнь, рожденная въ вѣчности, именно здѣсь,

лицомъ къ лицу съ этой вѣчностью, вдругъ сознаетъ свою хрупкость, свою конечность? Конечность мелодіи, сорвавшейся съ чьихъ то дрожащихъ струнъ и звенящей въ душномъ холодномъ пространствѣ. Еще мигъ, и недопѣтая пѣсня замретъ, вся растворившись, забытая, неоплаканная...

И куда дѣвались ея порыванія куда-то, ея тревожная сладость, томительная неудовлетворенность и никому не рассказанная грусть? . . .

.

— Скоро и Лонгвудъ, крикнулъ Джевонсъ, — какъ видите, пейзажъ измѣнился!

Дѣйствительно, уже стала попадаться зелень, настоящая зелень; цѣлыя роиці странныхъ деревьевъ, съ маленькими узкими листьями, сгруппированными къ концамъ вѣтокъ, что лишаетъ эти деревья тѣни.

— Это каучуковые деревья, сообщилъ Лабарръ, по ученому онѣ зовутся *copuza gummifera*, а здѣсь принято называть ихъ *gum woods*.

Меня поразило, что эти деревья всѣ наклонены въ одну и ту же сторону, но я скоро догадался что виной тому юговосточный пассатъ, этотъ постоянный вѣтеръ, дующій весь годъ въ томъ же

направленіи и наполнявшій недавно наши паруса. (Читателю вѣроятно извѣстно, что пассатные вѣтра, дующіе въ тропическихъ зонахъ много способствуютъ парусному мореплаванію. Границы ихъ слегка колеблются, въ зависимости отъ времени года. Два кораблика, встрѣтившись въ океанѣ и свѣривъ сигналами широту и долготу, никогда не упустятъ случая взаимно освѣдомиться, гдѣ каждый изъ нихъ встрѣтилъ или потерялъ пассатъ).

Еще немного пути, и мы у цѣли.

Свѣтлый ручеекъ, осѣненный плакучими ивами и возлѣ него группа стройныхъ кипарисныхъ деревьевъ. Проходимъ чрезъ калитку рѣшетки; прохлада и тѣнь пріятно нѣжатъ уставшее и разгоряченное тѣло. Передъ нами простая каменная могильная плита, подъ которой, какъ выразился Пушкинъ,

„Народовъ ненависть почилъ, и лучъ безсмертія
горитъ“.

Могила пуста, такъ какъ, чрезъ двадцать лѣтъ послѣ погребенія, французская эскадра, подъ начальствомъ принца королевскаго дома, явилась на Елену, и прахъ Наполеона былъ перевезенъ во Францію, подъ куполъ Инвалидовъ, согласно пункту завѣщанія: «je désire que mes cendres

reposent sur le bord de la Seine, au milieu de ce peuple français que j'ai tant aimé» (я хочу, чтобъ мой прахъ покоился на берегу Сены, въ средѣ французскаго народа, котораго я такъ любилъ).

— Отчего же на плитѣ нѣтъ никакой надписи? спросилъ я Лабарра.

— Оттого, что губернаторъ, презрѣнный Гудзонъ Лоу, не разрѣшилъ иной надписи, какъ «генераль Бонапарте». Этотъ негодяй не разрѣшилъ даже исполнить просьбу императора, согласно которой, по вскрытіи тѣла, сердце его должно было быть послано въ Парму, къ Маріи Луизѣ. Впрочемъ, и то сказать: она мало заслуживала такой чести...

— А кто избралъ это мѣстоположеніе?

— Самъ императоръ; онъ любилъ часто отдыхать здѣсь послѣ горныхъ прогулокъ.

— Успѣете наговориться и вечеромъ, прервалъ насъ Джевонсъ, — Лабарра хлѣбомъ не кормите, только заставьте его рассказывать о Бонапартѣ т. е. тѣфу! о Наполеонѣ. Солнце скоро будетъ садиться, и если вы хотите осмотрѣть императорскій домъ, то не теряйте попусту времени и слѣдуйте за мной.

Вотъ и маленькій бѣлый домъ, гдѣ жилъ Наполеонъ съ 9-го Декабря 1815 г. до своей смерти (5-го Мая 1821 г.).

Я не ожидалъ дворцовой обстановки, но скромность этой послѣдней резиденціи великаго императора поразила меня выше всякой мѣры. Особый чиновникъ, назначенный отъ французскаго правительства, завѣдуетъ этимъ домомъ.

Онъ уже предупрежденъ о нашемъ прибытіи и любезно встрѣчаетъ у порога. Все поддерживается въ томъ же видѣ свято и неприкосновенно; даже обои остались тѣ же.

Главный интересъ сосредоточенъ въ нижнемъ этажѣ, гдѣ собственно жилъ Наполеонъ. Маленькая передняя преобразована въ ванную. Входимъ въ небольшую узкую комнату.

— «Это спальня объясняетъ смотритель, — а рядомъ съ ней кабинетъ».

Кабинетъ выходитъ въ низкую маленькую и претемную комнату, служившую столовой. Обстановки никакой; имѣвшаяся мебель, равно какъ и отдѣльные предметы украшеній, увезены уже давно во Францію, гдѣ хранятся, частью въ музеяхъ, частью перешли въ собственность потомковъ императора; кромѣ того, многое было расхи-

щено со времени его смерти, въ качествѣ драгоценныхъ реликвій.

Стѣны обиты темнымъ нанкиномъ съ бордюрами изъ зеленой бумаги. Занавѣски простыя, бѣлыя. Въ кабинетѣ маленькій каминъ.

— Здѣсь висѣлъ портретъ императрицы Маріи Луизы, объясняетъ смотритель, ниже миньатюры первой жены Наполеона, императрицы Жозефины. Налѣво находилась картина «Утро Фридриха Великаго». Тутъ были часы, которые Наполеонъ носилъ, еще въ бытность первымъ консуломъ; они были подвѣшаны къ стѣнѣ посредствомъ локона изъ волосъ Маріи Луизы. Здѣсь старый диванчикъ, на которомъ императоръ любилъ отдыхать, и надъ нимъ висѣлъ портретъ Маріи Луизы съ сыномъ, маленькимъ римскимъ королемъ.

Изъ спальни Наполеона дверь выходитъ въ двухсвѣтный салонъ, съ тремя окнами съ каждой стороны и, отсюда же, стеклянная галлерей ведетъ въ садъ. Это единственное помѣщеніе, могущее претендовать на нѣкоторый комфортъ, хотя къ вечеру сидѣть тамъ становится невыносимо, по причинѣ тропическаго солнца, заливающего своими лучами всю комнату.

Въ противоположномъ крылѣ дома—передняя

кабинетъ и спальня (немного просторнѣе): здѣсь жили графъ и графиня Монтолонъ съ ребенкомъ.

По узкой лѣстницѣ поднимаемся наверхъ. Верхній этажъ, родъ чердака былъ занимаемъ свитой и разбитъ на крошечныя каморки, душныя и невообразимо жаркія. Графъ Бертранъ, съ женой и 3 дѣтьми, жили въ Гутсгэтѣ (невдалекѣ отъ Лонгвуда).

Спускаюсь и, еще разъ, обѣгаю императорскіе покои, чтобы запечатлѣть ихъ въ памяти. Солнце близко къ закату, и прощальные лучи его наполняютъ комнаты оранжево золотымъ свѣтомъ. Этимъ же свѣтомъ залитъ большой прекрасный бюстъ Наполеона, сдѣланный изъ гипса и увѣнчанный лавровымъ вѣнкомъ.

Выраженіе величаваго спокойствія, застыло на гордомъ античномъ лицѣ.

— On dirait l'incendie de Kremlin *), — замѣчаетъ смотритель.

— Что вы говорите? спрашиваю я.

— J'entends la couleur du couchant; ça produit un effet étrange, on dirait l'empereur devant les flammes de Moscou **).

*) «Словно Кремлевскій пожаръ».

* *) «Я разумѣю цвѣтъ заката; онъ производитъ странный эффектъ, императоръ точно стоитъ передъ пылающей Москвой».

Странные звуки доносятся до меня. Оборачиваюсь; маленькая фигурка прижалась къ углу, глаза въ слезахъ, и грудь, тощая, вдавленная, дрожить отъ судорожнаго рыданія...

Что за непонятное существо, этотъ Лабарръ!

Мы приглашены на чашку чая къ смотрителю.

Домъ его, по сравненію съ резиденціей Наполеона, — настоящій дворець, Любезная хозяйка представляетъ мнѣ двухъ дочерей. Разговоръ вертится на Наполеонѣ. Лабарръ уже оправился отъ волненія и принимаетъ живое участіе въ общей болтовнѣ. Какъ и предсказалъ мнѣ Джевонсъ, старичекъ этотъ начинаетъ мнѣ нравиться. Всю жизнь Наполеона онъ знаетъ до мельчайшихъ деталей, и я даю себѣ слово непременно провести съ нимъ вечеръ.

— Не хотите ли увезти съ собой что-нибудь на память объ этомъ днѣ? любезно спрашиваетъ смотритель и дѣлаетъ знакъ женѣ. Послѣдняя киваетъ головой, уходитъ и возвращается съ нѣсколькими бездѣлушками въ рукахъ.

— Вотъ портсигаръ, сплетенный изъ травы, выросшей на могилѣ Наполеона, а вотъ такой же стѣнной футляръ для часовъ.

Это для визитныхъ карточекъ. Возьмите себѣ все это на память. Не стѣсняйтесь, у насъ припасена цѣлая куча подобныхъ curiosités, на случай прїѣзда иностранцевъ. А вотъ вамъ и рѣдкій фотографическій снимокъ съ картины «Умирающій Наполеонъ, окруженный свитой»; эта прекрасная картина была написана очевидцемъ и, въ послѣдствіи увезена въ Англию. Всѣ восторгаются ея художественнымъ выполненіемъ: Наполеонъ безукоризненъ, а выраженіе лица у графини Бертранъ, по общему приговору, неподобно.

Темнѣетъ, и пора собираться въ путь. Комфортабельный экипажъ уже поданъ, и, поблагодаривъ сердечно гостепріимныхъ хозяевъ, отправляемся въ Джемстаунъ.

IV. Вечеръ у Лабарра.

Рабочая лампа привѣтливо освѣщаетъ столъ, заваленный книгами и бумагами. Она освѣщаетъ также пальмовое кресло, на которомъ сидитъ сгорбленный старичекъ; на плечѣ его прїютился сѣрый попугай. Противъ него сидитъ авторъ этихъ строкъ, весь поглощенный разказами собесѣдника. Окна открыты настежь, и въ нихъ смотреть

черносинее небо съ мірадами звѣздъ Южнаго Полушарія. Издали доносится барабанный бой англійскаго патруля, обходящаго городъ.

Бесѣда съ Лабарромъ затянулась за полночь.

О чемъ, о чемъ только не говорилъ онъ: Аяччіо, Бриенъ, Тулонъ, Аркола, пирамиды, Маренго, Аустерлицъ, Йена, Фридландъ, Ваграмъ, Москва, Лейпцигъ, Эльба, заливъ Жуана, Ватерлоо, — все эти великіе акты міровой трагедіи воскресали въ моей памяти. И, весь обвѣянный впечатлѣніями дня, я жадно слушалъ вдохновеннаго старика, прощая ему его пристрастіе къ великому герою этихъ событій. Да и самое пристрастіе его не было преднамѣреннымъ искаженіемъ фактовъ, фальшивымъ освѣщеніемъ ихъ или произвольнымъ толкованіемъ. Исходя отъ сердца, согрѣтое неподдѣльнымъ жаромъ искренняго убѣжденія, это пристрастіе звучало для васъ чѣмъ-то плѣнительнымъ: словно, влюбленная женщина повѣряла вамъ свою тайну.

Я завелъ рѣчь о послѣднихъ монографіяхъ о Наполеонѣ I.

Лабарръ выслушалъ меня очень внимательно, закурилъ свою гаванскую сигару и, не смотря на меня, заговорилъ:

— Последнее время можно назвать эпохой разоблаченій. Современная историческая критика

любить развѣнчивать великія имена; на ея анатомическомъ столѣ, самыя славныя дѣянія приписываются мелкимъ суетнымъ побужденіямъ; высокое честолюбіе низводится къ личному тщеславію, великодушіе къ близорукости, геній къ случайностямъ удачи, метаморфозы любви къ игрѣ темперамента. И вотъ, когда безпощадный анализъ совершилъ свое дѣло, часто не брезгуя пристрастными свидѣтельствами и мемуарами подозрительной достовѣрности, — начинается работа синтеза. Возникаетъ плеяда писателей, полагающихъ свою минутную карьеру въ созданіи сенсационныхъ монографій. На величайшихъ людей пишутся пародіи, историческія репутаціи тонуть въ грязномъ омутѣ quasi разоблаченій. Такія книги часто пріобрѣтаютъ громкую извѣстность, доставляя авторомъ ихъ, хотя и временный, но лестный успѣхъ. Иногда, эти авторы бываютъ вполне добросовѣстны и очень искренно попадаютъ въ ловушку собственнаго воображенія... Приходилось ли вамъ, когда нибудь, смотря на небо и вглядываясь въ какое нибудь облако, — находить въ его случайной формѣ отдаленное сходство съ какимъ нибудь предметомъ. Вамъ показалось, что оно похоже на лебедя; вы всматриваетесь въ отдѣльные клочки его и находите въ нихъ подо-

біе лебединой шеи, крыльевъ и т. д. Наконецъ, вы проникаетесь убѣжденіемъ, что облако похоже на лебедя и ни на что иное. Но можетъ случиться, что другой зритель, смотрѣвшій, одновременно, рядомъ съ вами, на то же облако,—пришелъ такимъ же путемъ къ убѣженію, что оно имѣетъ форму верблюда. То-же и съ упомянутыми авторами: какъ, въ случаѣ облака, предвзятый образъ лебедя, случайно жившій въ вашемъ воображеніи, расположилъ васъ къ этому сравненію, такъ и предвзятое мнѣніе, существующее у автора, руководило имъ, при вышеупомянутомъ синтезѣ данныхъ исторической критики. Разногласіе, въ послѣднемъ случаѣ, увеличивается еще и вліяніемъ личныхъ симпатій и антипатій. Отсюда — изумительное разнообразіе взглядовъ и сужденій.

Онъ замолчалъ, погруженный въ задумчивость.

— Знаете что,—вдругъ, сказалъ онъ, оживившись, я хотѣлъ бы быть живописцемъ, но только настоящимъ живописцемъ, великимъ, геніальнымъ!

— И вы написали-бы жизнь Наполеона въ картинахъ, что-нибудь вродѣ исторической галлеи первой имперіи?

— Да, да! вы поняли меня, именно такъ, — подхватилъ Лабаръ, и лицо его, вдругъ, засіяло, ставъ почти красивымъ.

— Какіе же сюжеты вы-бы избрали?

— Сюжеты, спрашиваете вы! сюжеты! Да ихъ такъ много, этихъ сюжетовъ, что жизни не хватило-бы на выполненіе хотя бы половины ихъ...

— Слушайте, — заговорилъ онъ лихорадочно быстро, видимо увлекаясь этой мыслью, я набросаю вамъ ихъ нѣсколько, на пробу. Батальные сюжеты пока въ сторону, есть и другіе, еще не исчерпанные... Слушайте. Весна 14-го года. Имперія умираетъ. Положеніе Наполеона безвыходно; попытка самоубійства не удалась, отреченіе подписано, настаетъ день отъѣзда императора на Эльбу. Дворецъ Фонтенбло весь залитъ солнцемъ. Во дворѣ Бѣлаго Коня старая гвардія построилась сдвоенными рядами. Одною счастливаго баталіона не хватаетъ: онъ подаренъ императору и на пути къ Эльбѣ. Полдень, Наполеонъ простился со свитой и сбѣгаетъ съ лѣстницы Подковы. Барабанный бой привѣтствуетъ его появленіе, Солдаты безмолвны и лица ихъ суровы: никто изъ нихъ не попалъ въ счастливый батальонъ. Несмѣтныя толпы тѣсняются къ забору. Всѣ притаили дыханіе. Барабанный бой стихаетъ вдали.

О какъ прекрасенъ императоръ! «Солдаты моей старой гвардіи, — говоритъ онъ громко и торжественно, я прощаюсь съ вами. Уже двадцать

лѣтъ, какъ я нахожу васъ всегда на пути къ чести и славѣ. Въ эти послѣднія времена, какъ и въ дни процвѣтанія, вы не переставали служить образцами мужества и вѣрности. Съ такими людьми, какъ вы, наше дѣло не было бы проиграно; но война, затянувшись, вызвала бы внутреннія смуты, и Франція стала бы еще несчастнѣе, И вотъ, я пожертвовалъ всѣмъ для родины: я уѣзжаю. Вы же, друзья мои, продолжайте служить Франціи. Ея счастье было моею единственною мечтою; оно всегда останется предметомъ моихъ желаній. Не оплакивайте моей судьбы; если я и рѣшилъ пережить себя, то для вашей же славы. Я хочу описать великія дѣла, совершенныя съ вами! Голосъ Наполеона обрывается, но онъ продолжаетъ: «Прощайте, — говоритъ онъ, прощайте, мои дѣти. Я хотѣлъ бы прижать васъ всѣхъ къ груди... Дайте мнѣ хоть обнять ваше знамя!» Ему подають знамя; ветхое изорванное знамя великой арміи,.. Сдержанный ропотъ въ толпѣ. И вдругъ, рыданіе, сплошное рыданіе тысячъ людей. Наполеонъ поднимаетъ голову, слезы струятся по блѣдному и прекрасному лицу его, и, твердымъ звучнымъ голосомъ, онъ восклицаетъ: «Прощайте еще разъ, старые товарищи! Пусть этотъ послѣдній поцѣлуй перейдетъ въ ваши

сердца »! И, закрывъ лицо обѣими руками, онъ подходитъ къ каретѣ... Великая имперія умерла.

И вотъ этотъ-то моментъ, когда императоръ прижимаетъ знамя къ сердцу, я изобразилъ бы въ великолѣпной потрясающей картинѣ. А потомъ, въ pendant къ ней, я написалъ-бы другую...

Съ минуту онъ молчалъ, откинувшись въ кресло.

— Мои либретто длинны, но помиритесь съ этимъ: иначе, какъ объяснить вамъ свою галерею?

— Вы упомянули о другой картинѣ...

— Итакъ, слушайте. Имперія умерла. Людовикъ Бурбонъ на королевскомъ тронѣ. Императоръ въ заточеніи на островѣ Эльбы. Сынъ его съ императрицей Маріей Луизой въ Австріи, въ лагерѣ его союзныхъ враговъ.

Письмо за письмомъ летитъ къ ней съ Эльбы, но отвѣта все нѣтъ.

Наполеонъ подозрѣваетъ, что онѣ не доходятъ до ея рукъ. О заблужденіе! Онѣ не доходятъ лишь до ея сердца. Воспоминанія дѣтства воскресаютъ въ ней. Кровь Габсбурговъ начинаетъ говорить. Недавнее горе ловко убаюкивается цѣлымъ сонмомъ льстецовъ и царедворцевъ. Французскій налетъ слетѣлъ съ австрійской души

О лишь бы титулъ герцогини Пармской! лишь бы Рейхштадтское герцогство для римскаго короля! Вѣнскій конгрессъ собираетъ государей. Праздникъ сплошной, балы, маскарады... Большой раутъ у императрицы Австрійской; представленіе живыхъ картинъ. Что за блескъ! что за великолѣпіе! безчисленныя люстры залиты свѣтомъ, и ярко сіяютъ брилліанты нарядныхъ красавицъ. Цѣлый цвѣтникъ лентъ, орденовъ, эполетъ и раззолоченныхъ кафтановъ. Весело гремитъ музыка; балъ въ разгарѣ. Шелковая занавѣсъ взлетаетъ къ потолку, и одна живая картина смѣняетъ другую... Но вдругъ, веселье оборвано! Что за смятеніе въ залѣ! Лица блѣднѣютъ; занавѣсъ падаетъ, музыка смолкаетъ. Ужъ не пожаръ ли во дворцѣ? Нѣтъ, но вѣсть, страшная, роковая вѣсть облетѣла залъ и передается изъ устъ въ уста. «Наполеонъ покинулъ Эльбу, высадился въ заливѣ Жуана и идетъ въ Парижъ. Сраженій нѣтъ; всеобщій восторгъ. Его путь усыпаютъ цвѣтами. Имперія воскресла!» Вотъ вамъ и вторая картина моей галлерей.

Лабарръ окончательно разошелся; одну картину за другой рисовалъ онъ мнѣ. Не буду перечислять ихъ всѣхъ: во первыхъ, въ моемъ изложеніи онѣ станутъ блѣдны и безжизненны, а во

вторыхъ я далеко перешагну за рамки этого очерка.

Мы перешли къ поэтамъ, воспѣвавшимъ Наполеона, и я познакомилъ Лабарра съ нѣкоторыми изъ нашихъ отечественныхъ произведеній. Въ особенности понравилось Лабарру знаменитое стихотвореніе Лермонтова: «Межъ тѣмъ, какъ Франція, среди рукоплесканій»...

Заключительныя строфы привели его въ восторгъ.

— O que c'est beau! воскликнулъ онъ и нѣсколько разъ повторилъ:

Comme il voudra revenir, envahi de tristesse,
Sur cette île brulée par un soleil lointain,
Où son geôlier fut l'océan aussi invincible.

Aussi grand que lui-même! *)

Пора и прощаться; въ 4 часа утра я долженъ вступить на вахту. Лабарръ провожаетъ меня до пристани.

Уже сидя въ шлюпкѣ, уносимой, какъ птица, шестью дюжими молодцами, я оборачиваюсь и

*) «Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый,
О знойномъ островѣ, подъ небомъ дальнихъ странъ,
Гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый,
Какъ онъ великій, океанъ!»

вижу на пристани маленькаго сгорбленнаго старика. На мое прощальное привѣтствіе онъ не отвѣчаетъ, хотя и смотритъ въ мою сторону: видимо, ему уже не до меня.

Вотъ и клиперъ нашъ, едва покачиваемый волнами.

«Кто гребетъ»? окликаетъ часовой у флага.

«Офице-е-ръ!» кричитъ рулевой, сидящій за моей спиной.

«Шабашъ!» раздается опять его веселая команда, и шесть весель, взлетая стройно кверху, безшумно исчезаютъ въ шлюпкѣ.

Мы у трапа.

Вахтенный начальникъ встрѣчаетъ меня съ улыбкой:

— Вотъ и вы! я уже счелъ васъ нѣтчикомъ *). Черезъ четверть часа вамъ на вахту хотѣлъ уже будить подвахтеннаго. Поздненько, поздненько, государь мой! Видно весело провели время... Не оправдывайтесь! что это вы умудрились найти на Еленѣ?

И веселый намекъ срывается съ его устъ.

*) «Нѣтчиками» называются матросы, не вернушіеся на корабль послѣ гулянки.

Если-бъ онъ зналъ, въ чьемъ обществѣ я про-
велъ вечеръ!

У. Черный плѣнникъ.

«Отъ великаго до смѣшнаго, часто,—
одинъ шагъ».

Въ моемъ распоряженіи остается еще одинъ
свободный день передъ отплытіемъ.

Куда дѣтъ его? Что еще осмотрѣть? Съ такимъ
вопросомъ въ головѣ я брожу по городу, какъ,
вдругъ, на площади, встрѣчаю стараго знаконца
своего, Джевонса.

— Въ Розмэри были? спрашиваетъ онъ меня.

— Въ какомъ Розмэри?

— За Планташенъ - гаузомъ, у наслѣднаго
принца зулусовъ?

— У какого принца?

— Такъ вы и не знаете, что у насъ, на
Еленѣ, живетъ, въ пожизненномъ заточеніи, ве-
ликій Дини, трофей англо-зулусской кампаніи,
подъ знаменемъ котораго племена каффровъ-зулу
соединяются въ одну черную армію! Чтобы по-
пасть въ его резиденцію, Розмэри, нужно запас-
тись разрѣшеніемъ губернатора Елены. Отправ-

ляйтесь къ нему, въ Планташенъ, и пошлите дежурнаго у крыльца спросить для васъ это дозволеніе. Я вамъ дамъ проводника, который, вслучаѣ разрѣшенія, проведетъ васъ въ Розмэри и обратно.

Сказано — сдѣлано, и, въ сопровожденіи крошечнаго смуглаго мальчугана, я отправляюсь въ Планташенъ.

Для сокращенія пути, пользуюсь Ладдергилльской лѣстницей, о которой уже упомянулъ въ началѣ этого очерка. Лѣстница эта построена изъ желѣза и наклонна подъ угломъ въ 45 градусовъ, что, при вышинѣ ея (болѣе полутора тысячъ футъ) дѣлаетъ ее невыносимо крутой. Ступеньки преузкія и, поднимаясь по ней, трудно, на первый разъ, освободиться отъ нѣкотораго страха; въ особенности, когда посмотришь прямо внизъ, съ ея головокружительной высоты.

Взобравшись наверхъ и пройдя черезъ гарнизонныя казармы, углубляемся въ горы. На этотъ разъ, дорога оживленнѣе, и мы довольно скоро попадаемъ въ живописный районъ, именуемый Планташенъ и ведущій къ губернаторскому дому.

Какъ дорога, такъ и окрестная зелень содержатся заботливо, опрятно, и, проходя по широкимъ прекраснымъ аллеямъ, невольно забываешь,

что находишься на островѣ Св. Елены, а не въ какомъ нибудь англійскомъ паркѣ.

Подойдя къ дому, посылаю губернатору свою визитную карточку, объяснивъ дежурному цѣль прихода. Жду минутъ пять, и вижу дежурнаго, сбѣгающаго ко мнѣ съ лѣстницы, съ моей же визитной карточкой въ рукахъ.

«Неужели отказъ»!—думаю я, но пріятно разувѣряюсь, осмотрѣвъ свою карточку. Рукой губернатора на ней написано:

Admission, Rosemary, Grey-Wilson (имя губернатора).

Запасшись этимъ «паспарту», покидаемъ Плантэшенъ и отправляемся въ Розмэри. По извилистой дорогѣ, вступаемъ въ рощу гуммиферовъ, этихъ деревьевъ, наклоненныхъ все въ ту-же сторону дѣйствіемъ южнаго пассата. Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ мѣстности унылый видъ.

Солнечный зной неощутимъ здѣсь, будучи умѣряемъ ровнымъ прохладнымъ вѣтромъ. Благодаря этой прохладѣ, совершаемъ нашъ путь почти безъ всякой усталости.

Дорогой разглядываю своего проводника: потомокъ смѣшанной расы, въ третьемъ поколѣніи, онъ напоминаетъ мнѣ креоловъ Реюньона и Ма-

дагаскара; тотъ-же смуглый оливковый цвѣтъ лица, прозрачная нѣжность кожи, прекрасные черные глаза, оттѣненные длинными рѣсницами. Пытаюсь заговорить съ нимъ, но разочаровываюсь въ возможности; такъ исковеркано его англо-эфіопское нарѣчіе.

Дорога поднимается въ гору, и пейзажъ опять оживился; опять замѣчается на растительности отраженіе заботливой человѣческой руки. Исчезли однообразные гуммиферы, и теперь экземпляры нашей европейской флоры, прекрасно принявшіеся на этой чуждой почвѣ, при умѣренности температуры, — ласкаютъ глазъ своею густотой, тѣнью и разнообразіемъ. Это Розмэри-Гилль, одинъ изъ живописнѣйшихъ уголковъ Елены.

Бѣлое низкое строеніе, неправильнаго вида, обнесенное заборомъ, показывается сквозь зелень деревьевъ.

— Stop here a little, Sir! (Подождите минуту здѣсь), — восклицаетъ мой мальчуганъ и, оставивъ меня, убѣгаетъ по направленію къ дому. Ожиданіе мое, впрочемъ, недолго, и я вижу молодого джентльмена, приближающагося ко мнѣ.

Мы раскланиваемся, и онъ освѣдомляется на англійскомъ языкѣ, кто я и дано-ли мнѣ разрѣшеніе.

Показываю ему карточку съ надписью губернатора.

— That's all right! *) — восклицаетъ онъ, — прошу васъ слѣдовать за мной. Я смотритель и переводчикъ при плѣнномъ принцѣ. Принцъ у себя въ комнатѣ и разговариваетъ со своими приближенными; его жены на дворѣ. Да вотъ и одна изъ нихъ!

Передъ нами престранное созданіе: высокая полная негритянка одѣта въ ситцевое платье; курчавые волосы ея коротко подстрижены, кромѣ одного мѣста на темени, гдѣ они собраны вертикально шиньономъ, обильно украшеннымъ серебрянными булавками и искусственными цвѣтами.

Смотритель обращается къ ней на зулусскомъ нарѣчій; она выслушиваетъ его съ подобострастнымъ видомъ и стремительно убѣгаетъ въ домъ.

Входимъ во дворъ; здѣсь играетъ группа чернокожихъ дѣтей.

Прекуръезны ихъ обнаженныя фигурки; особенно комиченъ одинъ мальчуганъ, сидящій на землѣ и пожирающій апельсинъ, держа его обѣими ручками. Головка его непомѣрно велика, по

*) Непереводимое выраженіе англичанъ, означающее „прекрасно; все, что нужно“...

сравненію съ миниатюрнымъ тѣльцемъ. Завидя насъ, онъ не мѣняетъ положенія, и только глаза его, огромные, съ желтыми бѣлками, провожаютъ насъ, рискуя выскочить изъ своихъ орбитъ.

Входимъ въ темную и грязную переднюю. Убийственный запахъ кокосоваго масла бросается въ носъ при входѣ.

— Принцъ уже предупрежденъ; войдемте къ нему черезъ эту дверь.

Крошечная низкая комната, по срединѣ круглый столъ, два плетеныхъ кресла, нѣсколько вѣнскихъ стульевъ; въ углу, прислоненное къ стѣнѣ копье, лукъ, колчанъ со стрѣлами и наброшенная на него леопардовая шкура.

Нѣсколько негровъ, изъ которыхъ одинъ поразительно тучный, сидятъ на скамьѣ у двери одѣтые въ синія блузы, а у окна стоитъ стройная изящная фигура молодого каффра, одѣтаго изысканно въ лѣтній парусинный костюмъ. Мы еще ничего не сообщили, но я уже угадалъ въ немъ Чернаго Плѣнника.

Отъ всего существа его исходило сознаніе превосходства и власти, что-то царственно-гордое, присущее всѣмъ властелинамъ, большимъ и малымъ, бѣлымъ и чернымъ, на какомъ-бы краю свѣта они ни жили.

Не берусь описать вамъ его лица: лица чуждыхъ расъ такъ похожи для насъ одно на другое, такъ лишены индивидуальныхъ особенностей, что отдѣльные нюансы ихъ уловимы лишь для привычнаго глаза и не поддаются описанію.

Цвѣтъ лица черно-коричневый, почти абсолютно черный; волосы густы и курчавы, губы толсты и при улыбка обнаруживаютъ зубы ослѣпительной бѣлизны; носъ приплюснутъ, глаза черные, сверкающіе; мускулистый станъ строенъ, осанка благородна. Таковъ принцъ Дини, подходящій ко мнѣ съ привѣтливой улыбкой и протягивающій руку.

Смотритель, представляя меня, сообщаетъ принцу, что я русскій офицеръ. Мы усѣлись, и мнѣ предложили банановъ и вермуту. Принцъ старается быть любезнымъ, но, видимо, его стѣсняетъ незнаніе англійскаго языка; впрочемъ, кое какія фразы онъ силится произнести, съ глухимъ гортаннымъ акцентомъ.

— Руша бигъ контри? (Россія — большая страна?), спрашиваетъ онъ меня.

— Бигъ, вери бигъ, отвѣчаю я и, вдругъ, вспоминаю, что въ моемъ карманѣ еще до сихъ поръ лежитъ альбомчикъ петербургскихъ видовъ, взятый мной для Лабарра.

Вынимаю его и показываю. Эффектъ полный; принцъ разсматриваетъ его съ необыкновеннымъ любопытствомъ, кивая головой въ отвѣтъ на поясненія переводчика. Время отъ времени, онъ издаетъ какія то присвистыванія, выражающія удивленіе. Онъ дѣлаетъ знакъ сидящимъ на скамьѣ неграмъ, и тѣ, вскочивъ съ мѣста, окружаютъ столъ и, наклонясь надъ альбомомъ, жадно разглядываютъ незнакомыя картинки, присвистывая хоромъ тотчасъ, какъ только ихъ повелитель выразитъ этимъ способомъ свое изумленіе.

Тѣмъ временемъ, я разспрашиваю зрителя о судьбѣ плѣннаго принца.

— Не сумѣю сказать вамъ точно, — отвѣтилъ онъ уклончиво, сколько лѣтъ будетъ продолжаться его изгнаніе. Срокъ этотъ неопредѣленъ; принцъ слишкомъ популяренъ въ Зулу-лэндѣ, и только со времени водворенія его на Еленѣ, относительное спокойствіе достигнуто въ странѣ. Бѣдствія же и потери, понесенныя нами въ ужасной войнѣ 79 года, принудили наше правительство къ болѣе предусмотрительной и твердой политикѣ съ этимъ легко воспламеняемымъ народомъ.

— Кого же поставили королемъ, вмѣсто Дини?

— До сихъ поръ не рѣшено: предполагаютъ облечь этой властью Зибебу, одного изъ 13 удѣль-

ныхъ кафѣрскихъ князьковъ. Впрочемъ, въ англійскомъ обществѣ многіе высказываются противъ Зибебу, находя его вѣроломнымъ и ненадежнымъ; нѣкоторые стоятъ за Ндабуко. Существуетъ даже партія, въ лицѣ напр. Коленсо, ратующая за плѣннаго Дини, ходатайствуя за его возвращеніе на родину. Но это врядъ-ли можетъ осуществиться: повторяю, онъ слишкомъ популяренъ...

— Какъ онъ относится къ своему изгнанію? горюетъ-ли онъ?

— Не видно, чтобы онъ горевалъ. Онъ склоненъ къ задумчивости, но это въ характерѣ его расы. Правительство приняло все мѣры, чтобъ облегчить его участь: при немъ жены, приближенные. Онъ окруженъ возможнымъ комфортомъ; на содержаніе его ассигнована значительная сумма, и онъ часто получаетъ подарки; малѣйшія прихоти его стараются исполнять.

— Скажите, онъ всегда такъ одѣтъ?

— Нѣтъ, изрѣдка; большей частью онъ одѣвается въ свой національный костюмъ, если только можно назвать костюмомъ леопардовую шкуру. Стрѣльба въ цѣль, пѣніе и пляска, — вотъ его развлечения. Мнѣ удалось научить его писать по англійски; съ виду онъ почти цивили-

лизованъ, мягокъ и добръ, но попробуйте перенести его въ родную обстановку, и онъ сразу обратится въ кровожаднаго и воинственнаго короля.

«Кровожадный король» уже окончилъ осмотръ альбома и передалъ его мнѣ. Я прошу разрѣшенія у зрителя подарить Дини эту вещицу. Препятствій не оказывается, и плѣнникъ принимаетъ подарокъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Это-же удовольствіе написано и на лицахъ его свиты, исключая, впрочемъ, одного изъ «министровъ», сохранявшаго, во все время нашего посѣщенія, суровый озлобленный видъ и выраженіе презрительной надменности.

Между «кровожаднымъ королемъ» и двумя совѣтниками происходитъ оживленный разговоръ, послѣ котораго на столѣ появляется кабинетный портретъ принца Дини, въ европейскомъ костюмѣ, съромъ цилиндрѣ и съ любимой кошкой у ногъ.

Принцъ отдаетъ какое-то приказаніе.

— Онъ требуетъ перо и чернила, — переводить мнѣ зритель, — принцъ хочетъ надписать эту карточку. Все это, кажется, для васъ; поздравляю съ портретомъ и любопытнымъ автографомъ. Дѣйствительно, вооружившись перомъ, плѣнникъ начинаетъ медленно и съ напряженнымъ трудомъ выводить какія-то каракули. Окончивъ, нако-

нецъ, эту операцію, онъ вручаетъ мнѣ снимокъ, на которомъ, крупнымъ дѣтскимъ почеркомъ начертано:

Dini-Zulu.

При этомъ, черный принцъ произноситъ какую-то тираду на такомъ смѣшанномъ нарѣчїи, что понять я не въ состоянїи ничего, кромѣ отдѣльныхъ словъ «Руша» и «Дини».

— Принцъ говоритъ, — поясняетъ смотритель, что когда вы будете въ большой странѣ Руша (Россїя), то покажите эту карточку всѣмъ и скажите, что Дини-Зулу, хотя и въ плѣну, но богатый и могущественный король; что онъ не теряетъ надежды вернуться на родину и увѣряетъ Рушанъ (русскихъ) въ своей дружбѣ.

Визитъ оконченъ и, распрощавшись съ Чернымъ Плѣнникомъ, я отправляюсь домой.

Гуляя по пристани, въ ожиданїи вечерней шлюпки, я думаю о странной судьбѣ этого острова, призваннаго исторїей къ столь роковой роли, — служить темницей для опасныхъ честолюбцевъ.

При этомъ, что за иронїя судьбы! Великаго Наполеона смѣняетъ здѣсь зулусскїй князекъ!

И,—кто знает? можетъ быть, и злополучный Дини палъ жертвой какого нибудь мѣстнаго Талейрана, безвѣстнаго пройдохи-жреца, котораго онъ возвысилъ, согрѣлъ на своей груди и облекъ безграничнымъ довѣріемъ. А тотъ, предвидя конечное торжество ничтожнаго короля Зибебу, раскинулъ свою вѣроломную паутину и продалъ своего покровителя бѣлолицему иноплеменнику за тридцать серебрянниковъ или боченокъ рома.

И вотъ, Дини захваченъ и томится въ заточеніи на далекомъ островѣ, оплакиваемый влюбленнымъ въ него чернымъ народомъ, для котораго, до сихъ поръ, самое имя Дини-Зулу служить воинственнымъ крикомъ, сигналомъ къ кровопролитному возстанію.

Не спасли его амулеты изъ бегемотовой кости и фамильныя священныя бусы, составленныя его предками изъ зубовъ враждебныхъ князей. «Задумчивость въ характерѣ его расы», выразился его тюремщикъ; можетъ быть и такъ, но кто поручится за то, что происходитъ въ головѣ Чернаго Плѣнника? Не рисуется ли ему воображеніе, распаленное изгнаніемъ, плановъ мести, гигантской, ужасной, цѣлаго моря человѣческой крови, долженствующей служить искупленіемъ за измѣну, за горькое томленіе въ далекомъ плѣну?

Не сказалъ-ли онъ мнѣ: «Дини-Зулу, хотя и въ плѣну, но — богатый и могущественный король!» И уносятся мысли его далеко за предѣлы синяго океана, туда, гдѣ большія молчаливыя рѣки извиваются среди непроходимыхъ, опутанныхъ лианами, пальмовыхъ лѣсовъ, безмолвіе которыхъ нарушается лишь криками павіановъ и попугаевъ. Вотъ онъ поднимается по нимъ на узкой пирогѣ, въ борьбѣ съ теченіями, водоворотами; видитъ крокодиловъ, грѣющихся на солнцѣ и грузныхъ гиппопотамовъ, купающихся въ водѣ. Дальше несется онъ, на крыльяхъ памяти, и вступаетъ въ обширныя болота, усѣянныя стаями красныхъ фламинго, въ необозримыя озера, окаймленныя тамариндовыми рощами, пріютами тихихъ слоновъ. Вотъ и пески показались, и ноги его тонуть въ ихъ жгучей и вязкой глубинѣ; онъ видитъ днемъ пугливую стада полосатыхъ зебръ, а ночью онъ слышитъ завыванія шакаловъ и рычаніе льва. Онъ прислушивается къ этому рычанію съ біеніемъ сердца, и сладкое содроганіе пробѣгаетъ по его тѣлу... Дикій восторгъ овладѣваетъ имъ; онъ у себя. Еще немного пути, и «краали» *) родныхъ племенъ засмѣялись ему на горизонтѣ

*) «Селенія».

въ лучахъ утренняго солнца, восходъ котораго служилъ ему указаніемъ пути. Его встрѣчаютъ съ дикимъ восторгомъ, и черныя демоническія толпы, ударяя въ там-тамы, пляшутъ вокругъ него, разодѣтыя въ праздничныя шкуры леопардовъ. «Къ оружію!» — кричитъ онъ, потрясая копьемъ, и воинственный вопль дрожитъ въ воздухѣ, передаваясь отъ «крааля» къ «краалю», отъ племени къ племени, отъ рѣки до рѣки... Онъ весь опьяненъ свободой. Онъ идетъ во главѣ могучей черной арміи, готовой умереть за него, за своего Дини, пропавшаго и опять воскресшаго къ восторгу всѣхъ. И пусть боятся бѣлолицыя, пусть трепещетъ вѣроломный Зибебу! Грудь его разрѣжутъ, и изъ дымящагося трепещущаго сердца его Дини выпьетъ всю кровь до послѣдней капли...

.....

Такъ мечтаетъ по ночамъ Черный Плѣнникъ, а на утро одѣвается въ парусиный пиджакъ; надѣваетъ на голову сѣрый цилиндръ и, глядя свою любимую кошку, выслушиваетъ наставленія смотрителя, обучающаго его англійской грамматикѣ.

Разсчеты съ берегомъ окончены. Послѣдняя шлюпка отвалила отъ борта.

Вахтенный начальникъ шагаетъ по мостику, то и дѣло поглядывая на часы. Группы матросовъ искоса поглядываютъ на него, выжидая команды; боцманматы вынули дудки и собираются приложить ихъ къ губамъ. Всеобщее ожиданіе виситъ въ воздухѣ. Сигнальщикъ робко сообщаетъ офицеру, что на часахъ въ рубкѣ девять.

— Ундеръ-офицеры къ люкамъ! весело и раскатисто восклицаетъ вахтенный начальникъ. Короткіе тревожные свистки разносятся въ воздухѣ.

— Всѣхъ наверхъ паруса ставить, съ якоря сниматься!

Всѣ выбѣгаютъ наверхъ. Вахтенный начальникъ уступаетъ мѣсто старшему офицеру, и тотъ начинаетъ распоряженія громкимъ возгласомъ: «Сна-сти на па-лубу-у-у»!

«Авралъ» *)—въ разгарѣ; каждый на своемъ мѣстѣ; кипитъ дружная лихая работа.

Вскорѣ клиперъ украсился парусами. Якорь поднять, и дѣйствіемъ переднихъ парусовъ насъ быстро «уваливаетъ подъ вѣтеръ».

*) »Авраломъ» — назыв. общая работа на кораблѣ.

Еще минута, другая, реи стройно выравниваются, курсъ взять, и клиперъ понесся, разбивая мощной грудью шипящія волны.

«На мѣстѣ я-корь!» слышится съ бака отдаленный голосъ перваго лейтенанта. «Подвахтенные внизъ!» летитъ откликъ съ мостика.

— На какой изъ Азорскихъ острововъ мы идемъ? спрашиваетъ механикъ у старшаго штурмана, вступившаго теперь на свой высокій постъ.

— Рано будете знать, скоро состаритесь! отвѣчаетъ онъ, таинственно подмигивая, — развѣ можно знать за три недѣли, куда насъ загонитъ судьба?

— Но въ вахтенномъ журналѣ написано-же куда мы слѣдуемъ! допрашиваетъ неугомонный механикъ.

— Идемъ въ Фаялъ, — снисходить, наконецъ, штурманъ.

— А Сан-Мигуельская почта! съ отчаяніемъ восклицаетъ механикъ.

— Александръ Іосифовичъ! обращается ко мнѣ штурманъ, отсчитайте мнѣ по хронометру, пока я словлю солнце. Да, кстати, присоедините механическій лагъ.

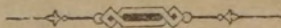
Жизнь вступила въ новый фазисъ; объ этомъ кричитъ чайка, плавно пролетѣвшая надъ нами,

и легкое покачиваніе корабля, и шумъ воды, и паруса, надутые вѣтромъ...

А Елена? А Isola Maladetta?

Она таетъ вдали, и придется-ли увидѣть еще разъ въ жизни ея темный профиль?...

Chi lo sa, говорятъ итальянцы, и жизнь морскаго офицера полна случайностей.

АБОРИГЕНЫ ЯПОНИИ.

Дуетъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, и глубокимъ снѣгомъ покрыты побережья Вулкановой бухты на островѣ Іезо. Тамъ и сямъ, по огромнымъ шапкамъ снѣговыхъ горъ, одѣтыхъ въ дремучіе лѣса, — вы различаете дымокъ крошечныхъ шалашей, скученныхъ въ жалкія деревушки.

Туда то и поведу я васъ еегодня, любознательный читатель, чтобы познакомить васъ съ загадочными обитателями этихъ жилищъ. Острый рыбный запахъ бьетъ въ носъ при самомъ входѣ, — но зажмите носъ на минуту и загляните во внутрь шалаша. Вы видите, что онъ сдѣланъ изъ жердей, обложенныхъ плотной соломенной рогожкой; эти дыры, выложенныя тѣмъ-же матеріаломъ, замѣняютъ двери и окна. Вотъ и земляной полъ съ бѣдной циновкой и двумя грязными досками. Перегородка изъ плетенки, обмазанной глиной,

дѣлится внутреннее помѣщеніе на двѣ половины. Ярко лоснятся стѣнки, пропитанныя сажей и креозотомъ дымныхъ осадковъ; вотъ и очагъ безъ дымовой трубы съ крючьями для вѣшанья котловъ надъ огнемъ. Вдоль стѣнъ приподнятыя лавки служатъ для спанья и ѣды. Нѣсколько глиняныхъ горшковъ, охотничьи принадлежности и шкуры, развѣшанныя по стѣнамъ, составляютъ единственное убранство. Рѣзкій до невыносимости запахъ положительно не даетъ возможности подробнѣе осмотрѣть это скромное жилище и мы съ наслажденіемъ выходимъ изъ него на чистый морозный воздухъ.

Толпа туземцевъ васъ окружаетъ. Невысокаго роста, но коренастаго сложенія, они поражаютъ обиліемъ растительности. Черная густая борода, волосы, подстриженные спереди и волнами падающіе на плечи, длинное овальное лицо бронзоваго цвѣта съ парой узкихъ глазъ, горизонтально примыкающихъ подъ прямымъ угломъ къ низкому широкому носу, — вотъ вамъ и внѣшность «айна» или «айноса» — первобытнаго обитателя Японіи, а нынѣ населяющаго Іезо (или Мацмай), часть Сахалина и нѣкоторые острова Курильской гряды. Костюмъ айноса несложенъ и состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней, кончающейся у ко-

лѣнѣ. Рукава обтянуты по-японски. Но вотъ вы вскрикнули отъ изумленія и, не вѣря глазамъ, всматриваетесь въ лицо, напоминающее вамъ пацовъ и клоуновъ цирка. Оно мелькнуло и исчезло, но вотъ опять показалось, — и теперь цѣлые десятки {подобныхъ обезображенныхъ лицъ смотрятъ на васъ со смѣхомъ, отъ котораго испугъ вашъ только увеличивается... Но дѣло скоро объясняется: это — замужня женщины, довершающія свою природную уродливость дикимъ обыкновениемъ татуировать ротъ; искусная татуировка похожа на синюю краску и проходитъ длиннымъ пятномъ (въ $\frac{3}{4}$ дюйма ширины) вдоль рта, оканчиваясь конически у самыхъ ушей.

Я только въ одной странѣ видѣлъ подобный-же обычай, — именно — у нашихъ антиподовъ Новой Зеландіи — и тоже обязательный для замужныхъ женщинъ. Припоминая черные, лакированные зубы и выбритыя брови японскихъ дамъ, я начинаю объяснять себѣ смыслъ этой жестокой дани замужнему состоянію. Не выражена-ли въ ней забота отстранить отъ себя все, могущее отвлечь женщину отъ ея главнаго назначенія: хозяйки, матери и безотвѣтной рабы?... Наблюдая айноскихъ дамъ, вы замѣчаете на нихъ одежду бумажной матеріи (получаемой изъ

Японіи), самой разнообразной окраски съ преобладаніемъ синяго и бѣлаго цвѣтовъ, ленты изъ древесной коры и соломенные лапти или башмаки. Нѣсколько матерей выбѣжало взглянуть на чужеземцевъ, держа дѣтей за спиной, причемъ повязка, поддерживавшая этихъ юныхъ айносовъ, обвивала лобъ матери. Вы должны знать, что айноскія жены не смотря на уродливость—вѣрныя и прекрасныя помощницы своимъ мужьямъ и конкурируютъ съ ними въ ловкости по части охоты и рыбной ловли. А вѣдь въ этихъ промыслахъ вся дѣятельность и все пропитаніе айноса; сюда ушла вся его суровая и неприглядная жизнь. То рыбачить онъ въ безпріютныхъ бухтахъ подъ вѣчный вой сѣвернаго вѣтра, помахивая трехконечнымъ копьемъ, отъ котораго не убѣжить крупный лосось. То одиноко бродить, затерявшись въ необозримыхъ лѣсахъ и сторожа одинокаго, какъ и онъ, косматаго обывателя ихъ—медвѣдя. Темень и несложенъ культъ дикаря-охотника; боготворить онъ и молчаливыя горы, и лѣса, и вѣчно шумящее море, даже и добычу свою — медвѣдя.

Незатѣйливы и пѣсни айноса; вотъ одна изъ нихъ: «Тебѣ, кормилица-море и тебѣ, лѣсъ-охранитель — возсылаемъ мы благодарную хвалу; вы

отець и мать того-же ребенка и потому не сердитесь, если мы перейдемъ отъ одного къ другому. Айнось всегда останется гордостью моря и лѣса»!

Трогательна исторія этой угасающей народности. Съ древнихъ временъ ее оттѣсняли отъ плодородныхъ долинъ Ниппона суровые пришлецы-воители. Шагъ за шагомъ отступали айносы въ глубь лѣсовъ и скаль, не будучи въ состояніи противостоятъ побѣдоноснымъ войскамъ, высылаемымъ съ юга возникавшимъ японскимъ государствомъ. Избѣгая открытаго боя, они уходили въ лѣса, гдѣ чувствовали себя какъ дома; каждый шорохъ, каждый звукъ и движеніе были имъ знакомы, какъ далекимъ собратьямъ ихъ, сѣвероамериканскимъ индѣйцамъ. Здѣсь только и наносили они поражение врагу, то переодѣваясь въ медвѣжьи шкуры для рекогносцировокъ, то призывая на помощь страшную стихію — огонь и окружая злополучнаго врага кольцомъ горящаго лѣса. Дорого доставался врагу каждый завоеванный шагъ, пока не оттѣснили айносовъ до Іезо. Но и здѣсь не оставили ихъ въ покоѣ: правитель японіи, Іейазу, подарилъ этотъ островъ въ концѣ XV вѣка въ удѣль своему вельможѣ Мацмаю, и тотъ построилъ тамъ свою резиденцію, —

Мацмай (въ 60 миляхъ отъ современнаго Хако-
дате), предпринялъ походъ, съ цѣлью усмиренія
айносовъ. До времени крушенія феодализма въ
Японіи (въ 1871 г.), преемники его всячески
угнетали этотъ несчастный народъ, и, подъ стра-
хомъ наказанія, запрещали сообщать ему понятія
о письменности и цивилизаціи.

Въ настоящее время айносовъ осталось какихъ-
нибудь 15 тысячъ и они вымираютъ быстрѣе,
чѣмъ прежде, подъ напоромъ другого роковаго
врага — цивилизаціи.

Ученые производятъ слово «айнось» отъ «ай-
но-ко», что значитъ: «потомокъ смѣси», т. е.
смѣси человѣка и звѣря. Антропологи относятъ
айносовъ, по древности, къ эпохѣ нашихъ евро-
пейскихъ «пещерныхъ людей» — по сплюсненности
нѣкоторыхъ костей руки и ноги (*humerus* и
tibia).

Я имѣлъ случай узнать нѣсколько айноскихъ
сказокъ, которыя они, вѣроятно, рассказываютъ
другъ другу, сидя у очага въ долгіе зимніе ве-
чера. Вы знаете, читатель, что нигдѣ не отра-
жается такъ полно народное міровоззрѣніе, какъ
именно въ такихъ сказкахъ. Съ большимъ инте-
росомъ старался я отыскать въ нихъ основные
мотивы міросозерцанія этого неразгаданнаго на-

рода, — вотъ одна изъ этихъ сказокъ, можетъ быть, наиболѣе характерная:

«Нѣкогда жилъ прекрасный и отважный юноша, чрезвычайно любившій охоту. Въ одно ясное зимнее утро, когда почва была покрыта глубокимъ снѣгомъ, онъ отправился въ горы, захвативъ свой лукъ и стрѣлы, чтобы попытаться убить медвѣдя. Осмотрѣвшись, онъ вскорѣ попалъ на слѣдъ и, идя по этому слѣду вверхъ по узкой долинкѣ, онъ, наконецъ, замѣтилъ медвѣдя. Но медвѣдь шелъ вдаль, и чтобы приблизиться къ нему на разстоянiе, необходимое для выстрѣла, охотникъ продолжалъ пробираться въ снѣгу по обрывамъ и скаламъ, между корнями деревьевъ. Наконецъ, когда уже много пути было пройдено, — медвѣдь исчезъ. Подойдя къ тому мѣсту, охотникъ увидѣлъ отверстiе огромной пещеры, высокой и темной, но такъ какъ въ другомъ концѣ ея маячилъ слабый свѣтъ, то онъ увѣрилъ себя, что медвѣдь прошелъ этой пещерой. Рѣшившись идти за нимъ, охотникъ нашъ, послѣ труднаго и долгаго пути, достигъ, наконецъ, другаго края пещеры, и — о! какъ стало ему хорошо и свѣтло подъ ласковыми лучами какого-то небывалаго свѣта! Объясняется это очень просто, такъ какъ охотникъ (самъ того не зная) попалъ въ вол-

шебное царство. Глазки птицъ сверкали алмазами; крылья бабочекъ были отлиты изъ чистѣйшаго золота; листья деревьевъ были изъ шелка, а земляника была во сто разъ вкуснѣе самыхъ лучшихъ японскихъ грушъ. Но охотникъ пренебрегалъ всѣмъ этимъ; все, что онъ желалъ, — это своего медвѣдя. Однако, проголодавшись, онъ поѣлъ немного винограда и отправился къ другой горѣ, полагая найти медвѣдя тамъ. Уставъ немного, онъ пожелалъ отдохнуть и тутъ только замѣтилъ что ногъ у него нѣтъ и что онъ обратился въ большую змѣю. При этомъ открытіи онъ хотѣлъ крикнуть отъ ужаса, но могъ издать лишь змѣиное шипѣніе. Что дѣлать? Онъ не могъ вернуться обратно змѣей, такъ какъ хорошо зналъ, какъ ненавидятъ на землѣ этихъ гадовъ.

Не зная, что предпринять, онъ машинально поползъ къ выходу пещеры и тамъ, свернувшись у подножія большой сосны, — заснулъ отъ страшной усталости, съ сердцемъ полнымъ отчаянія. Во снѣ, явился ему духъ сосны и сказалъ: «Я фея, и мнѣ жалко видѣть тебя въ твоемъ грустномъ положеніи, зачѣмъ ты поѣлъ фруктовъ волшебной страны? Они прекрасны на видъ, но ядовиты для людей, оттого-то ты и превратился въ змѣю. Если ты хочешь стать снова человѣкомъ,

то вотъ единственное средство: влѣзть на вершину этой сосны и оттуда броситься внизъ».

Проснувшись, охотникъ (или, вѣрнѣе, змѣя) почувствовалъ приливъ надежды и страха, но, поразмысливъ немного, онъ рѣшилъ послѣдовать совѣту феи. Она была такъ добра и прекрасна, что завоевала его сердце.

Въ концѣ-концовъ, самый худой исходъ состоялъ въ смерти отъ паденія; но быть убитымъ лучше, чѣмъ продолжать жить въ видѣ змѣи, которую каждый ненавидѣлъ-бы какъ ядовитаго гада. Итакъ, онъ поползъ вверхъ по соснѣ; добравшись до самой верхней вѣтки, онъ собралъ все свое мужество, — и упалъ внизъ. Онъ слышалъ свистъ своего паденія, потомъ страшный толчокъ и лишился сознанія. Придя въ чувство, онъ увидѣлъ себя стоящимъ у подножія дерева, а возлѣ него разбитое туловище огромной змѣи. Разумѣется его первою мыслью было — «домой»!

Поблагодаривъ фею за чудесное избавленіе, онъ ринулся въ пещеру и длиннымъ корридормъ добѣжалъ до ея конца, къ тому мѣсту, гдѣ исчезъ медвѣдь. Прыгая съ утеса на утесъ, онъ скоро добрался до дому. Чувствуя себя страшно уставшимъ, онъ рано легъ въ ту ночь и сразу зас-

нуль. Во снѣ предстала предъ нимъ красавица фея и сказала:

— «Я пришла извѣстить тебя, что ты не можешь долго жить въ этомъ мірѣ людей, попробовавъ плодовъ той волшебной страны. Но тамъ есть одна прекрасная фея, которая желаетъ выйти за тебя замужъ. Это она то и обратилась въ медвѣдя, чтобы завлечь тебя въ заколдованный край. Слушай! ты долженъ рѣшиться покинуть землю; твоя красавица тебя ждетъ, и если ты хочешь знать, гдѣ ея жилище, то я не стану скрывать: она живетъ между верхними вѣтками высокой сосны, и эта фея — я!»!

Молодой охотникъ проснулся на другое утро, но онъ былъ очень боленъ; черезъ три дня онъ умеръ, или вѣрнѣе, фея его унесла. Она унесла его на своихъ разноцвѣтныхъ крылышкахъ въ чудесный край, гдѣ они теперь живутъ. Ихъ домъ на вершинѣ высокой сосны. Но часто слетаютъ они прогуляться среди прекрасныхъ холмовъ и долинъ, гдѣ глазки птицъ сверкаютъ алмазами, крылья бабочекъ изъ чистаго золота, а виноградъ и земляника блистаютъ ярче рубиновъ и изумрудовъ земли».

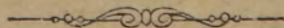
Вотъ дословное содержаніе этой наивно трогательной сказки; въ ней, какъ въ зеркалѣ, отра-

зилась суровая доля айноса-охотника, добывающего свою трудную добычу въ горныхъ снѣгахъ, подѣ вой сѣвернаго вѣтра, заметающаго дорогу...

Когда я дописываю эти строки, — свѣжій попутный вѣтеръ далеко относитъ насъ отъ безпріютныхъ и скалистыхъ береговъ.

Прощай Мацмай! Прощай и ты, айносскій народъ!.. Небольшое мѣсто занялъ ты на аренѣ исторической жизни, и уже осужденъ на неизбежное умираніе, подобно собратьямъ твоимъ въ скалистыхъ горахъ далекой Америки.

И, въ самомъ дѣлѣ, въ нашъ вѣкъ техники, бездымнаго пороха и кредитныхъ учрежденій, — что можетъ значить одинокій айносъ, затерянный въ мацмайскихъ снѣгахъ, съ его мечтой о томъ краѣ, «гдѣ крылья бабочекъ изъ чистаго золота и гдѣ плоды блистаютъ ярче рубиновъ и изумрудовъ земли»!

Святая Ночь въ океанѣ.

(Набросокъ).

«Богъ помощь вамъ, друзья мои,
И въ буряхъ, и въ житейскомъ горѣ,
Въ краю чужомъ, пустынномъ морѣ
И въ сладкихъ таинствахъ любви!»

«Донесите по прибытіи въ портъ, что видѣли насъ въ этой широтѣ и долготѣ».

Такъ заканчиваетъ свои сигналы встрѣчный корабликъ, и далекій обликъ его таетъ, исчезая въ низкихъ тучахъ, закрывшихъ горизонтъ.

Тридцатый день перехода застаётъ насъ на половинѣ пути. Сознаніе это лежитъ тяжелымъ гнетомъ на душѣ cadaго; свѣжая провизія уже давно истекла, а солонина, сухари и консервы, игравшіе вначалѣ второстепенную роль, теперь царятъ въ мѣню.

Сегодня настроеніе каютъ-кампаніи въ особенности унылое: старшій штурманъ, спустившись

послѣ observaціи, сообщилъ, что суточного плаванія сдѣлано всего 60 миль.

— Вотъ вамъ и парусный двигатель! — разразился первый лейтенантъ.

— Вотъ вамъ и поэзія паруснаго плаванія! — поддерживаетъ его докторъ.

Эти возгласы, хотя и выражаютъ общее настроеніе, но направлены, главнымъ образомъ, по адресу лейтенанта Х., завзятаго любителя морскаго спорта.

Послѣдній, хотя и сознаетъ, что шансы его въ данную минуту плохи, но не остается въ долгу, и завязывается общій шумный споръ, на минуту разсѣивающій томительную скуку. Впрочемъ, споръ скоро умолкаетъ передъ громкимъ заявленіемъ «мамаши» (содержателя каютъ-кампаніи, выборная должность):

— Господа! какъ вамъ извѣстно, — сегодня канунъ Свѣтлаго праздника; изъ консервованнаго молока, свернувшася въ творожистую массу, удалось состряпать нѣчто, чему именемъ да будетъ — Пасха! Количество яицъ немного увеличилось дѣятельностью нашихъ куръ; куличъ-же вышелъ на славу, хотя изрядно тяжелъ, но это къ лучшему: меньшимъ будете сыты. А теперь

прошу лицъ, способныхъ къ общественной дѣятельности, заняться окраской яицъ!

Рѣчь «мамаши» покрывается шумными одобреніями, и скоро всѣ присутствующіе каютъ-компаніи принимаются дѣятельно за окраску пасхальныхъ яицъ.

Шумъ, смѣхъ, веселый говоръ сопровождаютъ это занятіе, и время летитъ незамѣтно.

Лейтенантъ Z. запѣваетъ пѣсню, и всѣ притихаютъ, — до того отвѣчаетъ она общему настроенію:

Не для меня въ странѣ родной
Семья вокругъ вся соберется,
«Христось Воскресъ» изъ устъ полетется.

— Господа! вы не замѣчаете, что покачивается? Вотъ ужъ четвертое яйцо у меня разбилося, — замѣчаетъ молоденькій мичманъ В.

Неопредѣленный шумъ сверху прерываетъ его слова.

«Бомъ-брамсели долой!» весело и раскатисто раздается звучная команда вахтеннаго начальника.

Старшій штурманъ, торопливо хватая фуражку, выбѣгаетъ наверхъ.

Свинцовыя тучи поднялись съ востока, и барометръ тронулся къ низу.

Недокончивъ занятій, всѣ высыпаютъ наверхъ.

Засвѣжѣвшій вѣтеръ сильно наклонилъ клиперъ, и онъ быстро неся, разсѣкая черную воду, а бѣлоснѣжная пѣна взлетала до полу-бака.

Въ воздухѣ чувствовалось что-то зловѣщее.

Пришлось уменьшить паруса, а черезъ часъ взяли первый рифъ у марселей.

«Мамаша» тревожилась: удастся-ли встрѣтить Свѣтлый Праздникъ, какъ предполагалось?

А приготовления къ встрѣчѣ подвигались: на леерахъ были подвѣшены фонари, устанавливались столы для яствъ, въ камбузѣ кишѣла работа: изготовлялся командный пуншъ, и пѣвчіе спѣвались въ палубѣ.

Вѣтеръ не стихалъ и къ вечеру пѣнистый гребешокъ волны уже окатилъ съ ногъ до головы гулявшую группу офицеровъ.

— Это только визитная карточка, — угрюмо замѣтилъ старшій механикъ, — скоро и сама пожалуетъ...

Къ ночи вѣтеръ такъ засвѣжѣлъ, что вахтенный начальникъ сталъ посматривать съ тревогой на паруса.

Мелькнула мысль о второмъ рифѣ.

Командиръ сидѣлъ въ штурманской рубкѣ вмѣстѣ со старшимъ штурманомъ.

Изрѣдка обмѣниваясь замѣчаніями, они корпѣли надъ картой уже битыхъ два часа. Состояніе капитанской души могъ бы понять только тотъ, кто испыталъ когда-либо великую отвѣтственность за ввѣренное судно и сотни жизней, спасеніе или гибель которыхъ зависятъ отъ его распоряженій.

О, эти безсонныя капитанскія ночи, исполненныя думъ и вѣчнаго тревожнаго прислушиванія къ каждому неопредѣленному звуку, къ каждому сотрясенію судна, къ каждому удару волны!...

Не такъ разсуждалъ молоденькій вахтенный мичманъ В.

— Охота ему тутъ сидѣть! ворчалъ онъ, только мѣшаешь писать вахтенный журналъ.

Это сердило его тѣмъ болѣе, что писаніе вахтеннаго журнала являлось лишнимъ предлогомъ, хоть на минуту, скрыться въ теплую рубку отъ холоднаго вѣтра и брызговъ воды.

Уже близился моментъ Богослуженія, какъ вдругъ громкая команда и тревожные свистки слышались сквозь ревъ вѣтра.

«Всѣхъ наверхъ паруса убавлять!»

Черная мгла казалась еще чернѣе послѣ освѣщенной палубы. Съ трудомъ добирались офицеры

до своихъ мѣсть, путаясь въ «бухтахъ» снастей и ежеминутно окатываемые водой.

Страшный розмахъ... и клиперъ черпнулъ всѣмъ бортомъ. Отъ приготовленій къ Пасхѣ не осталось и слѣда. Столы были убраны давно, а теперь погасли и развѣшанные фонари. Ведра «обрѣзы», бухты снастей, всевозможные предметы плавали въ потокѣ воды, хлынувшей на палубу.

Сломались деревянные доски у стойла быка, и онъ, грузно упавъ, заградилъ путь для тяги снастей.

— Ну и Пасха, — ворчалъ мичманъ В. спускаясь съ верхушки мачты.

По окончаніи «аврала», богослуженіе началось, но пѣвчіе и офицеръ, читавшій молитву, едва удерживались на мѣстахъ.

Мичманъ В., какъ вахтенный, не сошелъ внизъ, а сталъ на полу-бакъ (передняя часть корабля), погруженный въ тоскливую задумчивость.

Ревъ вѣтра и шумъ волнъ смѣшивались порой съ унылыми звуками баковаго колокола, ударявшагося при качкѣ о мѣдную стойку.

Холодно и безучастно смотрѣлъ молодой офицеръ въ черную ненастную ночь.

И на душѣ его была та же черная ночь.

«Es ist eine alte Geschichte, doch bleibt sie immer neu»!

Еще во время стоянки въ Новой Зеландіи, одна Ауклэндская дама произвела на него сильное впечатлѣніе. Что можетъ быть плѣнительнѣе женскаго ума? И этотъ умъ изящной англичанки такъ проникъ все существо юнаго моряка, что минутное очарованіе обратилось въ любовь, знойную, какъ солнце тѣхъ далекихъ широтъ.

Передъ самымъ отплытіемъ, кокетка хладнокровно объяснила мичману, что любить своего мужа и что хотя признаніе его дѣлаетъ ей величайшую честь, но...

Молодость не знаетъ вѣчнаго горя, и рана его какъ будто закрылась; но порой, какъ возвратная боль откликающагося ревматизма, имъ овладѣвало горькое чувство обманутыхъ ожиданій и какое-то суровое озлобленіе. И теперь оно посѣтило его, это чувство, и онъ мрачно смотрѣлъ на черныя громады волнъ, не замѣчая, что вѣтеръ распахнулъ его дождевикъ и крупныя брызги ударяли ему въ лицо...

Внизу, гремѣлъ радостный гимнъ: «Христось воскресе изъ мертвыхъ»! Волна святого одушевленія охватила сердца этихъ людей, затерянныхъ

среди мрака бурной ночи, въ безпредѣльномъ просторѣ бушевавшаго океана.

Вотъ крестный ходъ съ трудомъ совершаетъ свое шествіе по палубѣ.

«Христось воскресе!»! долетаетъ до оцѣпенѣвшаго мичмана В. Кто-то цѣлуетъ его въ щеку.

— Это я, душка! забѣжалъ съ тобой похристосоваться, — говоритъ товарищъ. — Сейчасъ тебя смѣнять; рѣшено всѣмъ стоять по четверти часа, чтобы каждый могъ выпить свой бокаль. Между прочимъ, барометръ поднимается, и штурманъ говоритъ, что завтра мы получимъ муссонъ. До свиданья!

Онъ опять остается одинъ, но куда дѣвалась грусть? Сердце радостно бьется, и какія-то непрошенныя слезы неудержимо бѣгутъ, сливаясь съ соленою влагой.

Ему хочется громко крикнуть отъ восторга.

И все окружающее становится для него вдругъ необыкновенно милымъ: и этотъ новобранецъ, прикурнувшій у штага, и альбатросъ, пронесшійся надъ нимъ, и торопливый привѣтъ забѣжавшаго товарища, и весь этотъ клиперокъ, эта собирательная душа какого-то одинаго цѣлаго...

Словно онъ ожилъ, словно завѣса будущаго на минуту приподнялась для него.

И все празднуетъ съ нимъ.

А въ крикъ чайки звучить тревожный призывъ къ борьбѣ со стихіей, изъ которой съ честью выйдетъ штормующій клиперъ въ эту бурную Святую Ночь.

1870

1871

1872

1873

1874

1875

1876

1877

1878

Предположена къ печати монографія
того же автора:

«Космогонія ново-зеландскихъ дикарей въ
ея связи съ арійскимъ солнечнымъ мифомъ и
съ вопросомъ о происхожденіи маорійской на-
родности».

(По матеріаламъ, подареннымъ автору бывшимъ
губернаторомъ Новой Зеландіи, сэромъ Джорджемъ
Греемъ).

